

РусскийМир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

СОМНЕВАЙСЯ И ВЕРЬ!

Как мы делали
первые шаги в космос

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

www.russkiymir.ru

МИР ПОСТАВЛЕН НА ПЕРЕСМОТР

НА ФОНЕ ДРАМАТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ НА УКРАИНЕ после начала военной спецоперации России с целью демилитаризации и денацификации исторически братской нам страны против нашей страны начата беспрецедентная в истории санкционная война. Это ставит Российскую Федерацию перед вызовами такого масштаба, который можно сравнить разве что с временами Великой Отечественной войны или революции 1917 года.

При этом на полный пересмотр и разрыв поставлены все отношения России с Западом. Речь, возможно, даже не о тех отношениях, которые сложились после окончания холодной войны и которые не вчера зашли в тупик. И даже не в 2014 году, после госпереворота на Украине. Еще раньше. Речь идет о тех отношениях цивилизационного уровня, которые начали складываться между Россией и Западом во времена Петра I, прорубившего «окно в Европу». Речь о переоценке, таким образом, российской внешнеполитической ориентации цивилизационного масштаба.

Мы пока не знаем, когда и чем именно закончатся начатые в феврале 2022 года процессы. Но мы точно знаем, что мир вокруг нас уже не будет прежним. Как не восстановятся в прежнем виде и наши отношения с этим миром. Очень многое будет по-другому. И то, насколько мы сумеем в этом «новом мире» не только выжить, но и преуспеть, зависит только от нас. ☺

ИСТОРИЯ

06 Венецианская партия Петра I

14 Праздничная драка

22 «Сибирские слоны» и все-все-все

НАСЛЕДИЕ

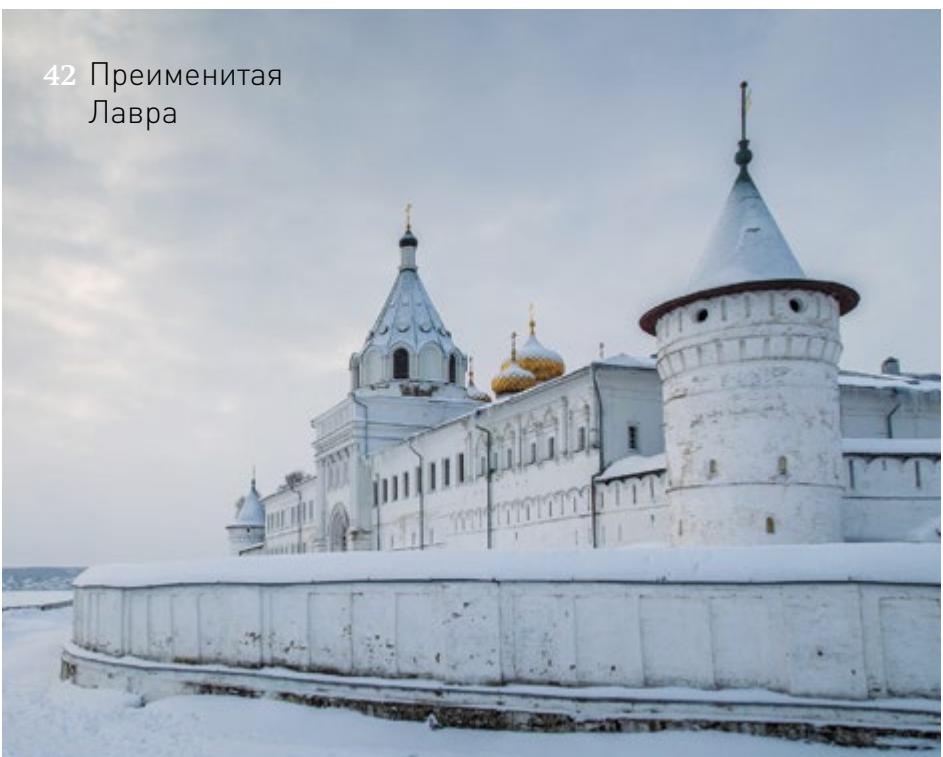

30 Четыре жизни Федора Эмина

36 Философ из подполья

42 Преименитая Лавра

КУЛЬТУРА

52 «У меня есть имя»

58 Драгоценный источник

МУЗЕИ

66 Мы не можем жить без космоса

78 Переплетения истории

ПУТЕШЕСТВИЕ

88 Очарованные Каиром

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор **Елена МЕЩЕРСКАЯ**

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Арина АБРОСИМОВА
Мария БАШМАКОВА
Александр БУРЫЙ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Екатерина ЖИРИЦКАЯ
Дмитрий КОПЕЛЕВ
Алексей МАКЕЕВ
Елена МАЧУЛЬСКАЯ
Зоя МОЗАЛЁВА
Андрей СЕМАШКО
Дмитрий УРУШЕВ
Денис ХРУСТАЛЁВ
Марина ЯРДАЕВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamur-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 2 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2 Телефон:
(499) 519-01-68
Сайт журнала:
<https://rusmir.media>
Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке:
коллаж Антона БИЗЯЕВА

ФОНД РУССКИЙ МИР

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

КОЗАК Д.Н.
Заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации, председатель попечительского совета Фонда

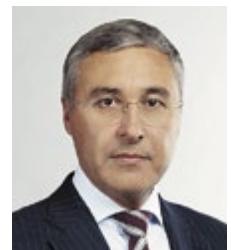
КРАВЦОВ С.С.
Министр просвещения Российской Федерации, заместитель председателя попечительского совета Фонда

ЛАВРОВ С.В.
Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛЮБИМОВА О.Б.
Министр культуры Российской Федерации

ФАЛЬКОВ В.Н.
Министр науки и высшего образования Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

НИКОНОВ В.А.
Первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам, председатель правления Фонда

АЛЯУТДИНОВ Р.Ж.
Директор Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД России

БОГДАНОВ С.И.
Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена»

КОРТАВА Т.В.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

ОСАДЧИЙ М.А.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

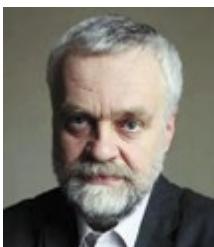

ШЕВЦОВ П.А.
Заместитель руководителя Россотрудничества

СОСТАВ НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ТОЛСТОЙ В.И.
Советник президента Российской Федерации, председатель наблюдательного совета Фонда

ВАРЛАМОВ А.Н.
Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Литературный институт имени А.М. Горького»

ВАСИЛЬЕВА О.Ю.
Председатель попечительского совета федерального государственного бюджетного учреждения «Российская академия образования»

ВЕРШИНИН С.В.
Заместитель министра иностранных дел Российской Федерации

ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ Г.В.)
Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КРОПАЧЕВ Н.М.
Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

МАСЛОВ И.В.
Начальник Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент Фонда изучения исторической перспективы

НЕВЕРОВ И.С.
Начальник Управления Президента Российской Федерации по внешней политике

НИКОНОВ В.А.
Первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

ПРИМАКОВ Е.А.
Руководитель Россотрудничества

САДОВНИЧИЙ В.А.
Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

СИМОНЯН М.С.
Главный редактор федерального государственного унитарного предприятия «Международное информационное агентство «Россия сегодня»

ТОРКУНОВ А.В.
Ректор федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

ФИЛАТОВ А.Е.
Начальник Управления Президента Российской Федерации по приграничному сотрудничеству

ВЕНЕЦИАНСКАЯ ПАРТИЯ ПЕТРА I

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

АВТОР

ДМИТРИЙ КОПЕЛЕВ

НА РУБЕЖЕ XVII–XVIII ВЕКОВ ВЕНЕЦИАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА, СТОЛЕТИЯМИ ГОСПОДСТВОВАВШАЯ В СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ, НАЧАЛА ОСЛАБЕВАТЬ. ПОД УДАРАМИ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ БЛЕСК «ВЛАДЫЧИЦЫ МОРЕЙ» ИЗРЯДНО ПОТУСКНЕЛ, СРЕДИЗЕМНОМОРСКАЯ ИМПЕРИЯ ТРЕЩАЛА ПО ШВАМ. ОДНАКО ВЕНЕЦИЯ ПО-ПРЕЖНЕМУ УДЕРЖИВАЛА ЗА СОБОЙ ПЕРВЕНСТВО В ОБЛАСТИ ВОЕННО-МОРСКИХ И НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.

В ЭТО ВРЕМЯ НА ДРУГОМ конце Европы, в далекой Московии, делали только первые шаги к морскому господству. Царство Петра I испытывало

острую потребность в современных военных разработках и специалистах. В октябре 1696 года по предложению царя Боярская дума приняла решение о сооружении флота

из нескольких десятков кораблей. Казна не располагала необходимыми средствами. Так что основное бремя организационных, финансовых и кадровых расходов легло на плечи «кумпанств», объединявших патриаршие, архиерейские, монастырские и помещичьи дворы, которые должны были в складчину строить, оснащать и вооружать военные корабли.

Азов был взят в 1696 году, но Керчь еще предстояло отвоевать, так что пока русский царь со своим молодым флотом был заперт в Азовском море. Черное море, закрытое османами для иноземных кораблей, оставалось внутренним турецким озером, или, как иронично высказался один французский историк, «непо-

П. ван дер Верф.
Портрет Петра I.
Около 1697 года

ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ

рочной девой султана». А царь Петр, в стремлении «вытягать Керчь», стоял перед массой тяжелых проблем: отсутствием судостроительных технологий, кадровым голодом и логистическими трудностями. А главное – отсутствием дипломатической поддержки своих начинаний. Поэтому и было принято решение в 1697 году отправить в Европу Великое посольство под руководством Франца Яковлевича Лефорта, Федора Алексеевича Головина и дьяка Посольского приказа Прокофия Богдановича Возницина. В составе посольства под именем десятника Петра Михайлова ехал и сам царь. Была включена в него и группа волонтеров, направленных за границу учиться навигации и кораблестроению. Часть их отправилась в Англию и Нидерланды, другие поехали в Италию, на Средиземное и Адриатическое моря, где располагались центры тогдашней военно-морской науки.

ТАИНСТВЕННЫЕ СТОЛЬНИКИ

Отправляя волонтеров в Венецию, Петр рассчитывал начать дипломатическое освоение Средиземноморья и найти союзников в противостоянии с Турцией. 29 января 1697 года представители России, Венеции и Священной Римской империи германской нации подписали в Вене рассчитанный на три года договор о наступательном союзе, направленный против Константинополя. Стороны обязались оказывать друг другу военную помощь и не заключать сепаратных соглашений. Планировавшиеся встречи московских вельмож с венецианским дожем и папой римским могли стать очередными шагами к созданию Священного союза против Османской империи. Венчать же весь дипломатический процесс должна была задуманная царем Петром поездка в Венецию, которую он хотел увидеть. Здесь, в этом странном «лабиринте, где смешались земля и

вода», перед ним предстало быть всем своем величии военно-морское могущество империи: Дворец дожей, Риальто и Арсенал. В Арсенале хранилась одна из главных святынь республики – двухпалубная церемониальная галера «Будентавр», символ Венеции. На ней ежегодно во время праздника Вознесения дож выходил в залив и проводил церемонию символического обручения с морем. Но поездка царя сорвалась: побывав в Амстердаме и Лондоне, Петр в июле 1698-го прибыл в Вену. Здесь его настигло известие о восстании стрельцов, и Петр поспешно выехал в Москву. Правда, сохранились косвенные свидетельства о том, что 19 июля он инкогнито все же добрался до Венеции и уже оттуда направился в Россию.

Волонтеры должны были выехать из Москвы не позже февраля 1697 года: «сим зимним временем, чтобы к последним числом февраля никто здесь не остался». Программа поставленных перед ними задач сопровождалась четкими указаниями: 1. Знать чертежи или карты морских, компас, также и прочая признаки морских. 2. Владеть судном как в бою, так и в простом шествии, и знать все снасти, или инструменты, к тому надлежащия: парусы и веревки, и на катарах и на иных судах весла и прочия. 3. Сколько возможно искать того, чтобы быть на море во время бою, <...> 4. Если же кто похочет впредь получить себе милость большую по возвращении своем, то <...> научились к сим вышеописанным повелениям и учениям знати, как делати те суды, на которых они искушение свое примут...» К своему возвращению каждый из них должен был «по два человека искусных мастеров морского дела привезти с собою до Москвы на своих проторях, а те протори, как они придут, будут им заплачены».

В состав волонтеров попали выходцы из аристократических фамилий Московского царства:

Голицыны, Куракины, Трубецкие, Черкасские, Репнины, Хилковы, Долгорукие, Бутурлины, Салтыковы, Лобановы-Ростовские. Все получили проезжую грамоту с печатью. Ехали они в Западную Европу инкогнито, настоящих их имен никто в Европе не знал. Перечень же их фамилий, полученный в Венеции, выглядел весьма необычно, но не для служителей республики. Как раз для них все укладывалось в привычные рамки: имя-фамилия. Разве что с поправкой на сложности произношения. Фамилии выглядели странными для самих русских: Michiel It(l)gin (Михаил Ильич Чириков); Jurga Fedoroff (Юрий Федорович Лодыженский); Giovanni Danit(l)ovu (князь Иван Данилович Гагин); Giorgio Ivar(n)euv (князь Юрий Юрьевич Трубецкой). Кто из изучавших эти списки венецианцев мог уловить лингвистическую уловку, с помощью которой скрыли подлинные имена участников, превратив их отчества в фамилии? Упомянутых в списках людей никогда не существовало. Московские власти просто не сочли нужным раскрывать венецианцам подлинные фамилии отправляемых за границу навигаторов «для того, чтобы в иноземческих краях подлинно не ведали, какого чина и каких пород для тое вышеписанные науки в их государства посланы».

Добился ли Кремль своих целей? Есть основания в этом усомниться. О высоком происхождении московских гостей был осведомлен, например, проживавший в Москве с 1666 года тосканский купец иезуит Франческо Гваскони, негласный агент герцога Тосканского и Сиены (La Serenissima, торжественное название Венецианской республики. – Прим. ред.), пользовавшийся немалым влиянием среди католиков столичной Немецкой слободы. В Москве у Гваскони были хорошие знакомые: шотландцы-католики генерал-майор Пол Мензис и генерал Патрик Гордон, а также сам великий посол и добрый

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Стольник князь Андрей Меньшой Иванович Репнин (умер 27 января 1699 года). Портрет работы неизвестного художника. 1690-е годы

приятель царя Франц Лефорт. Филиалы торгового предприятия Гваскони располагались в Амстердаме, Венеции, Мадриде и Смирне. В амстердамской конторе делами заправлял его брат Джоваккино. Другой брат, Лоренцо, вел дела в Смирне, а младший, АLESSANDRO, со своим флорентийским компанионом управлял компанией Гваскони – Да Верраццано в Венеции. Именно ему 26 февраля 1697 года Франческо сообщил о том, что из Москвы на берега Адриатики «изучать кораблевождение» отправляются 40 благородных господ. Едут они, скрывая свое происхождение и «называясь по имени и отчеству». Он также сообщил, что по просьбе царя Петра I греческий торговец Жуан де Жеролемо разыскал в Далмации, в городе Перасте, ученого моряка-славянина Марко Мартиновича и за

ежемесячную плату в 50 дукатов предложил ему обучать навигации «московитских нобилей». Внешность знатных московитов, их богатые одежды и надменные манеры сразу бросились в глаза и венецианскому послу в Вене Карло Рудзини. В донесении дожу от 8 июля из Мёдлинга он сообщил, что люди эти «кажутся знатными и принадлежат к царскому двору». Автор записки от 28 декабря 1697 года, сообщивший о приезде волонтеров в Рим, особо выделил среди них cognatedel Czardi Moscovia, ожидавшего встретиться здесь с «двумя московитскими князьями Голицынами». Впрочем, кого из двух родственников Петра I подразумевал автор записки, неизвестно. Использованное им определение cognato дает равное право подозревать, что под этим «родственником» мог подразумеваться и царский шурин

Абрам Федорович Лопухин, и свояк царя, князь Борис Иванович Куракин, женатый на сестре царицы Евдокии Ксении Лопухиной.

Петр отбирал для путешествия в Италию людей не случайных. Отправленные в Италию навигаторы занимали важное место при дворе и служили стольниками: они сопровождали царя, присутствовали на дворцовых церемониях, приемах послов, служили в рындах во время походов и выполняли монаршие поручения. Не все они были молоды: будущему фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметеву было 45 лет, а Петру Андреевичу Толстому, который станет посланником в Константинополе и возглавит Тайную канцелярию, уже шел шестой десяток. Многие обладали управленческим опытом, а некоторые уже побывали в заграничных путешествиях. Приобщились стольники и к западноевропейской культуре: они частенько посещали Немецкую слободу и прекрасно знали, как отличается атмосфера жизни ее обитателей от московской чинности и чопорной замкнутости. Некоторые из них с грехом пополам знали иностранные языки. Петр Толстой, судя по всему, немного владел латынью и по пути в Италию посещал костелы, чтобы прослушать католическую службу. Во время пребывания в Италии он совершенствовал и свои познания в итальянском. Но, конечно, похвастаться хорошим знанием языков стольники не могли. Преподавание же морским наукам в Италии велось на латинском и итальянском языках, в Черногории – на сербохорватском. В сложной морской терминологии использовались также испанская, греческая, французская, арабская, турецкая и южнославянская терминология. Они «не умеют говорить ни на одном языке, кроме своего собственного», – записал один римский наблюдатель, подчеркнувший, что и приставленного к московитам переводчика «тоже с трудом можно понять».

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ЗАЛОЖНИКИ ЦАРЯ

Дипломатия, обучение навигации, налаживание нужных контактов, поиск специалистов для службы в российском флоте – все ли мотивы, которыми руководствовался царь Петр, отправляя стольников в Венецию, очевидны? Некоторые из московских дворян, полагал, например, венецианскийрезидент в Польше Д. Альбертини, намеревались сражаться в рядах католиков против турок. «До меня дошли сведения, – доносил в рапорте от 14 мая Альбертини, – что среди них есть один родственник царя, и, кажется, он собирается воевать под знаменем святого Марка». Через неделю Альбертини сообщал уже о нескольких стольниках, готовых направиться воевать против неверных в Левант, причем указывал на то, что у них есть рекомендательное письмо от царя. Их имена нам неизвестны. Однако происходившее параллельно поездке стольников путешествие в Средиземное море, в Рим и на Мальту Бориса Петровича Шереметева, принятого в рыцари Мальтийского ордена, наводит на мысль, что сообщение Аль-

бертини имело под собой вполне реальные основания.

А если взглянуть на список стольников? К нему есть немало вопросов, так как точный состав отправленных в Венецию навигаторов неизвестен. В начальном списке фигурировало 39 человек и с ними столько же сержантов и солдат Преображенского полка, то есть всего 78 человек. Однако некоторые из внесенных в этот список на Апеннины полуостров не поехали или были заменены в последний момент. По-видимому, не был в Венеции сын окольничего Алексея Ивановича Ржевского Матвей. Вместо князя Данило Черкасского в Италию поехал князь Михаил Яковлевич Хилков. Вместе со своим братом Андреем он сопровождал Толстого в поездках по Италии и Далмации. Его пребывание в Италии подтверждает, например, картина неизвестного автора «Марко Мартинович учит поименованных здесь московских князей и бояр морским наукам и управлению» из музея Пераста. На ней изображен Мартинович, окруженный своими русскими учениками, среди которых перечислены и три брата Хилковы: Юрий, Михаил и Андрей. Многие из отправленных в Венецию стольников узнали о предстоящей поездке с недовольством, «яко дело не только никогда не бывалое, но и яко противное закону прежних государей и закону божию». Они были женаты, имели детей и совершенно не собирались обременять себя столь мудреными и не сообразными ни с их знаниями, ни с их интересами делами. «Не было ни одного знатного дома, где бы не тужили и не сетовали о долговременной разлуке с родными и близкими, обреченными учиться ремеслу матросскому». В подобной атмосфере смутный ропот вскоре перерос в gravecongiura, опасный заговор, который возглавили думный дворянин и бывший стрелецкий полковник Иван Елисеевич Цыклер

и окольничий Алексей Прокофьевич Соковнин. А среди отобранных для поездки в Италию лиц как раз числились братья Василий и Федор Соковнины, сыновья окольничего Соковнина. Они к тому же приходились племянниками известным сестрам-раскольницам – боярыне Феодосье Морозовой и княгине Евдокии Урусовой. Комнатный стольник Петра I Василий Соковнин в 1692–1694 годах служил воеводой Ярославля, Ростова и Переславля и являлся одним из самых «креативных» участников забав «потешной кумпании» царя. По словам поехавшего в Венецию князя Бориса Куракина, именно Василий Соковнин, «муж <...> злой и всяких пакостей наполненный», являлся «установителем» знаменитых «комедий» Петра в Измайлове, во время которых «царское величество при дворе своем также играл святки со своими комнатными людьми». Сам же Соковнин изображал на них «пророка» и произносил кощунственные речи, возвещая проповедь «богонегутодных» истин и грядущее Преображение. Его имя всплыло на допросе Цыклера, который поведал о замыслах цареубийства, вынашиваемых Алексеем Прокофьевичем Соковнином. Тот якобы посвятил полковника в свои замыслы: «Ездит де он (Петр. – Прим. авт.) один по улицам, малолюдством <...> так же и на пожаре бывает малолюдством. Нет де того лутче, что тут учинить». Василий и Федор, по словам Цыклера, находились дома во время этого разговора и были посвящены в детали злоумышления на жизнь государя. В разговорах заговорщиков вспылькала и тема поездки в Венецию. Во время допросов Алексея Соковнина выяснилось, что «сын ево Алексеев Василий Соковнин говорил посылают де нас за море учитца а неведома чему». И кто бы в действительности ни произносил столь опасные слова – сам Василий Соковнин, якобы сказавший их «спроста», или

Князь Андрей
Яковлевич
Хилков.
Портрет работы
неизвестного
художника.
Между 1700
и 1718 годами

Голицын приходился младшим братом могущественному князю Борису Голицыну, лидеру партии Нарышкиных в 1680-е годы. В середине 1680-х кузены стали комнатными стольниками царя Петра, а в конце 1690-х годов продвигались по дипломатической стезе. Но во время следствия, когда у брошенных в застенок стрельцов выбивались показания об участниках готовившегося цареубийства, Цыклер пересказал отзыв Федора Пушкина о князе Петре Голицыне: «человек он прыткой и шибкой, мы де чаяли от него, что то все учинит над государем он, князь Петр». Тогда Голицына спасли показания Алексея Соковнина, не признававшего, что у него были сообщники. Князя даже не вызвали на допрос, он избежал наказания. Однако история с Голицыным вновь возвращает нас к мотивам Петра I, заставляя предположить: не повлияли ли на выбор стольников сомнения царя в лояльности московской аристократии? Ведь среди направлений в Италию оказались сыновья придворных, причисляемых к сторонникам царевны Софьи: сыновья окольничего Алексея Ивановича Ржевского, сын Семена Федоровича Толочанова. А некоторые, как, например, князь Александр Иванович Милославский и его товарищ Петр Андреевич Толстой, принимали участие в первом стрелецком бунте, 15 мая 1682 года. Согласно «Запискам» сподвижника Петра, дипломата Андрея Артамоновича Матвеева, они тогда «на прытких серых и карих лошадях скакучи, кричали громко, что Нарышкины царевича Иоанна Алексеевича задушили и чтоб с великим поспешением они, стрельцы, шли в город Кремль на ту свою службу». Оказались среди стольников вельможи, входившие в окружение царицы Евдокии Федоровны Лопухиной: ее родной брат, впоследствии ставший главным участником дела царевича Алексея, Абрам Лопухин

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

И.-Г. Таннауэр.
Портрет
графа Петра
Андреевича
Толстого.
1710-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

и будущий обер-гофмаршал двора царицы Иван Петрович Измайлов.

Возможно, за судьбой братьев Соковниных проглядывают и другие мотивы, руководствуясь которыми царь Петр не только подбирал, но и исключал стольников. Ведь по словам служившего в России британского офицера Джона Дена, среди них были «сыновья лиц, подозреваемых в несочувствии к стремлениям царя изменить их обычаям и преобразовать страну». Мотивы предопределял «почти животный страх», который испытывал царь перед потенциальным мятежом боярской аристократии. Неудивительно, что, как только стало известно, что царь едет за границу, по Москве поползли слухи: якобы, отправляя сыновей знатнейших семей в Италию, он превращал их в своего рода «заложников», желая обеспечить лояльность их знатных родственников. Прин-

цип был простой: часть семьи остается в Москве, часть отправляется в Европу.

Об этом перешептывались иностранные дипломаты. Вот, например, рассказ английского дворянина Дж. Крелля: «Царь перед отъездом своим из Москвы нашел средства разослать под лестными предлогами тех, на которых он имел хотя малейшее подозрение, что они могли учинить какие-либо покушения во время его отсутствия». О страхах Петра, опасавшегося, как бы знатные семьи не затаили в его отсутствие «революцию», и потому отправившего их подальше из страны, сообщал в донесении в Рим кардиналу Спаде папский нунций в Венеции Кузано, встретившийся со стольниками летом 1697 года. Тревогу Петра отметил и секретарь посольства императора Леопольда I Иоганн Георг Корб. По его словам, царь переживал, как бы во время его отъ-

езда в Западную Европу «не произошло в Москве переворота». Темные слухи о «заложниках» 1697 года жили долго. Дошли они и до Александра Сергеевича Пушкина, отдаленного потомка казненного Федора Пушкина. В «Моей родословной» поэт писал: «Упрямства дух нам всем подгадил: // В родню свою неукротим, // С Петром мой прашур не поладил, // И был за то повешен им». В «Истории Петра» поэт высказался еще более четко: «Петр <...> хотел удержать залоги в верности отцов во время своего собственного отсутствия».

Если принять эту версию, то проясняются и мотивы отправки в Италию и на Мальту Бориса Петровича Шереметева. Об обстоятельствах, которые могли спровоцировать его «почетную ссылку», поведал тот же Корб. Накануне отъезда за границу Петр якобы провел совещание с боярами и спросил их, кому можно было бы вручить бразды правления на время его отсутствия в стране. Когда же один из участников совещания назвал Шереметева, Петр вспылил, «дал ему пощечину и спросил гневным голосом: неужели и ты ишьешь его дружбы?». Разве мог подозрительный царь забыть о показаниях Цыклера, из которых следовало, что заговорщики в качестве возможного преемника Петра называли Шереметева? По-видимому, что-то подобное слышал и все знающий австрийский дипломат. «И, разумеется, — писал Корб, — не было бы сделано таких издержек на приобретение почетного мальтийского креста, если бы расположение народа не склонялось чрезмерно к одному лицу и не заставляло бы этим подозревать ту опасность, в силу которой царская власть часто переходит от одного лица к другому... В самом деле нет ничего обыкновеннее, как высыпать под личиной почета из столицы тех лиц, могущество которых или всеобщее к ним расположение внушают опасения».

НАВИГАТОРЫ ПОНЕВОЛЕ

Заграничное обучение стольников продолжалось полтора года, однако информации об этом сохранилось немного. Известно, что в Венеции московские дворяне прошли курсы «навигационных наук» в Академии космографии «Аргонавт», основанной в 1684 году францисканцем-монахом отцом Винченцо Марией Коронелли. Имя ученого-картографа было тогда у всех на слуху. В 1680-х годах венецианец прославился знаменитыми «Земным» и «Звездным» глобусами, изготовленными по заказу Людовика XIV для королевской резиденции в Марли. В 1685 году Сенат удостоил ученого звания «космографа Венецианской Республики». Немалым авторитетом пользовался и другой наставник стольников – Марко Мартинович, руководитель школы «Наутика» в Перасте. Под началом местного жителя Матии Мелады московские навигаторы обучались строительству портов и причалов. Осенью 1697-го и летом 1698 года они совершили учебные плавания на предоставленном венецианским Сенатом корабле капитана «которанина» Иво Лазаревича вдоль побережья Истрии и Далмации и в Средиземном море.

Разумеется, во время пребывания в Италии стольники занимались не одними лишь военно-морскими науками. Москвичи дивились роскошным садам и набережным, ходили на стеклянные и сахарные мануфактуры, изучали книжные фолианты в старинных библиотеках и бродили по палатам, «где собраны всякие вещи, называется галерея». Навсегда осталось у них в памяти, как они «ездили в гундалах», с азартом играли в «мяч кожаный, набитый духом», глазели на очаровательных венецианок, которые «убираются зело изрядно особою модою венецкого убору» и бились об заклад во время травли «собаками быков». Посещали они фейерверки, оперу, «публичные блядки, коих в Венеции

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Григорий
Федорович
Долгоруков.
Портрет работы
неизвестного
художника.
XVIII век

с 80 000 есть» и, конечно, венецианский карнавал. «В тот день природные шляхты надевают женское платье да харю (maschera), а жены мужское и харю (maschera). Воля такая: какие хотят платье надевают и приходят к тому, кто чин получит, во весь день танцуют, и туда всем вольно приходить, в тот дом, и я в дому в том был». Была у них возможность и сравнить, например, как проводились кулачные бои в Венеции и в России. «Сентября 13-го числа, – записывал неизвестный автор «Журнала», – зачались кулачные бои, бьются на мостах каменных. (Сперва один на один; промежду ими выбран третий и по два человека на стороже, тут же стоят, в красных кафтанах. А бьются нагишом. Кто первой зашибет до крови или с моста сбросит, тот и прав)».

Осенью 1698 года итальянские странствия московских стольников завершились. 25 октября Петр Толстой с письмом боярина Федора Головина получил царский указ: «...всем стольникам, которые познали науку, быти к Москве из Венеции и из Амстердама...». Через пять дней стольники, получив

подтвержденные Сенатом аттестаты об успешном окончании обучения, покинули Венецию. Весной 1699 года им пришлось выдержать строгий экзамен о «познании» морских наук в присутствии государя. В «Экстракте из журнала, держанного от господ вице-адмирала Крюйса на пути из Москвы на Воронеж, с Воронежа в Азов, на Таганрог и к Керче, оттуды назад к Азову» помещена запись о его проведении. Он проходил 25 апреля 1699 года на корабле, стоявшем на якоре в Воронеже. Судя по официальной записи, экзамен прошел вполне успешно, и «все российские шляхтичи <...> экзерции на корабле учняли, сколько на якоре стоя, то исполняло можно, которые и к всякому удовольствию его величеству и всех бояр исправлены». Впрочем, есть основания усомниться в «премудрых» успехах экзаменуемых. Некоторые из них, по словам Джона Дена, «вместо основных познаний в морском деле <...> постигли лишь неглубокую премудрость корчить из себя утонченных cavaleros». «Отличившихся было очень немного», – отмечал британец. Слушая ответы некоторых экзаменуемых, царь впал в такую ярость, что «распорядился разжаловать их в простые матросы и наряжать постоянно на самые грубые работы». Историки сетовали, что фактически никто из стольников, побывавших в Венеции, «не отличился на море». За исключением, пожалуй, адмирал-инспектора князя Федора Алексеевича Голицына, дослужившегося до чина генерал-майора, а также капитана флота Алексея Матвеевича Милославского. Объяснялось это, по мнению Дена, тем, что «россияне вообще питают отвращение к морю». И кроме того, «нет обыкновения при назначении молодых людей справляться об их способностях и наклонностях». Зато из побывавших в Венеции стольников выросли яркие дипломаты: князь Б.И. Куракин, князь Г.Ф. Долгоруков, князь

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

П.А. Голицын, князь Д.М. Голицын, князь А.Я. Хилков, князь Ю.Ю. Трубецкой. По роду деятельности они не раз решали сложные вопросы, связанные с навигацией, торговлей, военным и промышленным шпионажем. Им не раз приходилось принимать на русскую службу иноземных специалистов. В поисках, например, опытных офицеров-христиан, служивших на галерном флоте, Петр Толстой, ставший в 1702 году послом в Стамбуле, обратил внимание на «славянина из Далмации» Джованни Конттия Боциса, семнадцать лет прослужившего

на венецианской службе. Граф Боцис, получивший на русской службе чин шаутбенахта и именовавшийся теперь Иваном Федосеевичем, приехав в Россию, представил царю ценную записку под названием «Описание Венецианского флота, составленное для государя Петра I шаутбенахтом Контием Бочисом, в Москве 1703 года июня 15 дня». В ней обстоятельно описывались устройство галерного флота Венеции, его состав и порядок назначения чинов, размеры жалованья служащих на флоте офицеров и чиновников, приведено количество военных

кораблей и даны его качественные характеристики. Как знать, удалось бы Толстому и другим навигаторам, побывавшим в Венеции, привлечь на русскую службу Боциса и других осведомленных и ценных специалистов, не пройди он в Венеции теоретические и практические азы военно-морской службы и не получи возможность со знанием дела разговаривать с признанными флотскими специалистами? Вот и оказывается, что в сумме намерений, задач, эмоций и поступков, двигавших царем Петром, результат оказался достигнут. ●

И.Н. Нефедов.
Кулачные
бои на Ямах.
1960 год

ПРАЗДНИЧНАЯ ДРАКА

автор

ДЕНИС ХРУСТАЛЁВ

ДРАЛИСЬ СТЕНКА НА СТЕНКУ, С КОЛЬЯМИ, ДРЫНАМИ,
ОБРЕЗКАМИ ТРУБ И КАМНЯМИ. НОЖИ БЫЛИ ВНЕ ЗАКОНА,
ХОТЯ МНОГИЕ НОСИЛИ. СОХРАНЯЛИСЬ НЕКОТОРЫЕ ПРАВИЛА:
ЛЕЖАЧЕГО НЕ БЫЮТ; СЗАДИ НЕ НАПАДАТЬ; ДЕВЧОНОК
НЕ ТРОГАТЬ; ПЕРЧАТКИ (ИЛИ РУКАВИЦЫ) СНИМАТЬ. ИНОГДА –
ДО ПЕРВОЙ КРОВИ. КТО ЭТОГО НЕ ПРОХОДИЛ?

В

СЕ ЧАЩЕ ВСТРЕЧАЮ удивление не только у представителей «поколения снежинок».

Оказывается, многие не застали подобных канонов, когда двор понимался страной или даже крепостью, объектом общественно-морального достоинства. Чужой мог пройтись там днем по служебной надобности,

но никак не вечером или ночью – тогда ему там делать нечего. Свои – это соседи, чужие – это через улицу. Драка – это модель самоутверждения как личного, так и коллективного – возгонка социализации. Она едва ли не обязательна на некоторых мероприятиях: дискотеках, свадьбах и рок-концертах. «Умыться кровью» – это почти побрататься.

В Ленинграде в 1980-е годы на городской окраине такие порядки были почти нормой. Только потом мне стало понятно, что это – калька с деревенских сервитутов. А еще позже я осознал, что речь – о вековых традициях, отразившихся в древнейших русских источниках. Это чуть ли не языческое наследие.

«БОИ ТВОРЯХУ»

По окончании большой войны в Прибалтике в 1268 году, после Раковорской битвы и осады ливонской армией Пскова, начались мирные переговоры. В Новгород прибыли посланники ганзейских общин Любека и Готланда. По результатам встреч был заключен договор. Его текст сохранился в трех документах. Два записаны на средненижненемецком языке, а один – на латыни. Этот последний, судя по всему, был черновиком – с ним немцы приехали, на нем основывали свои предложения. В частности, там было такое положение (пункт XI): «Между дворами немцев на улице не должно быть драки или боя с дубинками, которые называются фелен (*velen*), так как из такого рода непривычной древней (*antiquis*) забавы в указанном месте может возникнуть разногласие между гостями и русскими». Под *velen* следует понимать палицу или палку, некий кол или столб, но специфический, предназначенный для драки. Известно, что в XIX веке в домах держали особые дубинки, чтобы при колке дров бить по топору, вот-

кнутому в полено. Их делали из прочной древесины, вымачивали и обстукивали, чтобы не треснули. Возможно, речь идет о чем-то подобном.

Характерно, что немецкий пункт в окончательный договор не вошел. Новгородцы не согласились как-либо ограничить «древнюю забаву», которая уже в середине XIII века считалась традиционной. Иностранные опасались, что их тоже может коснуться это веселье – попадет во время драки зазевавшемуся иноземцу или забор вокруг их двора растащат на дубинки. При этом немцы определенно принимали традицию уличного боя уважительно, отмечая ее древность. Ничего подобного у них на родине уже не было, для них такая «забава» была «непривычной».

Кажется, на юге Руси такого тоже не было. В 1274 году киевский митрополит Кирилл, который к тому времени уже обосновался во Владимире-Залесском, провел собор, на котором, в частности, рассматривался вопрос праздничной драки. Он упоминается в одной из грамот архиерея в числе соборных постановлений: «Еще узнали, что бесовских дер-

житесь обычаям треклятых эллин, в божественные праздники позоры некие бесовские творите: со свистанием и с кличем и воплем созывают некие скверные пьяницы, и боятся дракой до самой смерти, и сдирают с побитых порты. На укоризну это случается Божиим праздникам и на досаждение Божиим церквам».

Кирилл, как считается, был прежде придворным князя Даниила Романовича Галицкого и только в 1251 году покинул Галич, Волынь и Киев ради Севера, ради великого князя Владимира. Возможно, для него эти новгородские порядки были в новинку, а потому он их довольно подробно описал: в начале боя свист, вопли и призывающий клич; среди участников много подвыпивших; бьют на палках безжалостно; побитых унижают – стягивают штаны. Кроме последнего, все другие характеристики, кажется, сохранились в подобных ситуациях вплоть до XX века.

Митрополит считал такую драку языческим реликтом, восходящим к глубокой древности. Он не пытался ее запретить, но только указывал на внецерковное происхождение и неприем-

М.И. Песков.
Кулачный бой
при Иване IV.
1862 год

лемость связи с христианскими праздниками. Впоследствии многие священнослужители выступали с декларациями, осуждающими уличные драки – как на палках, так и просто на кулаках. Митрополит Фотий в послании новгородскому архиепископу в 1410 году запрещал благословлять тех, кто собрался на бойцовское «поле», отлучал их от причастия и осуждал, а погибших запрещал отпевать. Об этом же потом писал митрополит Иона (умер в 1461 году). Выступал против кулачных поединков митрополит Даниил (1522–1539), осуждая их как нехристианские.

К XVI веку традиция обросла легендами, которыми делились с изумленными иностранцами. В 1517 и 1526 годах Россию посетил дипломат из Священной Римской империи Сигизмунд Герберштейн, который составил на основе своих впечатлений «Записки о Московии», изданные в 1549 году. Отмечен там и сюжет с новгородскими драками: «Некогда новгородцы поклонялись некоему идолу по имени Перун, стоявшему на том месте, где ныне находится монастырь, называемый от этого идола Перунским [Перынь]. Затем, по принятии крещения, они опрокинули его и сбросили в реку Волхов; говорят, будто он погрыл тогда против течения, а около моста слышали голос: «Вот вам, новгородцы, на память обо мне», – и на мост была выброшена дубинка. И доныне часто случается, что в определенные дни в году раздается Перунов глас, заслышиав который, граждане того места тотчас же сбегаются и избивают друг друга палками, отчего возникает столь сильное смятение, что начальнику стоит великих усилий усмирить его».

Эта сказка о перуновой дубинке отразилась также в некоторых поздних русских летописях. В частности, в Степенной книге – источнике, составленном в середине XVI века и отразившем официальную версию русской истории, – сказано: «Он же [идол Перуна], проплывая под велиkim мостом [на Волхове], вер-

Лубок «Удалье
молодцы,
добрые борцы».
Середина
XVIII века

же на мост палицу свою и рече: «Сим тешитесь люди Новоградстии, поминая меня», – так и делали безумные люди по многа лета, в некий праздник сходящиеся и яко позоры деюще, бои творяху, древяным ослопием бояхуся и убивахуся, утеху бесом содеяли».

В Густынской летописи XVII века добавлено: «даже доныне в каждое лето на том мосту люди собираются и, разделяющиеся надвое, играюще убиваются».

ОБИЖАТЬСЯ НЕПРИЛИЧНО

Языческие порядки осуждались, но долгое время признавались неизбежными. Сохранилась челобитная Гаврилы Малышева, курского выборного от детей боярских на Земском соборе 1648–1649 годов, в которой утверждалось, что «в дальних странах от крымских и от литовских стороны в северских и в польских старых и новых порубежных городех и селех и в деревнях всяких чинов многие люди в воскресные дни и в господские и в богочестные и великих святых в празднуемые дни... и в седмичные во многие дни и по вечерам... сходятся на улицах... и меж собою кулачные и дрекольные бои чинят». Посетивший Москвию в 1663 году английский дипломат граф Карлайль писал о том же: здесь «в праздничные дни молодые люди имеют обыкновение собираться и развлекаться ударами кулаков и палок; обижаться за это считается между ними неприличным».

Обычай праздничной драки был распространен широко. Он приводил к жертвам, беспорядкам и был неуправляем. Многие потом оставались «частично нетрудоспособными». В XVII веке за его искоренение взялись свет-

Лубочное
изображение
кулачного боя.
XVIII век

Х.-Г. Гейслер.
Кулачный бой.
Гравюра.
1805 год

ские власти. Во-первых, из юридической практики исчез судебный поединок – «божий суд». В Соборном уложении 1649 года он уже не предусмотрен. Тогда же начались гонения на традиционные массовые кулачные бои. Указом от 9 декабря 1641 года царь Михаил Федорович запретил проведение драк в центре столицы: «которые всякие люди учнут биться в Китае, и в Белом каменном городе и в Земляном городе и тех людей имать и приводить в земский приказ и чинить наказание».

В 1652 году патриарх Никон произвел в Новгороде публичное сожжение бойцовских дубинок. Причины указаны в одной из летописных маргиналий и опять отсылают к язычеству: «это совсем не была драка, ссора, вражда или что-либо подобное, а нечто вроде игрища». Характерно, что если это была драка из-за ссоры, а не игра, то она не осуждалась.

Запрет кулачных боев подтвердили указы в 1684 и 1686 годах, что «нигде кулачных боев не заводили». Провинившихся должны были бить кнутом и батогами.

Однако при Петре Великом, кажется, на такие схватки закрывали глаза. Царь сам был любителем рукоприкладства. При

нем специальных запретов на драки не выходило, а в его окружении было немало умелых бойцов. В связи с этим после смерти императора его супруга императрица Екатерина 21 июля 1726 года выпустила примечательный указ, который не столько ограничивал бои, сколько регламентировал их правила. Приведем его полностью: «Понеже Ея Императорскому Величеству учинилось известно, что в кулачных боях, которые бывают на Адмиралтейской Стороне на лугу, позади двора графа господина Апраксина и на Аптекарском острове и в прочих местах в многолюдстве, от которых боев случается иногда, что многие, ножи выняв за другими бойцами гоняются, а иные в рукавицах положа ядра и каменья и кистени, бьют многих без милости смертельными побоями, от которых боев есть и не без смертных убийств, которое убийство между подлыми и в убийство и в грех не вменяются, также и песком в глаза бросают: чего ради ныне Великая Государыня Императрица, для охранения народа, указала: по именному своему Императорскому Величества указу, тем кулачным боям при Санкт-Петербурге без позволения главной полицеймей-

стерской канцелярии не быть, а ежели кто те кулачные бои будут без позволения иметь, то те люди будут наказаны, смотря по состоянию вину и дела; а кто впредь к таким кулачным боям, для увеселения будет иметь желание, то им выбрав меж себя соцких, пятидесятых и десятых, являться в главной полицеймейстерской канцелярии, где их имена записывать, и для того бою показывать указанные места из полиции; но только и в тех местах оным боям быть под присмотром тех соцких и прочих, чтобы им означенных продержностей отнюдь не чинить, и за ними смотреть им в такой силе, что им каждого своего десятку или сотни осмотреть, чтобы у них никакого оружия и прочих инструментов ни под каким видом к увечному бою не было, как выше показано, да и во время того бою, и драк между собою б не чинили и кто упадет, лежащих никого не били б; а если же напротив вышеописанного будет поступлено, то как с теми соцкими и пяти и десятками, также и с бойцами поступать против вышеописанного ж, чего надсматривать и от главной полицеймейстерской канцелярии; и для того при Санкт-Петербурге публиковать и у приказу приказать, дабы неведением не отговаривались». Указ этот никогда не отменяли, но далее последовала череда формальных запретов на драки. «Женскому царству» они досаждали. Императрица Елизавета Петровна в 1743 году «изустно» повелела «никому кулачных боев, как в Санкт-Петербурге, так и в Москве не заводить и не биться, чего накрепко смотреть главной полиции» (№8754). Запрет касался только столиц, но потом он был воспринят как тотальный. Так он вошел и в Свод законов Российской империи, опубликованный в 1832 году, при императоре Николае I. Там говорилось кратко: «Кулачные бои, как забавы вредные, во все запрещаются». Это же повторяется во всех переизданиях вплоть до 1890 года.

Речь, конечно, о повсеместном запрете кулачных боев, но, кажется, правило действовало очень формально – как часто бывает, никаких реальных мер принято не было. И бои продолжались. В 1840–1850-е годы о многотысячных драках на льду Москвы-реки краеведы писали как об обычном деле: сходились фабричные, мастеровые, торговцы, особенно из Охотного ряда, и мясники. Бились стена на стенку с гиками и криком. Погибнуть в таком бою не считалось позорным или даже обидным. К забаве готовились, участием гордились.

ДРАКА КАК РИТУАЛ

Праздничные драки были особенно распространены на заводских посадах. Там это было чуть ли не главным событием выходного дня. Сохраняли популярность палочные бои. На Урале они оставались традиционными еще в конце XIX века. С современники вспоминали, что в Нижнем Тагиле они были привычны «в часы досуга... в зимнее время», причем в трех определенных местах: на заводском пруду, на реке Тагил «возле вогульских кузниц» и на Выйском пруду. Так же и в Нязепетровском заводе, где «в зимнее время каждое воскресенье» бились на кольях. Не уступали им и столичные заводы.

Известна история с убийством именитого революционера Николая Баумана, который 18 октября 1905 года разъезжал на пролете по фабричным районам Москвы и агитировал за новые стачки. Тогда один молодой рабочий, Николай Михалин, прогуливаясь, услышал его крики «Долой самодержавие!». В руке у труженика был обрезок трубы, используемый то как трость, то как дубинка – так там было принято. Он подскочил к Бауману и предложил перестать кричать ахинею. Агитатор достал револьвер и выстрелил. Михалину повезло – пуля его не задела. В ответ он ударил Баумана трубой, а потом добил до смерти. Кажется, и другие его заводчаки

не подключились. Но потом осудили только Михалина. В советское время Бауман был признан жертвой монархистов-реакционеров.

В 1913 году было опубликовано первое исследование о русских кулачных боях – в журнале «Русская старина» (№155). Его автор А.А. Лебедев, рассказав о законодательных запретах, закончил текст недвусмысленным намеком на жизнеспособность языческой традиции. Он процитировал передовицу «Петербургской газеты» от 10 сентября 1908 года (№249): «Между рабочими Нарвской заставы существует обычай в праздничные дни в виде развлечения устраивать кулачные бои. Все рабочие этой местности делятся на две партии: «Балтийскую» и «Петербургскую», между которыми и происходят кулачные бои. Местом для этой забавы служит Бородин переулок, примыкающий к Петербургскому шоссе. В июне со стороны балтийской партии в этот раз выступил бойцом рабочий Яковлев, а петербургская партия выставила рабочего Фуфаева...»

Бородин переулок – ныне улица Швецова – был тупиком и упирался в железнодорожные пути, вблизи которых имелись обширные пустыри, на которых удобно было биться, соблюдая каноны. Другим таким местом была улица Богомоловская (ныне улица Возрождения): она проходит от места бывшей проходной Путиловского (ныне Кировского) завода и до той же железной дороги. Но самым знатным местом служила железнодорожная насыпь, которая обеспечивала подъезд к Путиловскому заводу – она до сих пор используется, примыкая мостом к проспекту Стачек (бывшее Петергофское шоссе). На эту насыпь выходили окна дома, в котором родилась моя мама. Сквер перед насыпью до сих пор сохранился и не застроен. На насыпи удобно было размещаться зрителям, а на открытом пространстве – бойцам. Моя мама боев не помнит. Судя по всему, к середине XX века они прекратились или удалились от жилых районов. Но воспоминания соседей всё сохранили.

А. Шохин.
Кулачный бой
в Торопце.
Середина
1840-х годов

Е.Г. Солнцев.
Кулачный бой.
Литография.
1836 год

Из привлеченных со стороны был только писатель А.Г. Ульянский (1887–1935). Они успели записать уникальный краеведческий материал, в том числе о традиции кулачных боев: «В воскресенье, после церковной службы, народ сходился к местам, где происходили кулачные бои. Бойцы деревни Волынкиной шли к Резерву, на огороды за Новоовсянниковской [ныне Огородный пер.]. Ребята с Елизаветинской и Зимина переулка сходились с богомоловцами на насыпи пущиловской ветки железной дороги. Дом бросал вызов дому, одна улица дралась с другой. Застава была разделена на партии... Власти не мешали кулачным боям. Полиция находилась в толпе зрителей на железнодорожном валу и вместе с нею ждала зрелица. Начинали бой мальчики-подростки. Их схватки были вступлением. Постепенно подходили лучшие бойцы – взрослые. Каждая партия выстраивалась по неровной линии. Это был фронт. Вначале бились с шуточками, иногда очень злыми и меткими, старались не терять самообладания, соблюдали правила. Первое из них гласило: «лежачего и присядку не бить», второе – «сзади не налетать». Постепенно бой развертывался, шутки смолкали; участники и зрители входили в азарт. Чаще раздавались стоны. Удары в грудь, под ребра становились все сильнее и глупе. Отхаркиваясь кровью, сплевывая выбитые зубы, уже не задорно, а яростно, не с красным словцом, а с руганью люди наносили друг другу удар за ударом. В разгаре боя кое-кто пускал в ход ножи. И только под самый конец, когда уже валялись на снегу раненые, появлялась конная полиция. Бойцы не обращали на конных городовых внимания. Городовые вели себя благодушно и разгоняли толпу зрителей только для видимости. Потерпевших развозили по больницам. Бывало, они умирали или оставались на всю жизнь инвалидами.

ли. В 1930-е годы в Ленинграде была запущена замечательная программа записи заводских историй – опрашивали старожилов, собирали легенды. Были созданы специальные комиссии, задействованы отличные специалисты. Готовили издания по всем старейшим городским заводам: Путиловскому,

Обуховскому, Металлическому. Но до войны была опубликована только одна – «История Путиловского завода» (1939). Ее авторы – настоящие подвижники, сами лично причастные к заводу: М.И. Миттельман (1904–1941) работал там разметчиком, Б.Д. Глебов (1911–1941) – сотрудником местной малотиражки.

Группа рабочих
у ворот
Путиловского
завода.
1905 год

Большие праздники отличались от воскресных дней еще более сильным разгулом». Речь о массовой драке. Случались, конечно, поединки, но они не были нормой и организовывались по другим правилам. Случалась и поножовщина, но это тоже считалось моветоном. Праздничная драка была сродни ритуалу. Она не случалась со зла, из мести или какой-то наживы, не была мотивирована конфликтом. Это был праздник взаимного контакта. Там не было напрасных жертв, выгоды, а порой и победителей. Убить могли, но это всегда считалось случайнотью, естественным событием. Этнографы фиксируют подобные ритуалы в самых отдаленных регионах мира и очень давно. Они известны в Древней Греции, где вскоре регламентировались в соответствующие периоды игр – Олимпийских, Дельфийских и других. В средневековой Европе встречались поединки между религиозными процессиями или участниками календарных обрядов. В Англии кулачный бой превратился в традиционный бокс. Праздничные драки до сих пор приняты в некоторых латиноамериканских странах. Таковы боливийский праздник Тинку и перуанский Танакуй.

Стоит отметить, что в русском языке, как и во многих других языках, например в китайском, не происходило смешения понятий «кулачный бой» и «борьба». Это разные жанры, непересекающиеся сферы. Русская праздничная драка предполагала нанесение ударов, а не зажимы, удушения и броски. Это были разовые болевые контакты, а не сложные объятия сродни любовным.

Впрочем, никакой устоявшейся техники источникам неизвестно. Никаких боевых искусств до эпохи самбо на русской почве не возникло. Хотя, конечно, опытные бойцы имели свои специфические приемы, выверенные удары в соответствующие места, манеры

Бой на кулаках.
Нижний
Новгород.
1900 год

и ужимки. «Смотри, как я, и учись», – говорили и показывали. Но это тоже предположение. Источников очень мало – выше перечислены практически все. В остальном – это этнографические материалы XIX–XX веков и записанные тогда же былины о знатном драчуне Василии Буслаеве. Из подготовительных мероприятий известны заговоры на кулачный бой и прочие магические акты, далекие от спортивной тренировки. В остальном готовились прежде всего морально: планировали, провоцировали, храбрились. Хорошо исследован этнографический материал празднич-

ной деревенской драки для Вологодской области 1920–1930-х годов. Участвовали в основном неженатые парни – допризывного возраста или недавно отслужившие в армии. Все признавали древний традиционный характер драки. Заводилами выступала молодежь – мальчики 12–14 лет. Потом вступали старики, лишь в кульминации выходили главные – самые умелые бойцы. Особая роль уделялась музыкальному сопровождению – в данном случае гармонисту. Играли что-то специфическое, боевитое. Гармониста в драке никогда не трогали, как и девиц. Женщины в бою не уча-

Борцовские
поединки
молодежи
у Царёва
городища
на Троицу.
Начало XX века

Н.Д. Блохин.
Кулачный бой

ствовали, но могли вступить за кого-то. Это было сродни объяснению в любви и жениховству: если прикрыла собой, то должен жениться. Хотя случались исключения, о которых помнили и рассказывали с осуждением.

Бойцы группировались обычно по территориальному признаку – месту жительства, рождения, работы. В отрядах выделялись вожаки, атаманы, наиболее умелые и задиристые. Эта их роль нередко трансформировалась и на другие сферы жизнедеятельности. Например, во время войн, при организации партизанских отрядов или сил самообороны. Время для драки – всегда праздник, воскресенье. Зачастую престольный праздник или двунадесятый, от Покрова до Троицы, для деревни – зимний период, когда в поле нет работы. Место тоже всегда определенное. В каждой деревне свое, в городских пригородах – по нескольку. Характерно, что этнографы для Вологодской области даже в XX веке зафиксировали, что местом драки часто выступал мост. Как в древнем Новгороде по перунову завету. В Ленинграде на мостах уже не бились – предпочитали пустыри.

* * *

Сейчас кажется понятным, что древние поединки – «божий суд» – сначала выродились в дворянские дуэли, а потом вообще исчезли, поскольку не соответствовали «культурному уровню». Сакрализация боя выглядит варварской и негуманной. Это запретная тема на периферии общества. Ее удел – этнография и спорт. Однако недавние работы петербургского философа Александра Секацкого высветили далекий от маргинальности пласт явления. Его внимание привлекли прежде всего праздничные деревенские драки на материале Вологодской области. Хотя понятно, что они известны и в других регионах. Везде имеют как особенности, так и смысловое единство. Будучи средством «культивирования неистовства», драка обеспечивала проблему «хранения неистовства в промежутках между войнами». Такая практика известна еще на материалах древней Спарты, где воины в мирное время устраивали охоты на метеков, местных жителей, но не граждан. «Сохраненный таким образом Дух Воинственности помогал избежать гораздо больших бед – в случае войн и попыток порабощения ярость применялась по прямому назначению; но для этого она

уже должна быть готовой, как телега зимой», – пишет Александр Секацкий.

В целом речь о том, что «выпадение любого из звеньев» цепочки, относящейся к нашему существованию, обиходу, быту, традиции, «создает роковую прореху», нарушающую взаимопроникновение «источников одухотворения»: «Игрались свадьбы, рождались дети, строились и переносились дома, сказывались сказки, пелись песни, дрались драки – все члены этого перечисления можно соединить союзом «потому что» – как в прямом, так и в обратном порядке». Мы меняемся, и драки стали реже. Торжествуют «смягчение нравов» и «рост материального достатка», которые выдавливают «Дух Воинственности», что, пожалуй, можно назвать объективным процессом. Впрочем, это не противоречит рецидивам в отдельных социальных группах и регионах. Известны традиции драк между группировками футбольных фанатов. Там многое по старинке: выбирают условленное место, время, правила. С одной стороны, выразительный пример саморегулирования, а с другой – древнейший обычай, сохранившийся отчасти до наших дней, позволяющий воспитывать дух. ●

«СИБИРСКИЕ СЛОНЫ» И ВСЕ-ВСЕ-ВСЕ

АВТОР

ЕЛЕНА МАЧУЛЬСКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

НА ЗАЛИТОЙ СОЛНЦЕМ БЕСКРАЙНЕЙ РАВНИНЕ ПАСЕТСЯ НОСОРОГ, МИМО НЕТОРОПЛИВО ПРОХОДИТ СЛОН... В ОБЩЕМ, ТИПИЧНЫЙ АФРИКАНСКИЙ ПЕЙЗАЖ. НО КОГДА-ТО ТОЧНО ТАКУЮ ЖЕ КАРТИНУ МОЖНО БЫЛО УВИДЕТЬ НА ЗАПАДНОСИБИРСКИХ РАВНИНАХ. ТОЛЬКО ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА НЕСКОЛЬКО ОТЛИЧАЛИСЬ ОТ СВОИХ ЮЖНЫХ СОБРАТЬЕВ РОСКОШНОЙ ДЛИННОЙ ШЕРСТЬЮ. ВСЕ-ТАКИ КЛИМАТ В СИБИРИ В ТЕ ВРЕМЕНА БЫЛ УЖЕ НЕ АФРИКАНСКИЙ...

ВСАМУЮ ИЗУЧЕННУЮ палеонтологами эпоху друг друга с завидной регулярностью сменяли ледниковые периоды и межледниковые. Это происходило из-за периодического изменения параметров вращения нашей планеты вокруг Солнца и наклона оси Земли. Ледники до территории нынешней Омской области не доходили, но часто перегораживали крупные сибирские реки, реки разливались, и Сибирь превращалась в огромное озеро.

Тут была тундростепь – особая ландшафтная зона, которой теперь нет на Земле. Мешанина тундры, лесостепи и степи с небольшими, преимущественно хвойными, лесами в долинах немногочисленных рек. Климат был сухим и очень холодным. По открытым всем ветрам равнинам, где было много травы и относительно мало снега, бродили стада мамонтов. Одному из них было суждено войти в историю, став визитной карточкой Омского государственного историко-краеведческого музея.

ПЕРВЫЙ ОМСКИЙ МАМОНТ

Скелет мамонта, который ныне четко ассоциируется с Омским краеведческим музеем, был найден в 1924 году студентом Матвеем Каргаполовым. Молодой человек обнаружил его на реке Оше в Знаменском районе Омской области. Он сумел извлечь из земли множество костей и передал их в свою альмаматер – Сельскохозяйственный институт. Исследование этой находки занимался Петр Драверт – волей судеб оказавшийся в Омске геолог, исследователь метеоритов, поэт и писатель. Именно в Сельскохозяйственном институте найденный мамонт впервые выставлялся в несобранном виде. Сохранились фотографии, где скелет разложен в анатомическом порядке – кости позвоночника, череп, бивни. В годы войны мамонта передали в краеведческий музей, куда устроился работать Драверт. – Скелет был неполный, потому, для того чтобы его смонтировать, сотрудникам музея пришлось совершить экспедиции по поиску недостающих частей.

Полных скелетов, найденных до единой косточки, в мире вообще единицы. В 1956 году сотрудники музея привезли из экспедиции семь крупных костей мамонта и дополнили скелет. Некоторые недостающие кости, например фаланги пальцев, ребра, были изготовлены из гипса, – поясняет палеонтолог Вероника Никонова. И наконец в 1957 году кандидат биологических наук, доцент кафедры анатомии Омского ветеринарного института Виктор

Левицкий впервые собрал омского мамонта.

Скелет мамонта разборный – древние кости держатся на металлических скобах и опорах. Его сразу делали в мобильной версии: как оказалось, оченьально видно. Ведь музей несколько раз переезжал из здания в здание, соответственно, скелет разбирали и собирали несколько раз.

В 1982 году омского мамонта после очередного переезда собирал профессор, доктор биологических наук заведующий кафедрой

Здание Омского государственного краеведческого музея стало домом для многих представителей мегафагуны

анатомии Омского ветеринарного института Юрий Юдичев. Получился уже немногим другой мамонт – у него, например, изменился изгиб позвоночника. Несколько лет вторая версия мамонта простояла на первом этаже генерал-губернаторского дворца, который в советское время был передан музею. Там находилась археологическая экспозиция, а стоящий рядом «сибирский слон» дополнял картину. Когда отдел археологии переехал в очередной раз – уже в специально построенное для музея здание, – скелет разобрали снова. Некоторое время он находился в коробках в разобранном виде и в 1986 году его снова начали собирать – все тот же Юрий Юдичев и его студенты.

Особых условий хранения впечатляющий экспонат не требует – кость, пролежавшая минимум 12 тысяч лет в грунте, устойчива к небольшим перепадам температуры и влажности, которые могут случиться в музее.

– Бивни изначально были вставлены в череп неправильно и стоят так до сих пор – правый и левый при реставрации нужно будет поменять местами. В 1806 году, когда нашли первый скелет мамонта на реке Лене, его тоже смонтировали неправильно – изгибами бивней наружу, ориентируясь на современных слонов, – поясняет Вероника Никонова.

МАМОНТ ФЕДОР

Самый знаменитый омский мамонт остался безымянным. Другому, найденному уже в начале XXI века, повезло больше: у него есть собственное имя – Федор. Федора в 2000 году обнаружил пятиклассник из села Большекулачье Петя Болбин, когда вместе с мамой возвращался домой из соседнего села Надеждино. Петя заметил большую яму, заглянул туда и увидел кости какого-то очень крупного животного. Оказывается, один из жителей села решил выкопать колодец и пригласил экскаваторщика. Но ковш землеройной машины скоро уперся во что-то твердое.

Палеонтолог
Вероника
Никонова рядом
с черепом тура

Увидев старые кости, мужчины решили, что наткнулись на забытый скотомогильник. И дальше копать, разумеется, не стали. Мальчик тут же спросил у мамы, кто это может быть. Лидия Болбина, ветеринарный врач по образованию, сразу поняла, что такие крупные останки не могут принадлежать ни одному из современных домашних животных. Значит, это какой-то древний зверь...

Сведения о необычной находке дошли до учительницы географии Алтынай Омаровой. Она связалась по телефону с Омским отделением Русского географического общества. И на следующий день в Большекулачье приехали представители Омского отделения РГО. Они извлекли несколько костей, укрыли место раскопа на зиму и оповестили о находке томских палеонтологов. В мае следующего года под руководством приехавшего из Томска палеонтолога Сергея Лещинского в Большекулачье были проведены раскопки. Идентификация извлеченных костей показала, что они принадлежали двум мамонтам. Большая часть – крупному самцу в возрасте 35–45 лет, а еще несколько фрагментов скелета – мамонту поменьше.

Древних животных, как правило, называют по месту обнаружения скелета. Но в виде исключения из правил Большекулачинский мамонт получил имя Федор. Так его называли в честь заместителя председателя Омского отделения РГО Федора Новикова, бывшего первым наставником многих омских географов.

Благодаря мамонту Федору было совершено серьезное научное открытие.

– По размеру бедренной кости Лещинский вычислил, что высота этого мамонта была 3,7 метра. На момент находки максимально известный рассчитанный рост шерстистого мамонта не превышал 3,5 метра. Сейчас зафиксированы находки более крупных особей этого вида – у нас в коллекции, например, недавно появилась бедренная

Позвонок
жвачного
животного –
быка или оленя.
Точнее
определить
невозможно:
у жвачных
животных кости
очень сложно
иdentifici-
руются

кость большего размера, но Федор был первым, – рассказывает Вероника Никонова. – А кроме того, там были обнаружены мелкие кости конечности мамонта – фаланги пальцев, которые сохраняются очень редко, потому что легко разрушаются.

Какое-то время Федор квартировал в омском филиале Территориального фонда геологической информации по Сибирскому федеральному округу, а потом его – 58 костей разной степени сохранности – передали в краеведческий музей. Второй полный скелет, увы, не собрать при всем желании.

ПРАВДА О «ЗЕМЛЯНОМ ЗВЕРЕ»

Мамонты появились на Земле примерно 4,8 миллиона лет назад, время их расцвета приходится на поздний плейстоцен, начавшийся около 130 тысяч лет назад. К тому времени мамонт шерстистый был наиболее многочисленным и распространенным видом и занимал обширные территории в Европе, Северной Америке и Северной Азии.

– В России костей мамонта очень много. Сегодня палеонтологи утверждают, что если все бивни извлечь из земли, то

Зубы
шерстистого
носорога вторые
по величине
после зубов
мамонта

Склейенный из двух фрагментов череп пещерного льва, который Максим Мирошин нашел на рыбалке в 2009 году, а в 2015-м принес в музей

можно выстроить забор по границе России и еще выложить дорогу от Москвы до Владивостока, – комментирует Вероника Никонова. – Омский бивень не так ценен, как те, что обнаруживаются в Якутии – из-за условий залегания, ведь у нас нет вечной мерзлоты.

Неслучайно у народов Сибири были распространены легенды о гигантском звере, который рогами прокладывает себе путь под землей. Коми-зыряне считали, что русла рек были проложены мамонтом – это следы его подземных ходов. Кстати, в переводе с татарского «мамма» – земля, то есть мамонт – «земляной зверь».

В реальности же предком мамонтов был южный слон, который мигрировал на север. Ведь популяции не требуется никаких дополнительных условий, чтобы занимать новые территории. Животным нужно только

найти путь на новую территорию, где нет слишком сильных конкурентов...

– Приходилось приспособливаться под меняющиеся условия, и поэтому появились такие покрытые шерстью слоны, которых назвали потом шерстистыми мамонтами. В европейской части нашего материка нет такого количества мамонтов, там в музеях главенствуют скелеты южных слонов, более крупных, чем шерстистый мамонт, – поясняет Вероника Никонова.

Помимо шерсти мамонта от слона отличают очень маленькие уши и короткий хвост. Проще говоря, это адаптированная к холodu версия слона. Еще одно отличие – бивни: у мамонта сильно изогнутые, а у слонов они прямые. Ученые предполагают, что бивни такой конструкции были нужны мамонту, чтобы разгребать снег. Неслучайно нижние плоскости у многих

найденных бивней отполированы до блеска. Слону же разгребать снег не требуется.

Люди представляют себе мамонтов гигантами, во всяком случае, уверены, что мамонты были куда больше слонов. А в реальности мамонты были точно таких же размеров, что и современные индийские слоны. Африканский слон, кстати, больше мамонта: его «рост» достигает 4 метров.

У мамонтов, с учетом их габаритов, не было серьезных врагов в естественной среде. Но потом появился человек, который стал на них охотиться. Одно время даже преобладало мнение, что древние люди использовали загонную охоту, в результате которой погибали целые стада. Но сейчас палеонтологи пришли к выводу, что человек не так уж значительно повлиял на изменение численности мамонтов.

– Главной причиной исчезновения мамонтов стало изменение климата. В finale плейстоценового периода началось потепление, ландшафты менялись, и животные отступали к северу. У нас здесь мамонты вымерли 12 тысяч лет назад, а дольше всего они прожили на острове Врангеля – там находки датируются 3,7 тысячи лет назад. То есть во времена, когда уже были построены египетские пирамиды, на острове Врангеля все еще жили мамонты, правда, карликовые, обреченные на полное вымирание, – пояснила Вероника Никонова. – При изменении климата уничтожается кормовая база мамонта. Он привык питаться определенными растениями, а они вдруг исчезают, территория заболачивается. Очень часто находят скелеты животных, которые попали в болото и оттуда уже не выбрались. Еще ученые

предполагают, что из-за погодных условий в растениях могло не хватать кальция и это вызывало болезни костей. Поэтому часто обнаруживаются кости со следами воспалений, искривлениями, переломами. Например, у Федора были сломаны передние конечности – предполагают, что он спускался к водопою, сломал себе ноги и погиб. На данный момент мамонт – один из наиболее изученных видов плейстоценовой фауны, но он продолжает преподносить сюрпризы. Каждый раз, обнаруживая очередную замерзшую тушу мамонта, ученые делают новое открытие. Например, в 2015 году палеонтологи выяснили, что хобот мамонта имел специальный кармашек, куда, закручиваясь, мог спрятаться кончик хобота. Своебразная «варежка», согревающая в морозную погоду. У словнов такого «устройства» нет.

НЕОБЫЧНЫЙ «УЛОВ»

– Палеонтологическая коллекция Омского краеведческого музея состоит из 4,6 тысячи экспонатов, причем за последние пятнадцать лет она выросла в три раза, – отмечает Вероника Никонова. – Примерно четверть ее составляют беспозвоночные животные. Это окаменелости, трилобиты, докайнозойская древняя морская фауна, которой у нас в Омской области нет – эти находки в свое время были сделаны на территории Казахстана Петром Дравертом и другими исследователями. Основа коллекции омского музея – мамонтовая фауна, которую начали собирать еще для музея, открытого при Западно-Сибирском отделении Императорского Русского географического общества. Коллекция постоянно пополняется. Чаще всего кости в музей приносят местные жители –

Бивни Федора в хранилище

в основном рыбаки. Обычно осенью. Кость цепляют сетью, или рыбак нащупывает ее, стоя в реке в «болотниках» с удочкой, или кость обнажается, когда реки мелеют и вода отступает...

– Иногда целыми мешками приносят. В 2010 году омич Юрий Баженов принес десяток костей, среди которых оказалась интересная кость пещерного медведя. После ее исследования вышла научная публикация. Когда я сообщила об этом Юрию, со следующей рыбалки он привез три меш-

ка костей мамонта, носорога, бизона, лошади и оленя, – продолжает рассказ Вероника Никонова. – Большая часть поступлений это как раз мамонт, потому что в массивных костях легко узнать древнего гиганта. В музей приносили и пещерного льва: школьник Вадим Казанцев нашел череп с огромным клыком, по которому сразу было понятно, что это кто-то интересный. Но вряд ли внимание рыбака привлекла бы бедренная кость того же зверя. Такие находки, а также находки мелких млекопитаю-

Зуб мамонта
из экспозиции

Нижняя челюсть
мамонта с двумя
зубами. Кости
мамонтов самые
примечательные
и узнаваемые

щих обычно делаются в экспедициях, когда работают профессионалы. Несколько лет назад благодаря сотрудничеству с омской таможней удалось получить в фонды музея большую партию костей, которые были задержаны на границе – их контрабандой пытались вывезти за пределы страны, более ста образцов. Причем в этой партии кости не только из Омской области, но еще из Кемеровской, Тюменской и из Якутии. А еще музейное собрание пополнили скелет медведя, обнаруженный на Иртыше на севере области археологами во главе с Константином Тихомировым, а также кости мамонта, на которые сотрудники ОмскВодоканала наткнулись во время работ в поселке Черемушки в 2016 году.

ПЕЩЕРНЫЕ ЛЬВЫ, ТРАВОЯДНЫЕ МЕДВЕДИ, БИЗОНЫ И АКУЛЫ

Многие колоритные экспонаты находятся в хранилище, куда можно попасть только по специальному пропуску. Стеллажи в небольшом помещении заставлены разнообразными костями, зубами, рогатыми черепами – от пола до потолка. Выглядят впечатляюще.

Пористая кость напоминает странную окаменевшую губку. Оказывается, череп у мамонта был губчатый из-за своих впечатляющих размеров. Если бы он был полностью из компактного вещества, шея попросту не выдержала бы такого веса. Проще говоря, череп у «сибирского слона» был правильно разгружен. Вот маленькие косточки пальцев – те самые, найти которые считается редкой удачей. А вот круглая, как камушек, головка бедренной кости – в этом шкафу «прописался» Федор. Во всем этом разнообразии без помощи специалиста не сориентируешься, потому часто приходится задавать вопрос: «А это что такое?»

– Это фрагмент черепа пещерного льва, который обнаружил наш постоянный сдатчик Мак-

сим Мирошин, он нашел его на рыбалке. Череп отреставрирован и состоит из двух фрагментов, которые были найдены Максимом в разные годы, – отвечает Вероника Никонова. – Пещерные львы отличаются от современных. Предполагают, что у них не было гривы.

На территории равнинной Омской области пещер нет, а вот пещерные львы – имеются. Ведь пещерные львы, пещерные медведи и пещерные гиены – это условное название, данное по местам первых находок костей этих животных, в европейских пещерах еще в XVIII–XIX веках. Кстати, недавно выяснилось, что гиены в омском Прииртышье тоже обитали. Кости пещерной гиены палеонтологам недавно удалось обнаружить в Горьковском районе.

Кость пещерного медведя без подсказки не угадаешь. Западносибирские пещерные медведи были небольшими – в два раза меньше современного бурого – и преимущественно травоядными.

А вот в этом шкафу обосновались бизоны, которые сегодня четко ассоциируются с Америкой. Но в древности они жили и в Сибири. Жемчужина «бизоньей коллекции» – переданный таможенниками очень интересный череп, который имеет прижизненное повреждение: возможно, это был удар копья или последствие драки с другим бизоном.

– У нас бизоны появились раньше, чем в Америке. Бизоны – изначально южноазиатская группа, потом уже сибирская и только после этого американская. Их кости находили и в окрестностях Омска, и в Омске. Те бизоны были разнообразнее современных. В первую очередь это отражается на размерах и форме рогов – короткие и длинные, разнонаправленные. Разобраться в этой каше сложно. Потому в свое время выделялось много видов бизонов, которые оказались фикцией, – рассказал автор более 40 научных публикаций, посвя-

Окаменевшие
стволы
ископаемых
деревьев
из собрания
Западно-
Сибирского
отделения
Императорского
Русского
географического
общества

Пушистый
подшерсток
мамонта

щенных истории фауны региона, Алексей Бондарев.

В собрании древностей есть и совершенно прозаические кости выхухоли. Ведь выхухоль реликтовое животное, современник мамонтов. Точнее, старший товарищ: в Западной Сибири находят кости выхухоли, которым 5 миллионов лет, а костям мамонтов – около 2 миллионов лет.

Впрочем, в хранилище можно увидеть не только кости. Есть конверты с весьма интересным содержимым, подаренные музею А. Пятаковым в 2020 году. Вот рыжеватая шерсть мамонта. А длинные пряди, которым позавидует любая красавица – наряд шерстистого носорога. Шерстистые носороги родом из Цен-

тральной Азии. Скорее всего, они начали обрасти шерстью на Тибетском нагорье, а продолжили уже здесь, в Сибири.

В постоянной экспозиции музея можно увидеть зубы акулы, найденные на реке Ишим, на территории нынешней Тюменской области. Ведь во времена динозавров климат повсюду был субтропическим. На сушке росли пальмы, секвойи, которые сейчас встречаются только в горах Калифорнии, тюльпанные деревья и магнолии. А в море плавали акулы – ровесницы динозавров, мозазавры – древние морские вараны, плезиозавры... Море в те времена занимало большую часть территории Западной Сибири.

Костей динозавров в Омской области не находят. Но это не означает, что их здесь нет.

– Динозавры у нас в Омске могут быть, только очень глубоко. 2–3 километра вниз, – поясняет Алексей Бондарев. – Западно-Сибирская равнина по большей части периметра окружена горами. Горы разрушились, продукты разрушения скапливались в этой гигантской чаше много-километровыми толщами. Так новые отложения скрывали более древние.

Временная
палеонтологиче-
ская экспозиция.
Шерстистый
носорог,
бизон, челюсть
мамонта,
бедренная кость
«сибирского
слона»

СОВРЕМЕННИКИ МАМОНТОВ

Фауна эпохи мамонтов была весьма разнообразной. Самыми распространеными животными тогда были мамонты, бизоны, лошади и шерстистые носороги. Помимо шерстистого носорога здесь жил и носорог Мерка, близкий к современному суматранскому. У нас издревле жили и верблюды: они пришли в Сибирь из Северной Америки через Берингов перешеек. На берегах Иртыша находят останки двугорбых верблюдов, похожих на современных. Еще на территории нынешней Омской области жили овцебыки, которые сейчас сохранились только в полярных пустынях и тундрах. Также обитали лошади самых разных видов. Самыми распространенными были тарпаны. Широколобый лось, по размерам в полтора раза превышавший современного, вынужденно обитал на открытых пространствах: по густому лесу с такими огромны-

ми рогами ходить сложно. Схожая проблема была и у большерогого оленя – размах его рогов достигал 3 метров! Кстати, больше всего большерогие олени жили именно в Западной Сибири. Северный олень, благородный олень и сайгаки сейчас обитают на очень удаленных друг от друга территориях. А в те далекие времена все они встречались в Прииртышье. Например, кости сайгака найдены в Усть-Ишимском районе – в те времена тайги там не было.

– В плейстоценовый период в нашем регионе было самое большое разнообразие крупных животных. Тогда уже появилась практически вся современная фауна, но при этом еще существовала и мегафауна, вымершая около 12 тысяч лет назад, – поясняет Вероника Никонова.

За время, пока материал готовился к печати, в жизни омского мамонта произошли серьезные перемены. Над реставрацией ске-

лета работали руководитель Анатомического кабинета кафедры анатомии, гистологии, физиологии и патологической анатомии Владислав Щетинов, реставраторы Омского историко-краеведческого музея Алексей Кривцов, Илья Кривцов, Татьяна Ерофеева и Евгения Ефимова. Мамонта в буквальном смысле перебрали по косточкам. Каждую деталь нужно было очистить от скопившейся за десятки лет пыли и обработать специальным раствором. В музее пояснили, что бивни пришлось оставить как есть – при демонтаже был риск разрушить альвеолы и часть черепа.

После этого мамонта за несколько этапов перенесли на новое место. Некоторые кости, сформованные из гипса, при монтаже разрушились, но реставраторы сделали новые. Теперь обновленный скелет первобытного гиганта красуется в зале на втором этаже Омского краеведческого музея. ●

ЧЕТЫРЕ ЖИЗНИ ФЕДОРА ЭМИНА

АВТОР

ДМИТРИЙ УРУШЕВ

XVIII СТОЛЕТИЕ – ВРЕМЯ АВАНТЮРИСТОВ. ОНО ПОРОДИЛО ИСКАТЕЛЕЙ ПРИКЛЮЧЕНИЙ, НЕСМЕТНЫХ БОГАТСТВ И ТАЙНЫХ ЗНАНИЙ. ОНО ЯВИЛО СОЛДАТ, ШПИОНОВ И ШАРЛАТАНОВ, ОДИНАКОВО ХОРОШО ВЛАДЕВШИХ ШПАГОЙ, ПЕРОМ И АЛХИМИЧЕСКОЙ РЕТОРТОЙ. ОНО ПОШАТНУЛО ТРОНЫ, НАПУГАВ ПРАВИТЕЛЕЙ САМОЗВАНЦАМИ. ДО СИХ ПОР МЫ ПОМНИМ КАЗАНОВУ, ШЕВАЛЬЕ Д’ЭОНА, ГРАФА КАЛИОСТРО И КНЯЖНУ ТАРАКАНОВУ. К НИМ НАДО ДОБАВИТЬ ФЕДОРА ЭМИНА – НЕЗАСЛУЖЕННО ЗАБЫТОГО РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ.

Ф

ЕДОР АЛЕКСАН-
ДРОВИЧ ЭМИН
(1735–1770) – вы-

дающийся деятель отечественной культуры. Без преувеличения его можно назвать отцом русской истории и одним из основоположников русской беллетристики и журналистики. Начав печататься в 1763 году, Эмин опубликовал множество оригинальных и переводных романов, сочинил религиозный трактат «Путь ко спасению» и комедию «Ученая шайка». Он издавал журнал «Адская почта, или Переписка хромоногого беса с кривым» и составлял «Российскую историю жизни всех древних от самого начала России государей».

Личность Эмина всегда привлекала внимание потомков. Карамзин писал: «Самый любопытнейший из романов г. Эмина есть собственная жизнь его, как он рассказывал ее своим приятелям». Карамзин полагал, что такая жизнь может послужить основой для обширного повествования: «Вот богатая материя для шести или семи томов!»

Справедливы слова литературоведа Григория Гуковского, написанные в середине XX века: «Все попытки установить подлинную биографию Федора Эмина были безуспешны. Он создал о себе столько легенд, так запутал вопрос о своем происхождении,

что отличить выдумку от правды крайне затруднительно». Гуковский дал Эмину замечательное определение: «Это был авантюрист и делец, Чичиков русской литературы XVIII века». Но правильнее сравнивать Эмина с другим гоголевским героям – с Хлестаковым.

Стараясь произвести впечатление на современников, Эмин сочинил несколько причудливых биографий. Желая достигнуть той или иной цели, он предлагал ту или иную небылицу, выдавая себя то за венгра, то за поляка, то за турка. Однако есть обстоятельство, указывающее на несомненное восточнославянское происхождение Эмина: он в совершенстве владел русским языком. Карамзин отмечал: «В слоге его редко приметен иностранец».

ПРИКЛЮЧЕНИЯ В ТУРЦИИ

Некоторые данные, рассеянные в рассказах Эмина, позволяют восстановить его подлинную биографию. Человек, называвший себя Федором Эминовским или Федором Эминым, родился в 1735 году в Малороссии. Либо в той ее части, что принадлежала России, либо во владениях Речи Посполитой. Его родным языком был восточнославянский – русский или малорусский. Украинское происхождение Эминовского не вызывало со-

мнения у современников. Писатель Михаил Чулков, высмеявший соперника по перу в поэме «Плачевное падение стихотворцев», утверждал:

*Рождение его мы знаем, было где,
Угодно было то несведущей судьбе,
Что б мудрой отрок сей
от прочих отличился,
В неведомой земле,
в Хохландии родился...*

В 1769 году на страницах «Адской почты» Эминовский, выдававший себя за турецкого дворянина, попытался оспорить это утверждение. Он вывел Чулкова под именем «площадного враля» Злоумова, о котором кривой бес рассказывает в письме хромоногому бесу: «Он начал клеветать и род того человека, о котором он ничего не знает, называя его в Украине от подлых родителей рожденным. Напротив того ты знаешь его родителей и видел ли он Украину отроду».

По вероисповеданию Эминовский был православным и, скорее всего, происходил из священнического сословия. Он получил духовное образование и жил в бурсе – общежитии при духовном учебном заведении. Искатель приключений, Эминовский каким-то образом оказался в Стамбуле. Может быть, бурсак отправился в паломничество в Иерусалим, но по дороге был задержан турками. Может быть, попал в ясырь –

КОЛЛАЖ АНЖЕЛЫ БУШЕВОЙ

в число пленных, захваченных крымскими татарами во время очередного набега на южнорусские земли.

Как бы то ни было, в Турции с молодым человеком произошло некое приключение. Карамзин полагал, что оно было любовного свойства: «Неосторожно заглянул в гарем турецкий». Чулков описал приключение более пристранно. В Стамбуле Эминовский торговал на рынке пирогами:

Паши и визири подовые едали,
И тут-то все его придворные
узнали.

Имамам по утрам горячие носил,
У них и Алькоран на память
заучил...

Юноша соблазнил жену какого-то турка: «Супружнику его в любовь к себе склонил // И пару пирогов за то ей подарил». Разгневанный муж «в суд его вошел, а там и присудили, // Чтоб ноги по земле уж не ходи-

ли». Только заступничество дервишей спасло Эминовского от казни.

Ему пришлось выбирать между смертью и принятием ислама. Молодой человек предпочел последнее и некоторое время даже служил в янычарах. В книге «Краткое описание древнейшаго и новейшаго состояния Османской Порты» (1769) он сообщал: «В бытность мою в Константинополе я вступил по нужде в янычарскую службу и жил в полку, Ельли беш джамаат называемом».

Эминовский жил среди турок, изучал их языки и веру. Однако, как выяснилось впоследствии, его знания были недостаточны. Турецкий язык он усвоил неудовлетворительно. А об исламе судил очень поверхностно. В трактате «Путь ко спасению» Эминовский писал: «Не говорю я о магометанцах, те уже излишние философы. У них закон на

вольности и хитрости основан. Там жениться можно и развестися, когда кто похочет. И прочими множественными беспорядками оная секта наполнена, которые я и описывать гнушаюсь».

В «Российской истории» Эминовский изобразил молитву турок: «В пустой и ничем не украшенной мечети стоят в печали, яко заблужденные или что-нибудь утратившие. Распоязываются и полы опускают вниз. То встают, то опять на земле садятся. Покланяются изумленным лицем. Потом присядут на земле, повеся бороды вниз, долгое время размышляют. Потом вдруг, как бы пришед в безумие, оглядываются на все стороны. Потом паки как обуявшие весьма скоро с земли подымаются и несколько минут стоят, зажмуря глаза». Такое описание мог сделать только невнимательный путешественник, а не человек, живший среди турок.

КОЛЛАЖ АНЖЕЛЫ БУШУЕВОЙ

ИЗ БРИТАНИИ В РОССИЮ

В 1760 году Эминовский прибыл в Лиссабон. Перед тем как попасть в Португалию, молодой человек некоторое время провел в Италии, в Тосканском герцогстве, что нашло отражение в романе «Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда» (1763). Этим объясняется хорошее знание Эминовским итальянского языка. Чулков полагал, что авантюрист жил в Риме: *Еще и прозою прелестною сковал,
Что в Риме часто был
и Папу там видал,*
В Иерусалиме жил,
Египет точно знает,
О коем завсегда в простых
людях болтает...

В Лиссабоне Эминовский выдал себя за турка Магомета Эмина, желающего принять христианство. Изучив основы католического вероучения, молодой человек отказался креститься в Португалии и попросил разре-

шения на отъезд во Францию, для чего обратился за паспортом к французскому консулу. Затем неожиданно передумал и получил паспорт от английского консула.

Эминовский прибыл в Лондон 12 февраля 1761 года и явился к русскому посланнику Александру Голицыну. Мнимый турок заявил, что желает принять православие и поступить на русскую службу. Крещение Магомета Эмина состоялось 26 февраля в церкви при русском посольстве. Крестным отцом был сам посланник, по имени которого Федор получил отчество – Александрович.

Всякий бурсак знает, Церковь признает «едино крещение во оставление грехов». Повторное крещение – надругательство над таинством. Что заставило Эминовского пойти на это? Авантюризм. То же, что заставляло французского шпиона

д'Эона рядиться то в мужское, то в женское платье и выдавать себя то за шевалье, то за мадемуазель. То же, что поддерживало на допросах княжну Тараканову, так и не открывшую следователям тайну своего происхождения. Эминовский играл роль турка до конца.

В апреле молодой человек получил от Голицына новый паспорт и на английском корабле отправился в Санкт-Петербург, куда прибыл в мае. В России бывший бурсак сначала назывался Эминовским (Eminowski), но потом переменил фамилию на более выразительную и стал Эминым. Такова наиболее вероятная версия биографии Федора Эмина до его поступления на русскую службу.

Биографию, отчасти подобную этой и составленную со слов самого сочинителя, «по изустному его о том объявлению», поместил Николай Новиков в «Опы-

те исторического словаря о российских писателях» (1772).

Новиков сообщал, что Эмин родился «в Польше или в пограничном каком с Польшею российском городе от небогатых родителей, которых и лишился он в младенчестве». Воспитанием мальчика занимался некий иезуит, «который обучил его латинскому языку и другим употребительным в их школах наукам».

Вместе с иезуитом Эмин путешествовал по странам Европы и Азии, пока не оказался в Турции, где с ним произошло «приключение, о котором он не объявлял». «По сему-то приключению взят был под стражу. И для избавления себя от вечных неволи принужден был принять магометанский закон. По принятии же закона, не имея иного пропитания, вступил он в турецкую службу и был несколько лет янычаром».

Желая вернуться в Европу, Эмин на английском корабле прибыл в Британию, где, «приняв благое намерение принять природную свою христианскую веру, явился к российскому в Лондоне министру в 1758 году, где по желанию его окрещен в том же году».

Это первая версия биографии Эмина, отчасти похожая на правду. Во второй версии он превратился в венгра.

ВЕРСИИ БИОГРАФИИ

Из всего написанного Эмином читателям особенно полюбился трактат «Путь ко спасению», выдержавший до 1917 года более 50 изданий. Первое увидело свет в год его смерти. Во втором издании (1781) приводилась вторая биография Эмина – «Краткое описание жизни сочинителя сея книги», – также записанная с его слов – «по изустному его о том объявлению». В описании сообщалось, что сочинитель родился в 1735 году в небольшом венгерском городке Липпа возле турецкой границы (ныне город Липова в Румынии). «Отец его был венгерец, а мать – полька».

Эмин обучался в иезуитском училище, «где находясь, острою и прилежностию своею к наукам привлек внимание к себе всех учителей своих, из коих один, полюбя его отменно, содержал на собственном иждивении». Отправившись в проповедническую поездку, иезуит взял юношу с собой. Поездив по европейским и азиатским странам, путешественники оказались в Турции. Здесь с молодым человеком произошло «приключение, о существе коего объявлять он никому не хотел». Вынужденно приняв ислам, Эмин поступил в янычары. Затем на английском корабле уплыл в Лондон, где «старался изведать в обращении с учеными духовными людьми все христианские религии, беспрепятственно и вольно в Англии отправляемые». Уверившись в истинности православия, Эмин принял крещение в русской посольской церкви.

Третья версия биографии – «Краткое описание жизни автора сея книги» – появилась в третьем издании «Пути ко спасению» (1784). «Один достойный веры человек сказывал, что он еще в детстве г. Эмина знал и учился с ним латинского языка в Киевской академии, слушав грамматику, синтаксику, риторику, философию и богословию». Эмин жил в бурсе, но, «имея склонность к странствованию, из Киева удалился, и слышно было, что он находится в Цареграде».

По словам «достойного веры человека», Эмин был родом из Малороссии или из польского местечка, расположенного недалеку от Киева. В Польше, в Томашувском повяте Лодзинского воеводства, существует местечко Эминув (Eminow). Сомнительно его считать родиной писателя, но оно весьма удалено от Киева.

В «Словаре русских светских писателей» (1845), составленном митрополитом Евгением (Болховитиновым), помимо выше приведенных версий биографии Эмина была помещена еще

одна – четвертая, весьма похожая на приключенческий роман. Она основывалась на прошении Эмина «о принятии его по способностям и знанию своему языков турецкого, итальянского, английского, испанского, португальского и польского в российскую императорскую службу».

В прошении сообщалось, что дед Эмина был поляк, перешедший на турецкую службу и принявший ислам. Он поселился в боснийском городе Зворнике, который Эмин называл «столичным Бошняцкой провинции городом». Отец Эмина якобы воспитывался «при дворе тамошнего губернатора».

После смерти высокопоставленного покровителя Эмин-старший отправился в Стамбул «просить себе бошняцкого губернаторства». В столице он купил рабыню-христианку, от которой и родился будущий писатель. Отец Эмина не получил желаемой должности, но был назначен губернатором города Лепанто (Навпакта). Затем впал в немилость и был «сослан в заточение» на остров Митилини (Лесбос).

Эмин-младший вместе с отцом бежал в Алжир и поступил на службу к тамошнему правителю. Здесь они отличились в войне с Тунисом, и «молодой Эмин пожалован был кавалерийским полковником».

Вскоре отец умер. «Тогда-то Федор Эмин, взяв увольнение от владельца, возвратился в Стамбул к своей матери и объявил ей свое желание уехать в европейские страны с тем, чтобы там принять христианскую веру, которой она его издетска наставляла».

«Купя товару на 3000 червонных», Эмин покинул Турцию и на шведском корабле отплыл в Гибралтар. Но на судно напали пираты и привели его в марокканский город Аземмур. Местный губернатор решил ограбить и убить богатого пленника. «Сие видя, Эмин бросился немедленно на стоявшую по счастию в воротах губернатор-

ского двора верховую лошадь и ускакал в отстоящий на пять верст португальский городок Мадзагам».

Эмин, изъявивший португальцам желание принять христианство, был отправлен в Лиссабон и «поручен был для наставления в вере кардиналу Карвалу». Дальнейшее известно: искатель приключений оказался в Лондоне, затем в Петербурге.

Знание иностранных языков молодой человек объяснял тем, что «сам отец обучал Федора Эмина через десять лет латинскому и польскому языкам, а потом отправил для обучения итальянскому языку в Венецию». Португальский и английский языки Эмин изучил, «находясь несколько месяцев» у кардинала в Лиссабоне.

Изложив четыре версии биографии авантюриста, митрополит Евгений недоуменно развел руками: «Из всех сих разноречивых сказаний чему верить, неизвестно».

ПЕРВЫЙ ИСТОРИК

Версия о турецком происхождении Эмина исследователям всегда представлялась самой неубедительной. Но в 1978 году литературовед Евгений Бешенковский опубликовал обнаруженное в Архиве внешней политики России прошение Эмина о приеме на русскую службу – итальянский оригинал и русский перевод. В нем молодой человек рассказывал о своем польском происхождении («дед мой, родом поляк»), об отце – «лепанском губернаторе», о службе в Алжире, о пожаловании «полковником в кавалерии», о бегстве из марокканского города Аземмура в португальскую крепость Мазаган, об обучении у кардинала Паулу де Карвалю. Кроме того, в архиве сохранился паспорт, выданный португальскими властями на имя Магомета Эмина – «турецкого закона дворянина константинопольского», сына генерала «именем Гусейн-бека».

Казалось бы, документы подтвердили версию о турецком

происхождении русского писателя. Но если верить им, получится, будто бывший турецкотурецкий, прибыв в Россию в 1761 году, уже через два года настолько хорошо освоил русский язык, что, впервые выступив в печати, сразу выдвинулся в ряды лучших сочинителей. Возникает эминовский вопрос, подобный шекспировскому. Кто скрывался под именем Федора Эмина? Может быть, кто-то из его покровителей – Иван Шувалов, Григорий Орлов или сама Екатерина II? Но этот вопрос, конечно, лишен смысла.

Язык произведений Эмина звучит вполне современно. Вот отрывок из романа «Награжденная постоянность, или Приключения Лизарка и Сарманды» (1764): «О, смерть, все наши желания похищающая! Ты не знаешь справедливости. Виноваты пред тобою люди тем, что в свет рождаются? Злоба и добродетель у тебя в одной цене. Трон и пастущий шалаш – у тебя все одно. О, смерть несносная!»

Человек, для которого русский язык не является родным, не может писать так. Это удивляло и митрополита Евгения: «Замечательно то, что Эмин по приезде в С.-Петербург почти невероятно скоро выучился по-русски, через два года сделался русским писателем и в 9 лет своего в России пребывания издал более 25 книг переводов и сочинений в разных родах».

Версия о происхождении Эмина из «дворян константинопольских» представляется неубедительной. В ее основе лежат документы либо подделанные, либо украденные. Авантюрист пытался выдать себя за знатного турка, желая получить от российского правительства дворянство или высокий воинский чин.

Канцлеру Михаилу Воронцову документы Эмина показались подозрительными, а биография – неправдоподобной. Русскому посланнику в Турции Алексею Обрескову было поручено узнать «о предъявлениях Эмина и о родственни-

ках его в Константинополе находящихся». Расследование не подтвердило рассказ вчерашнего турецкотурецкого. Женщина, которую он назвал своей матерью, к тому времени умерла. И Обресков сделал вывод: Эмин – проходимец. «Какого же он состояния, то я с точностью ничего сказать не могу, но сколько экспериментация (опыт. – Прим. авт.) показывает, в подобных выходцах и разкациках весьма редко прок бывает», – писал посланник.

С таким неблагоприятным определением Эмин поступил на русскую службу, которая не принесла ему ни чинов, ни богатства. В июле 1761 года по распоряжению Воронцова он был зачислен переводчиком в Коллегию иностранных дел и получил чин поручика. Эмин выдержал экзамен на знание шести языков. Притом выяснилось, что он владел не письменным турецким языком, а только разговорным. Это несколько странно для «дворянина константинопольского». Затем с ведома Шувалова Эмин преподавал итальянский язык в Сухопутном шляхетском корпусе и в Академии художеств.

В 1762 году Эмин женился. О его супруге известно лишь то, что ее звали Ульяной. В 1781 году издатель «Пути ко спасению» писал: «От сего брака рожденные им два сына Николай и Александр находятся ныне для обучения наук, первый в Санкт-Петербурге при Горном училище, а другой в Москве при Университете».

Недостаточное жалованье и большие долги вынудили Эмина зарабатывать деньги писательским трудом. В 1763 году выходят его первые книги. В июле того же года, пользуясь покровительством князя Григория Орлова, Эмин получил место переводчика при Кабинете императрицы Екатерины II и чин титулярного советника. Из произведений Эмина следует особо упомянуть трехтомную «Российскую историю» (1767–1769). Современники и

КОЛЛАЖ АНЖЕЛЫ БУШУЕВОЙ

потомки единодушно разбрали книгу. Карамзин называл ее «самым неудачным» из романов Эмина и упрекал сочинителя в том, что он использует подложные источники – «ссылается на Полибьевы известия о славянах, на Ксенофонтову скифскую историю и множество других книг, никому в мире не известных».

Однако, признавая недостатки «Российской истории», нельзя не отметить, что она написана увлекательно. Несомненно, Карамзин подражал Эмину, заботясь о красоте слога «Истории государства Российского». «Российская история» не лишена юмора. Вот что писал Эмин о тех, кому отечественная история казалась недостаточно древней: «Мы тем по справедливости должны предпочесть наших древних летописцев пред иностранными, что они в то время писать научились, когда в

России христианская вера распространяется начала. И ежели прочие народы почитают то за славу и честь, что гораздо прежде нас начали быть просвещены, то мы должны называться счастливыми, что оной не имеем. Ибо и наши летописи были бы наполнены баснями и многих богов больше невозможными, нежели удивительными действиями. Не в одной бы у нас книге было написано, что Юпитер имел свой престол в Киеве, откуда громовыми своими стрелами выгонял иных богов, ибо и наши древние князья из оного града выгоняли своих братьев так, как и он. Венера была бы вознесена во многих наших писаниях до небес и имела бы свою столицу в Москве».

Эмин скончался 18 апреля 1770 года и был похоронен 20 апреля «по обряду христианскому» на кладбище при церкви Благовещения на Васильевском

острове. Погребение на этом постое было доступно только состоятельным людям, имевшим возможность дать «вкладу на церковное строение и расходы не меньше 10 рублей». Здесь были похоронены механик Андрей Нартов, путешественник Степан Крашенинников и художник Антон Лосенко.

В советское время останки Нартова и Крашенинникова были перезахоронены на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. А могила Эмина, судя по всему, была утеряна уже к концу XVIII века. В 1784 году на ней не было памятника, что дало повод издателю «Пути ко спасению» написать: «Над гробом его никакого не поставлено знака, да и не надобно. Труды его писаний пребудут неизгладимым именем его памятником во всех временах и у всех благочестивых людей в незавенной памяти».

БОЛЬШОЙ ВЗРЫВ

Факт первый. Лев Исаакович Шестов (Иегуда Лейб Шварцман) родился 31 января (12 февраля) 1866 года в Киеве в семье крупного фабриканта и торговца сукном Исаака Моисеевича Шварцмана и Анны Григорьевны, урожденной Шрейбер. И здесь уже сформулирована заданность – стать человеку адвокатом или купцом, продолжателем дела предков. И поначалу траектория жизни в такой канве и выстраивалась. Некоторые исследователи отмечают, что будущий философ, даже несмотря на разные юношеские порывы и революционные настроения, был очень домашним, преданным сыном своих родителей.

Факт второй. В 12 лет мальчик исчез из дома. Вскоре семья узнала, что он захвачен некой подпольной политической организацией. У отца потребовали выкуп. Отец проявил принципиальность, решив, что с террористами он договариваться не станет. Мальчик, изможденный, худой и оборванный, вернулся домой только через полгода – отпустили как безнадежного. Что пережил, перечувствовал за эти месяцы брошенный всеми подросток? Не в этом ли плену Шестов, еще не зная вовсе о существовании Кьеркегора, познает его философию, в основании которой – драма Авраама и сына его Исаака. Впрочем, ничего об этом – о том, что происходило в душе Шестова тогда, – нам неизвестно. «Лев Исаакович не любил вспоминать об этом эпи-

Лев Шестов.
1900-е годы

ФИЛОСОФ ИЗ ПОДПОЛЬЯ

АВТОР

МАРИНА ЯРДАЕВА

РУССКИЙ ПАРАДОКСАЛИСТ, ОПРОВЕРГАЮЩИЙ СИЛУ РАЗУМА, ПРИЗЫВАЮЩИЙ ВЕРНУТЬСЯ К НАЧАЛУ, УВЕРЯЯ ПРИ ЭТОМ, ЧТО НИКАКИХ НАЧАЛ, КАК И КОНЦОВ, НЕТ. ДЕРЗКИЙ ПОЛЕМИСТ, ОТКРЫВАЮЩИЙ В НАСЛЕДИИ РУССКИХ КЛАССИКОВ ТО, ЧЕГО ОНИ САМИ НЕ ВИДЕЛИ И, МОЖЕТ, ДАЖЕ НЕ ЗНАЛИ. ВСЕ ЭТО – ЛЕВ ШЕСТОВ.

СТРОЙНО ОПИСАТЬ жизненный путь русского философа-экзистенциалиста чрезвычайно сложно. Главная сложность состоит в том, что сам философ не очень-то заботился о том, чтобы такая биография стала возможной. Жизнь его была полна яркими событиями, но мы почти ничего не знаем о них. Одни истории дошли до нас лишь в каких-то неявных пересказах современников, потому что для самого Шестова были незначительны,

другие – напротив, были настолько личными и болезненными, что философ сделал все, чтобы они не стали достоянием общественности. И это досадно. Ведь очевидно, что вся философия Шестова растет из чего-то очень сокровенного, как философия Кьеркегора и Ницше, с которыми Шестов вел напряженный диалог. Классическое же «родился-учился-женился» мало что дает для понимания масштаба личности. Более того, эти факты только пускают нас по ложному следу.

Киев, вид на Подол, где располагалось «Товарищество мануфактур Исаак Шварцман». Конец XIX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Семья
Шварцманов.
Слева направо:
Маня, мать
Шестова,
Лев Шестов,
его отец,
Александр,
Соня, Лиза.
1894–1895 годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

зоде из своего детства», – напишет позже дочь философа Татьяна Баранова-Шестова.

Зато сам Шестов вспоминал другое: «Очень рано, когда я был в четвертом классе гимназии, то есть 13 лет от роду, вкоренилось во мне убеждение, что не писать я не могу и что я непременно стану хорошим писателем». А еще он мечтал стать певцом и всерьез готовился к сцене, да так, что сорвал голос. Однако в 1889 году молодой человек все-таки окончил юридический факультет Киевского университета и вскоре стал работать в фирме отца.

Занимаясь финансовыми делами семейной мануфактуры, он много читает и пробует сам писать. Метание между литературой и коммерцией естественным образом приводит к внутреннему конфликту. Конфликт – к бунту. Из «суконного рабства» он пытается вырваться с помощью любви. А влюбляется он в ту, которую ему любить нельзя: в православную девушку Варвару Малахиеву-Мирович. Уже одного этого хватило бы, чтобы разозлить отца, который разорвал отношения со старшей сводной сестрой Шестова за то, что та вышла замуж не за иудея. Мирович же, мало того что была русской, – она была писательницей, поэтессой, завсегдатаем литературных салонов и декадентских кружков – ну что это, право, такое!

Все сплелось в какой-то немыслимый клубок из страсти

и чувства долга, из возвышенных разговоров о философии и прозы жизни, из порабощающей любви и стремления к свободе, из болезненной привязанности и жертвенного отречения. Мирович не выдерживает, она сбегает за границу, но вскоре подсыпает к Шестову свою младшую сестру, Анастасию. Это только усугубляет дело. Анастасия влюбляется в страдающего литератора, и он готов жениться на ней из благородства. Варвара в разлуке осознает в полной мере, кого теряет, и срывается обратно. Теперь борьба охватывает сестер – и это мучительное сражение за право принести самую тяжкую жертву. Все закончилось трагично. В итоге Анастасия сошла с ума и попала в психиатрическую лечебницу. Варвара, испытывая ужас вины, вновь уезжает из России. Шестов тоже на грани помешательства, он бежит за границу и в Риме, чтобы вырваться из всего этого

Киев,
Университет
Святого
Владимира.
1890-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

морока, в 1896 году женится на враче Анне Березовской. Причем женится тайно от семьи, ведь она тоже русская!

Вот из этой-то драмы и вырастает экзистенциалист Лев Шестов, из этого большого взрыва рождается его философская вселенная. Философ, правда, является сначала в образе литературного критика. Пережив личную трагедию, Шестов берется за трагедию Гамлете, в 1898 году он пишет работу о Шекспире. Этот первый его труд называется «Шекспир и его критик Брандес», и формально Шестов борется в нем с популярным литературоведом своего времени. Правда же, кажется, заключается в том, что сражается он с чем-то совсем другим, с чем-то по-настоящему страшным, грандиозным в своем ужасе, с чем-то в самом себе. В этой статье он разбивает сложившиеся стереотипы о Гамлете, выносит ему, а вместе с ним, быть может, и самому себе суровый вердикт. «Судьба зовет человека – он бежит ее призыва. Вместо того, чтобы пойти навстречу всему, что дается нам в жизни и через великое горе прийти к великому счастью, чтобы самому стать в борьбе за лучшее достойным этого лучшего, человек ищет покоя и убаюкивающих песен мечтательной философии», – пишет Шестов.

ФИЛОСОФИЯ ТРАГЕДИИ

Затем Шестов берется за родную почву и философски препарирует идеи Толстого, Достоевского, Чехова, Мережковского и Сологуба.

В 1899 году Шестов пишет книгу «Добро в учении Толстого и Ницше», и опять в ней гораздо больше личного. Философия пламенного немца дорога Шестову как часть собственной жизни, ибо философия эта не просто прожита, а выстрадана. Толстой же ницшеанству дает решительную отповедь. Этого Шестов патриарху русской литературы простить не может. Но и обрушиться на классика он не в силах. И вот Толстого и Ницше он не примиряет, конечно, но рассматривает их друг через друга.

«Русская публика с ужасом услыхала весть о нарождении в Европе нового направления – ницшеанства, вождь которого проповедовал беспощадную супровость к слабым и несчастным. «Что слабо – то нужно еще толкнуть». «Не желай быть врачом у безнадежно больного»... Мы думали, что до Ницше никто не возвещал таких и подобных им правил, как заповедей нравственности, – пишет Шестов. – Более того, мы были убеждены, что попираемая на Западе нравственность найдет у нас в России надежное убежище. Против Ницше мы считали возможным выставить своего богатыря, «великого писателя земли русской» – гр. Толстого». А что же Толстой? А Толстой, оказывается, сам не раз «не желал быть врачом у безнадежно больного». Трагает ли его судьба собственной героини, добродетельной, самоотверженной Сони, чьей любовью и кротостью пренебрегает Николай Ростов? Ни-чуть! Она «пустоцвет».

Шестов цитирует Толстого и, цитируя, уличает. Проходится по «Войне и миру», переходит к «Анне Карениной» и, точно совсем уж издаваясь, убедительно доказывает, что Лев Николаевич, руководствуясь

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Лев Шестов.
1880-е годы

ницшеанскими принципами, которые Ницше еще и не выдумал даже, с наслаждением толкает «то, что слабо» – героянью под поезд. И это только разминка. Ведь Шестов вполне отдает себе отчет в том, что разоблачать графа по двум его главным романам не совсем честно после свершившегося в сердце классика переворота. А переворот случился в 1882 году, когда во

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Лев Шестов.
Добро в учении
Толстого
и Ницше.
Философия и проповедь
(Берлин, 1923).
Обложка

время московской переписи писатель побывал в ночлежке «Ржановой крепости». Там увидел он голодных, опустившихся людей и воскликнул: «Так нельзя жить!» С тех пор Толстым завладела идея спасения народа. Он старался помочь беднякам деньгами. «Давал деньги – и раз, и два, и три раза, – отмечал Шестов, – и давал столько, сколько, по их собственным расчетам, нужно было, чтобы стать на ноги – но все это ни к чему не повело. Ни одного из них гр. Толстому не удалось спасти». Тогда, почувствовав, что нет пользы «быть врачом у безнадежно больного», он уехал в свою деревню, чтобы выработать новое мировоззрение и предаться самосовершенствованию, если не сказать, самоисцелению. Вот что вскрыл Шестов в Толстом, вот что бессердечно явил свету.

А Достоевский? По нему Лев Исаакович тоже ловко проходится хирургическим скальпелем. Впрочем, не столько по нему, сколько по той бездне, что открыл миру гений. Вселенная Достоевского в книге Шестова «Философия трагедии» рассекается надвое: в одной части Раскольников, Ипполит, человек из подполья, в другой – Мышкин и Але-ша Карамазов. Лев Исаакович собирает всех для нового суда, но судит он весами Иова: чье отчаяние тяжелее песка морского, чей бунт разрушительнее, тот и прав. А если герой еще и не находит ни одного человеческого повода для добродетели, а сковывают его лишь формальные правила, то такого вроде как и судить не за что. Вот голодный студент рубит топором старуху. А что эта старуха? Ее не то чтобы не жалко, она вообще непонятно зачем, она ни на что не влияет, ничего в мироустройстве не ломается с ее смертью, она и так не жилиц. До нее и автору никакого дела нет. Она всего лишь инструмент – отравить герою жизнь. Шестов пишет: «Если б

Достоевский мог, не запутывая слишком романа, так сделять, чтобы Раскольников удрил топором старуху уже после того, как она умерла раньше естественной смертью, он бы это сделал – и потом все-таки заставил бы Раскольникова угрязаться, отдать себя в руки правосудия, пойти в каторгу». По Шестову, трагедия Раскольникова заключается в том, что с ним уже все случилось, он на муки обречен не потому, что дерзнул, на мораль и нравственность покусился, он обречен просто фактом существования.

Или вот Ипполит. Достоевский вкладывает в его уста вопрос: «Как мне всего лучше умереть? Чтобы вышло всего добродельнее, то есть?» Вопрос, конечно же, издевательский. И эффект от него еще и оттого сильнее, что осужденный судьбой на смерть герой обращается с ним к положительно-прекрасному Мышкину. Мышкин просит Ипполита смириться и простить другим их счастье. «Кажется, будто Достоевскому, по старой привычке подпольного человека, вдруг неудержимо захотелось показать язык своей собственной мудрости», – пишет Шестов. Он вообще любит и ценит в Достоевском как будто только подпольного человека. Почему? Да потому, что это Шестов – философ из подполья. Таким он сам себя ощущает.

Да, Достоевский вкладывает много собственных мыслей, много совсем сокровенного в убеждения своих самых неоднозначных персонажей. Но точно так же щедро делится сокровенным он и с другими своими героями: со старцем Зосимой, Алешей Карамазовым. Иной недобрый критик скажет, что с последними он только стремлениями, идеалами, но ведь и с подпольем писатель связан исключительно теоретически. Он не сковывает свое воображение, его мысль свободна, он докручивает все до предела, до абсур-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

да, до невозможности. Он все допытывается, каково это человеку смотреть на чужую муку и ананасный компот пить, видеть крушение мира, но от чая не отказаться, из отчаяния, злобы и даже шутки пойти на подлость, из трагедии превратить собственную жизнь в фарс. Раскольников грандиозен в замыслах (пусть в злодейских) и жалок в поступках. Ипполит несчастен словно библейский Иов и как будто все же право имеет, но он нелеп и визглив. Оба говорят много верного, но что с того? Если правда идеи расстет из неправды, из уродства жизни, то и жизнь не оправдывается, и идея становится нежизнеспособной. Достоевский, кажется, все же об этом. Но Шестов видит другое. Он гения читает своей собственной болью. И прочтение это, конечно же, хоть порой и удивляет, даже возмущает, но завораживает. Шестов – парадоксалист: половину правды он способен представить так, что она затмевает всю истину.

И.К. Пархоменко.
Портрет
Льва Шестова.
1900–1910-е
годы

АПОФЕОЗ БЕСПОЧВЕННОСТИ

«Апофеоз беспочвенности» – одна из главных работ философа. Она вышла в 1905 году и наделала много шума. Это был скандал. Чем же так напугал общество этот «опыт алогического мышления», эта подборка заметок, словно набросанных на полях, будто бы между делом? Шестов сражается в этой работе с самоочевидностями, общеобязательностью, иерархичностью мышления. Сам он объясняет: «Вся моя задача состояла именно в том, чтобы раз навсегда избавиться от всякого рода начал и концов, с таким непонятным упорством навязываемых нам всевозможными основателями великих и не великих философских систем».

Его разгромил даже Розанов, написавший позже в такой же манере свои «Опавшие листья» и «Уединенное». Впрочем, взбудоражила коллегу-философа не форма, его возмутило, что Шестов вводит читателя в заблуждение, ведь на самом деле автор ничего «не апофизировал», а только все отрикал, «всю философию от Фалеса до Канта», хотя сам «Апофеоз» и есть философия!

Литературный критик Юлий Айхенвальд, ранее вполне благоволивший Шестову, заключил, что тот расточает свой талант на вещи совсем несерьезные, не простили ему насмешек над Сократом. Об античном мыслителе Лев Исаакович написал так: «Когда Ксантиппа облила помоями Сократа, вернувшегося с занятий философией, он, по преданию, сказал: «После бури всегда бывает дождь». Не достойнее ли истины (не мудреца, а истины) было бы сказать: «Познавшись философией, все равно чувствуешь себя облитым помоями», и Ксантиппа дала только внешнее выражение тому, что происходило в душе Сократа. Символы не всегда бывают красивы». Обида Айхенвальда понятна, но надо

отдать должное и Шестову: замечание о мудреце из Афин остроумно! Единственный положительный отзыв после выхода книги оставил, кажется, только Николай Бердяев, с которым Шестов подружился еще в 1902 году. Но и он отозвался о новой работе Шестова, по признанию автора, «не по-товарищески». Отдавая дань уважения другу, называя его талантливым и оригинальным писателем, Бердяев все же ловит приятеля на несоответствиях, противоречиях, натяжках, а главное, сокрушается над тем, что Шестов свернул с великого пути, оставив «философию трагедии», удовлетворясь малым, простым, совсем уже не мятежным скепсисом.

Шестов отвечает странно. «Что правда – то правда. Поймал, – признался он Бердяеву. – Только зачем ловить было? И разве так книги читают? По прочтении книги нужно забыть не только все слова, но и все мысли автора, и только помнить его лицо. Ведь слова и мысли только несовершенные средства общения. Нельзя душу ни сфотографировать, ни нарисовать, ну и обращаешься к слову. Давно известно, что мысль изреченная есть – ложь».

А что происходит в жизни философа? Он все так же живет в Киеве, иногда ездит в Москву, Петербург, в Швейцарию и Германию. Он занимается делами семейной мануфактуры и пишет статьи в газеты. Ограждает себя от политики: в 1905 году жалуется, что политика «все же врывается в жизнь», не дает сосредоточиться. «Мы переживаем в высшей степени тревожное время, – пишет он сестре. – Каждый день приходят телеграммы о беспорядках – в России, на Кавказе, в Польше. Вчера разграбили Ялту и т.д. Чем все это кончится – не знаю, но хорошего в таком положении ве-щей мало».

Бури, вызванной «Апофеозом», Шестов как будто не замечает, напротив, он чувствует себя не очень удачливым литератором и публицистом. Ему уже 40 лет,

Вечер
у Ремизовых
в Париже.
Третий слева –
Лев Шестов.
Далее: писатель
Вениамин
Корсак, Алексей
Ремизов,
Серафима
Ремизова-
Довгелло.
1929 год.
Надпись на фото
А.М. Ремизова

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

жизнь течет, он пишет и публикуется, но все идет как-то не так. Иногда даже небольшие статьи не принимают в печать, многое лежит в редакциях месяцами. «Проходят годы и с ними уходит все хорошее – молодость и свобода. Поневоле начнешь о спасении души думать», – записывает он в 1906 году. Иногда он читает лекции в Петербурге и Киеве, но чувствует, что они никому особенно не нужны. В 1910 году, когда трудов накопилось уже на собрание сочинений в шесть томов, а Шестов все еще был не удовлетворен ни собой, ни жизнью, он едет в Ясную Поляну. Едет к Толстому, чтобы говорить с ним о Ницше, но видит, что «Толстой уже весь в прошлом» и говорить с ним о трагическом опыте, отчаянии и одиночестве бесполезно.

ФИЛОСОФСТВОВАТЬ, ЧТОБЫ ЖИТЬ

Предвоенные годы Шестов проводит с семьей в Швейцарии, где переживает свой затянувшийся кризис, который трудно скрыть даже от окружающих. Вот как описывает состояние Шестова его знакомая Евгения Герцык: «Мне уж было не ново, что в последние годы спала та могучая творческая волна, которая в молодости вынесла его из тяжелого кризиса, но никогда я не видела его таким опустошенным». В этот же период Шестов зачитывается Библией, изучает Лютера, обличает «ползущую, хихикающую» мысль Вольтера, погружается в Платона и Аристотеля. Что-то новое зреет в философе. С началом мобилизации Шестов покидает Европу и оседает в Москве. Здесь он постоянно встречается со старыми друзьями и знакомыми: Николаем Бердяевым, Сергеем Булгаковым, Вячеславом Ивановым, Михаилом Гершензоном. Жизнь трудная, но это парадоксальным образом приободряет Шестова, он рад, что у него есть средства помочь друзьям, приветствует стремление жены устроиться врачом в больницу, верит в благополучный исход войны, читает лекции и доклады, пишет статьи. Но он ничего не создает «для вечности». За границей осталась последняя, неоконченная рукопись, «Только верой», новое начать Шестов не может из-за отвлекающих

Лев Шестов.
На весах Иова.
Странствования
по душам
(Париж, 1929).
Обложка

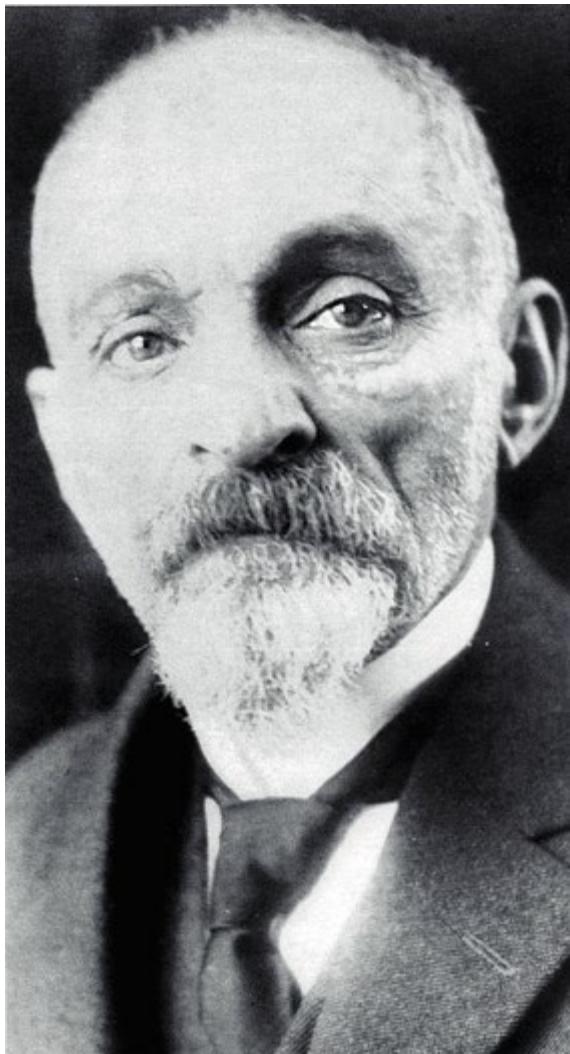

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

его забот. И война затягивается, и случается Февральская революция. На родительском предприятии в Киеве начинаются забастовки. И тем не менее Шестов почти счастлив. Может быть, именно потому и счастлив. В это время он полемизирует с Пушкиным, писавшим, что поэт рожден и живет совсем «не для житейского волненья, не для корысти, не для битв». Философ убеждается, что и волнения, и битвы, и даже корысть очень даже кстати человеку мыслящему и ищущему, что все это способно превратиться в «песни и молитвы».

Надежды рушатся в октябре, с приходом большевиков. Шестов чувствует: пройдена какая-то точка, после которой невозможно светлое будущее, он понимает, что будет реакция, террор, видит, что «темная народная масса потеряла всякое понимание происходящего». Шестов с семьей перебирается сначала в Киев, затем уезжает за границу. Факт, что в Советской России будущего у него нет, ему донесли резко и доходчиво. Это было на одном из собраний, куда философа пригласили поговорить о Марксе. Шестов заговорил об Аристотеле и Платоне. Председатель собрания его обрвал, заявив, что «революция сметет всех Аристотелей, Платонов и даже Шестовых, если они откажутся предоставить свой талант на службу революции». Шестов ответил, что эта революция не первая и что философов уже сметало множество раз, а потом люди откапывали то, что от них осталось.

В 1920 году Лев Шестов с семьей уехал из России. В 1921 году он обосновался во Франции, где и жил до своей смерти. Все то, что зрело в довоенные годы в Швейцарии, потом в предреволюционные в России, выплеснулось с неудержимой силой в эмиграции. Он много и упорно пишет, издается. В 1920-х годах выходят «Преодоление самоочевидностей» к столетию Достоевского, «Власть ключей», «Неистовые речи» о философии Плотина, «Гефсиманская ночь» о Паскале,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Лев Шестов.
Париж.
1920-е годы

«На весах Иова». В этот период Шестов входит в авангард западной мысли, общается с такими философами, как Эдмунд Гуссерль, Мартин Хайдеггер, Клод Леви-Стросс, Жорж Батай, читает лекции в Сорbonne.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Сёрен Кьеркегор
(1813–1855),
датский философ

Позже произошла его знаменательная встреча с Кьеркегором – поистине родственной душой. Все то, о чем писал философ-датчанин, Шестов испытал и прожил давным-давно: страх, одиночество и боль он понял, кажется, еще ребенком. И кто открыл Шестову Кьеркегора? Гуссерль! Человек, кажется, далекий от экзистенциализма Кьеркегора. Человек, которого Шестов вечно превращал в окаменевшую статую, затем только, чтобы вдребезги разбить. Оттого за труды датчанина Шестов взялся скептически. Но каково же было его открытие! «Кажется, что он читал «Апофеоз беспочвенности» или я читал его книги», – писал о первом знакомстве с Кьеркегором Шестов в 1929 году. В 1931-м добавляет: «Прошедший год – моя встреча с Киргегардом – был для меня особенно трудным. И до сих пор еще, каждый раз, когда я вспоминаю про эту «душу», с которой я столкнулся в своих странствованиях, мне приходится делать величайшее напряжение, чтобы не свернуть на путь кантовской критики, который неизбежно ведет назад к Спинозе».

Кьеркегор, так же как и Шестов, философствовал, чтобы жить, а не жил, чтобы философствовать. Кьеркегор, так же как и Шестов, так же как и ветхозаветный Авраам, отстраняет этическое (закон), чтобы войти в пространство веры. Потому что отказ от веры не есть нигилизм, скорее, «этика есть извращенный, прикрытый моралью нигилизм», как писал Шестов. Отказаться от этики и войти в пространство веры нужно для того, чтобы победить страх. Ибо «страх есть обморок свободы» – так уже говорил Кьеркегор.

Конечно, Шестов должен был об этой встрече написать. Написать серьезно и всеохватывающе. «Киргегард и экзистенциальная философия» стала одной из первых книг, ясно освещивших мысль Кьеркегора за пределами Скандинавии и Германии. И она же стала последним трудом Льва Шестова, скончавшегося 19 ноября 1938 года.

ПРЕИМЕНИТАЯ ЛАВРА

АВТОР

ЛАДА КЛОКОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

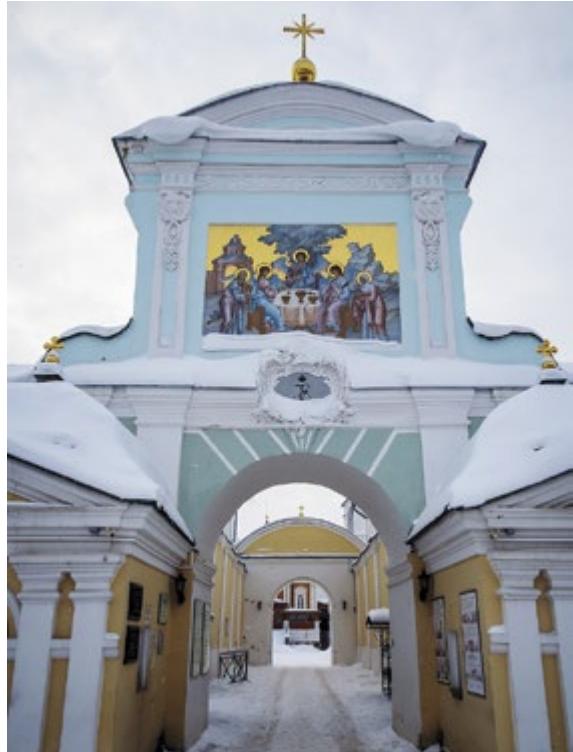
КТО БЫ ЧТО НИ ГОВОРИЛ, А ВСЕ-ТАКИ ЛУЧШИЙ ВИД
НА СВЯТО-ТРОИЦКИЙ ИПАТЬЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ ОТКРЫВАЕТСЯ
С МОСТА ЧЕРЕЗ РЕКУ КОСТРОМУ. И ПОКА ЛЮБУЕШЬСЯ С НЕГО
БЕЛОСНЕЖНЫМИ СТЕНАМИ И ЗОЛОТЫМИ КУПОЛАМИ ОБИТЕЛИ,
ЗАКРАДЫВАЕТСЯ МЫСЛЬ, ЧТО МОСТ ЭТЫЙ СОЕДИНЯЕТ
НЕ ТОЛЬКО ДВА БЕРЕГА, НО ЕЩЕ ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ.
ПОТОМУ ЧТО У ТЕБЯ ЗА СПИНОЙ ПРОНОСЯТСЯ АВТОМОБИЛИ,
А ВНИЗУ РЕКУ ПО ЛЬДУ ПЕРЕХОДЯТ ЛЮДИ. ТАК ЖЕ,
КАК ЧЕТЫРЕСТА С ЛИШНИМ ЛЕТ НАЗАД ШЛО ПО ЛЬДУ
КОСТРОМЫ В ИПАТЬЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ ПОСОЛЬСТВО
ЗЕМСКОГО СОБОРА, ИЗБРАВШЕГО ЦАРЕМ МИХАИЛА РОМАНОВА...

Свято-Троицкий Ипатьевский монастырь принято называть колыбелью династии Романовых. Это утверждение, безусловно, справедливо. Но требует дополнения. Ведь Ипатьевский монастырь можно считать обителью трех правивших династий: Рюриковичей, Годуновых и Романовых. Неслучайно во времена расцвета монастырь называли «Преименитой Лаврой», а его настоятели с XVI века носят сан архимандрита.

Кто и когда основал Ипатьевский монастырь – неизвестно. Есть позднее предание о том, что в 1330 году татарский мурза Чет бежал из Золотой Орды, чтобы поступить на службу к великому князю Ивану Калите. По дороге в Москву он заболел, разбил лагерь на месте нынешнего монастыря, и во сне ему явились Богородица, апостол Филипп и священномученик Ипатий Гангрский. Чет излечился и в благодарность решил основать на этом месте обитель. До Москвы Чет добрался, крестился с именем Захария и обет свой исполнил: в месте, где сливаются Волга и Кострома, поставил Свято-Троицкий Ипатьевский монастырь. По тому же преданию, Захарий Чет стал родоначальником костромских боярских родов Сабуровых, Годуновых и Вельяминовых-Зерновых.

Парадные ворота монастыря построены в 1767 году

Троицкий собор и колокольня монастыря

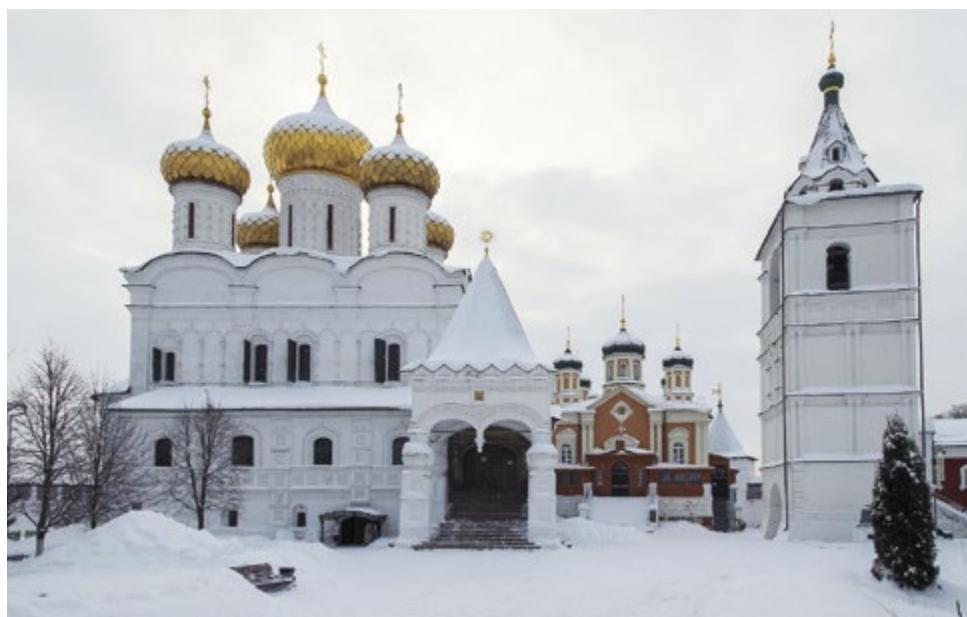
великому московскому князю Ивану Калите.

Расцвет обители пришелся на время возвышения рода Годуновых. Они жертвовали монастырю земли, роскошную утварь, иконы, колокола и великолепные рукописные книги. Именно благодаря Годуновым с середины XVI века деревянные строения и стены монастыря начали заменяться каменными. И первой такой постройкой стала соборная каменная церковь, возведенная в 1560 году на средства Дмитрия Ивановича и Бориса Федоровича Годуновых.

«Первый Троицкий собор был деревянным, – рассказывает старший научный сотрудник Церковного историко-археологического музея Костромской епархии РПЦ Людмила Александровна Борисова. – В XVI веке Годуновы возводят каменный храм, который по размерам был больше прежнего. Но простоял он менее столетия: в 1649 году собор был разрушен «зельным вихрем». Есть записи в монастырских книгах о том, что «трапезные робия заняли зельную казну» – в подклети собора хранился порох. Видимо, из-за неосторожного обращения с ним в январе 1649 года произошел взрыв, уничтоживший собор. Так что сейчас мы с вами смотрим на третий по счету Троицкий собор, построенный в 1652 году по приказу царя Алексея Михайловича».

Л.А. Борисова

«ДУХОВНОЕ НАСЛАЖДЕНИЕ ВО ВЕЧНЫЕ ВЕКИ»

Нынешний Троицкий собор, как и годуновский, стоит на подклети, увенчан пятью главами, с трех сторон опоясан крытыми галереями – папертью, на которой молились оглашенные и находившиеся под епитимьей. Снаружи собор был расписан, но фрески до наших дней не дошли. Зато внутри сохранилась роспись, выполненная артелью знаменитого Гурия Никитина. Расписывать собор начали в 1654 году с паперти: на стене западной галереи были написаны впечатляющие композиции «Страшный Суд» и «Видение Иоанна Лествичника», а также два исполненных ангела, «охраняющие» западный портал. Но работы были прерваны, возможно, из-за морового поветрия, выкосившего две трети жителей Костромы. Вновь заняться росписями Троицкого собора артель Никитина смогла только в 1684 году. Об этом сообщает летопись на стенах четверика, завершающаяся словами: «всем изографное воображение в духовное наслаждение во вечные веки аминь».

Редкая удача: поименно известны все 19 артельщиков! На се-

верной стене нефа они написали свои имена в аккуратном клейме. «Первым идет Гурий Никитин, затем Сила Савин, Василий Осипов и так далее, – говорит Людмила Александровна. – И вот, посмотрите: имена мастеров при реставрации восстановлены черной краской, а слова «с Богом» так и остались непрописанными. Но они все равно видны. Как рассказывал реставратор Александр Михайлович Малофеев, в 1960-е годы, когда он с коллегами реставрировал храм, они просто не рискнули прописать эти слова. Реставрационные работы в Троицком соборе шли с 1960 до 1986 года. Храм тогда нужно было спасать: стекла в окнах

Фрески артели Гурия Никитина сплошным ковром покрывают стены и своды Троицкого собора

Авторское
клеймо
изографов
артели Гурия
Никитина

были разбиты, фрески покрыты плесенью, грибком и грязью. Химики разработали специальный материал, который реставраторы применили для очистки и укрепления стенописи. Им также пришлось бороться с «народным творчеством»: стены были исписаны фразами с ненормативной лексикой и обычным варварским «приветом»: «Здесь был Вася».

Фрески четверика, ковром покрывающие стены, столбы, своды храма, барабаны и своды глав, были написаны артелью за три летних месяца. Это грандиозная работа – сотни сюжетных композиций разместились на площади около 1400 квадратных метров. Сначала стены покрывались специальным известковым раствором, предварительно выдержаным несколько месяцев. По еще сырому левкасу художники-знатоки наносили эскизы композиций, контуры которых прорезались острым инструментом, чтобы они были видны на последующих этапах работы. После этого знатоки наносили красками основные фрагменты росписи. Художник, профессор Николай Чернышев в книге «Техника стенных росписей» пишет, что обычно старые мастера «подкладывали» под все цвета, кроме синих, желтую охру. А синими красками они писали по подкладочному серому тону – рефти. Вслед за знатоками к работе приступали «деличники», писавшие святых и людей, а также их одежду. Затем – «личники», искусство которых в изображении лиц и рук ценилось особенно высоко. Завершали работу над фресками «травщики», ответственные за мелкие детали: травы, цветы, орнаменты на костюмах и т.д.

Весь фресковый цикл четверика Троицкого собора состоит из пяти ярусов, каждый из которых начинается на южной и оканчивается на северной стене. Здесь разворачиваются картины, рассказывающие о явлении ангелов Аврааму и Лоту, о евангельской истории Иисуса Христа,

о действиях апостолов. А столбы нефа, в соответствии с традицией, украшают изображения святых в полный рост. Есть среди них одна поразительная фреска: на юго-восточном столбе изображены цари Михаил Федорович и Алексей Михайлович Романовы. Причем оба – с нимбами. Рядом с этим столбом раньше находилось Царское место, переданное в дар монастырю царем Михаилом Федоровичем. Сейчас оно хранится в музее-заповеднике «Коломенское», а в соборе установлена его точная копия.

Масштаб работ был так велик, что за лето артель Никитина не успела полностью расписать стены и своды галерей Троицкого собора. Только в 1912–1913 годах, к 300-летию дома Романовых, палехские иконописцы завершили роспись стен и сводов галерей собора.

Одни из трех врат, выполненных в технике «огневого золочения». Конец XVI века

Тихвинская Ипатьевская икона Божией Матери. Предполагается, что этот образ – вклад царя Михаила Федоровича

Платон и Аполлон у открытого гроба

Пророчество сивиллы

ПЛАТОН, СИВИЛЛЫ И ДРУГИЕ

Пятиярусный иконостас Троицкого собора, созданный в XVIII веке резчиками из костромского посада Большие Соли Петром Золотаревым и Макаром Быковым, поражает своей роскошью. Он украшен богатой резьбой: сверху донизу вьются золотые виноградные лозы и листья аканта. По левую сторону от Царских врат находится одна из главных святынь монастыря – Тихвинская Ипатьевская икона Божией Матери. Появление этого образа в монастыре было связано, вероятно, с вкладной деятельностью царя Михаила Федоровича.

В Троицком соборе невозможно пройти мимо редчайшего памятника искусства XVI века – медных дверей, пожертвованных обители Дмитрием Ивановичем Годуновым. Всего таких дверей

три, две украшают Троицкий собор, одна хранится в Церковном музее. Остается только удивляться тому, что врата не пострадали при взрыве, который разрушил храм в 1649 году. Они были изготовлены в московской Оружейной палате, видимо, одновременно с аналогичными медными вратами кремлевского Благовещенского собора.

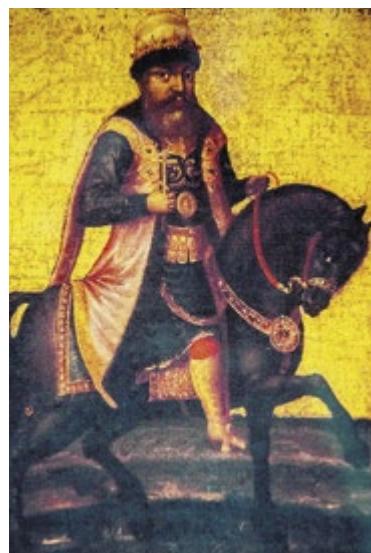
Врата украшены медными пластинами, на которые нанесены рисунки, выполненные в технике «огневого золочения». И некоторые из них весьма любопытны. Среди традиционных евангелистов и пророков тут неожиданно обнаруживаются Платон, Сократ, Менандр, Аполлон и даже сивиллы. Присутствие этих персонажей в православном храме может показаться странным. Однако напомним, что античное наследие было

«оправдано» еще в работах богословов первых веков христианства – Юстина Мученика, Климента Александрийского, Василия Великого... Некоторых античных философов и писателей богословы начали представлять своего рода «протохристианами», приписывая им признание единого Бога, познание сущности Святой Троицы и пророчества о явлении Богочеловека. Того же Платона, например, в богословской литературе иногда называли «афинствующим Моисеем». Затем стали появляться фантастические рассказы, подтверждающие «пророчества» античных философов. Так, в «Хронографе» византийского монаха IX столетия Феофана Исповедника рассказывалось, что в IV веке во Фракии обнаружили могилу неизвестного эллинского философа, к гробу которого была прибита доска с пророчеством о рождении Христа от непорочной Девы. Легенда эта попала в составленную при Иване Грозном Степенную кни-

гу, где обросла дополнительными подробностями о крещении костей неизвестного философа. В итоге вымыщенная книжная история сформировала любопытную иконографию Платона: его изображали либо с гробом на голове, либо стоящим рядом с открытым гробом с останками. Именно так он и предстает на дверях Троицкого собора.

Иконостас Троицкого собора отличает искусственная резьба

ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ

Пожалуй, основными ктиторами монастыря во второй половине XVI века можно считать представителей рода Годуновых. Главными из них были Борис Годунов и его дядя Дмитрий Годунов. К сожалению, о Дмитрии Ивановиче Годунове известно не так уж много. Судя по всему, он был хорошо образован и держал в Москве собственный скрипторий. После смерти своего брата Дмитрий Иванович взял на воспитание племянников – Бориса и Ирину. К тому времени он уже был постельничим Ивана Грозного, что говорит о его близости к царю. В Постельный приказ он пристроил и своего племянника Бориса, позже просватал за него дочь любимца царя Малюту Скуратова. А на Ирине Годуновой женился царевич Федор Иоаннович, ставший в 1584 году царем. Когда же в 1598 году на трон сел Борис Годунов, то Дмитрий Иванович возглавил Конюшенный приказ, получив одну из самых престижных должно-

стей царства. Но после смерти Бориса и свержения его сына Федора карьера Дмитрия Ивановича оборвалась. Захвативший власть Лжедмитрий I отправил Годунова в ссылку. Дмитрий Иванович скончался в 1606 году, приняв перед смертью постриг с именем Дионисий. Похоронили его в Ипатьевском монастыре.

В Ипатьевском монастыре находилась родовая усыпальница Годуновых. Точнее, раньше здесь были три усыпальницы: в двух из них, расположенных вблизи церкви Рождества Богородицы, находились 22 и 16 захоронений Годуновых, в том числе Дмитрия Ивановича и родителей царя Бориса Федоровича. В середине 1760-х годов из-за перестройки церкви Рождества Богородицы эти захоронения были нарушены. Сохранилась только одна усыпальница – в подклети Троицкого собора, где находились 14 захоронений Годуновых. Сегодня она называется «Годуновской», хотя представителям этого древнего рода принадлежат здесь только четыре надгробные плиты.

Пол в усыпальнице старый и неровный, шаги по кирпичной елочке звучат гулко. Здесь всего пять саркофагов. «До разорения усыпальница выглядела иначе, – объясняет Людмила Александровна. – Вся восточная стена была украшена иконами. На саркофагах лежали расшитые покрова. Обычно клали два покрова, реже – четыре. Верхние были бархатными и из «сукна аглинского», с нашитыми серебряными дробницами и чеканными изображениями святых. Обратите внимание: на Костромской земле белого известняка, из которого сделаны саркофаги, нет. Зачем его сюда везли из Подмосковья? Выяснилось, что белый известняк способствовал бальзамированию тела. Прежде чем положить умершего в саркофаг, в нем сжигали серу и белую польню – считалось, что это тоже способствует бальзамированию». В усыпальнице хранятся и те плиты, которые были найдены при археологических раскопках на месте церкви Рождества Богородицы.

Усыпальница
Годуновых

Надгробная
плита первенца
Бориса
Федоровича
Годунова –
Федора
Борисовича,
умершего
в младенчестве
в 1572 году

«Вот плита младенца Тимофея – одного из 15 умерших в малолетстве детей Дмитрия Ивановича Годунова, – продолжает Людмила Александровна. – А вот весьма любопытная плита. Судя по надписи и дате, это умерший в младенчестве первенец Бориса Годунова – Федор Борисович Годунов».

ВРЕМЯ РОМАНОВЫХ

Именно в Ипатьевском монастыре решалась судьба России в один из самых мрачных и тяжелых периодов русской истории. Смертельным вихрем неслась по стране Смута, собирая кровавую жатву в войне всех против всех. Гибель царской династии, самозванцы, Семибоярщина... Наконец в начале 1613 года в Москве созывается Земский собор, избравший новым царем юного Михаила Романова – двоюродного племянника Федора Иоанновича, последнего самодержца из династии Рюриковичей.

В тот момент Михаил Романов вместе со своей матерью, икониной Марфой (Ксения Ивановна Романова, урожденная Шестова), укрывался сначала в родовом поместье Домнино под Костромой, а затем – за надежными стенами Ипатьевского монастыря. Польско-литов-

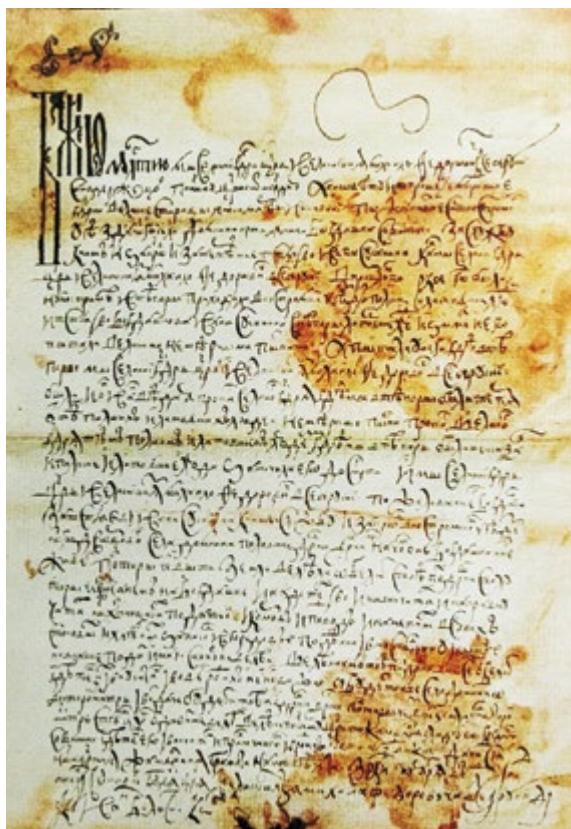
В Церковном
музее
представлена
богатая
коллекция икон

ский отряд пытался отыскать Романовых, у Домнина интервенты схватили вотчинного старосту Ивана Сусанина и пытали его, чтобы узнать, где находится Михаил Федорович. По легенде, Сусанин согласился стать проводником поляков, долго водил их по лесам и завел в болото, за что был казнен. Преданный староста так и не выдал, где скрываются Романовы. Косвенным доказательством правдивости этой истории служит царская грамота 1619 года, даровавшая потомкам Сусанина личную свободу, земельные владения и освобождение от податей и повинностей.

В марте 1613 года в Ипатьевский монастырь прибыло посольство Земского собора, возглавляемое архиепископом Рязанским Феодоритом, келарем Троице-Сергиева монастыря Авраамием Палицыным и боярином Федором Ивановичем Шереметевым. Когда Михаилу Романову объявили о том, что он избран царем, и юноша, и инокиня Марфа сначала пришли в отчаяние. Мать умоляла сына отказаться от тяжкого бремени, сам

он был в нерешительности. Но в итоге Михаил согласился и 19 марта выехал в Москву. 11 июля 1613 года в Успенском соборе Московского Кремля Михаил Федорович Романов был венчан на царство.

Жалованная грамота царя Михаила Федоровича, данная потомкам Ивана Сусанина в 1619 году. Копия

С этого момента и до конца XVII века Ипатьевский монастырь не оставался без внимания правящей династии. Романовы финансировали ремонт стен и строительство новых зданий обители, делали богатые вклады, приезжали на богослужение. В 1642–1645 годах по приказу Михаила Федоровича территория монастыря была увеличена вдвое. В 1652 году по распоряжению Алексея Михайловича восстанавливается Троицкий собор, а в 1673-м строится церковь Иоанна Златоуста, позже разобранная из-за ветхости.

Ситуация изменилась с воцарением Петра I. В 1693, 1699 и 1700 годах по указу нового царя из монастыря изымаются и пересылаются в Москву на переплавку для «ратного дела» не только колокола, но и медные котлы. Как и многие другие обители, Ипатьевский монастырь пришел в упадок, его начали использовать как место ссылки. Кстати, именно здесь с 1701 года отбывали пятилетнюю ссылку первые преподаватели Славяно-греко-латинской академии, братья Иоаннинский и Софроний Лихуды.

Возрождение обители началось после учреждения в 1744 году Костромской епархии: Ипатьевский монастырь стал резиденцией архиерея. В нем также разместилась Костромская духовная семинария. А после того, как в 1767 году монастырь посетила императрица Екатерина II, династия Романовых возобновила опеку над костромской обителью. Следующим царственным гостем стал Николай I, прибывший в Ипатьевский монастырь в 1834 году. Императоры Александр II, Александр III и Николай II посещали обитель и когда были еще цесаревичами, и после вступления на престол. На празднование 300-летия дома Романовых последний русский император прибыл в Ипатьевский монастырь вместе с семьей...

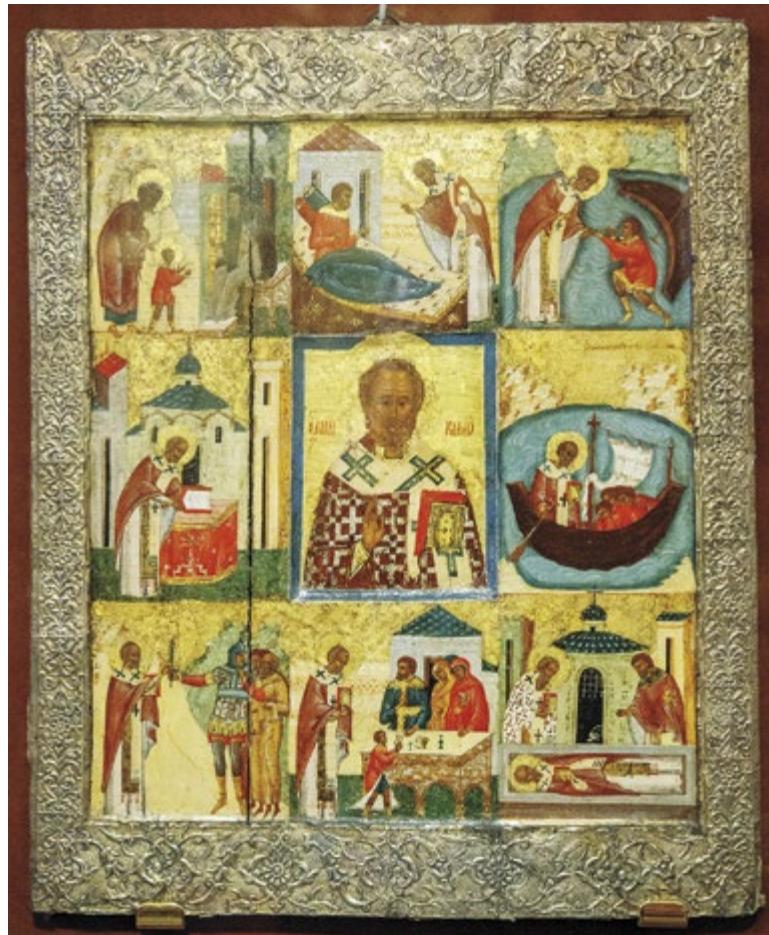
УДИВИТЕЛЬНЫЕ
ЭКСПОНАТЫ

До отъезда в Москву инокиня Марфа и Михаил Романовы жили в постройке Ипатьевского монастыря, которую позже назовут «Царские чертоги», или «Дворец царя Михаила Федоровича». По преданию, южную половину дома занимал Михаил Федорович, а северную – инокиня Марфа. Теперь в этом небольшом двухэтажном здании, которое носит название «Палаты бояр Романовых», располагается Церковный историко-археологический музей Костромской епархии РПЦ. Здесь хранятся книги, иконы, церковная утварь, предметы лицевого и орнаментального шитья, пожертвованные монастырю многочисленными вкладчиками – русскими царями и императорами династии Романовых, а также знатными боярами и князьями.

Перечислить все удивительные экспонаты в экспозиции музея просто невозможно. Но как, к примеру, не обратить внимание на икону «Святитель Николай Чудотворец (Великорецкий) с житием»? Ведь она была написана в середине XVI века в Москве и вложена в Ипатьевский монастырь Иваном Грозным. Как уточняют описи ризницы Троицкого собора: «дана по царевиче Иване Ивановиче», то есть в память о погибшем старшем сыне Ивана Васильевича.

К эпохе Ивана Грозного относятся еще две интересные иконы – вклады Годуновых в обитель. Одна из них – «Не рыйдай Мене, Мати...». Это очень редкий образ, на котором изображено оплакивание Спасителя Богородицей. Первые такие иконы были написаны в середине XVI века в Москве. Именно этот образ, наряду с другими иконами, стал одной из причин громкого «дела дьяка Висковатого». В 1553 году посолский дьяк Иван Висковатый выступил против нововведений в иконописи – «латинских ересей». Соборное разбирательство по этому вопросу состоялось в 1554-м. Висковатого осудили и наложили на него трехлетнюю епитимью.

Икона
«Святитель
Николай
Чудотворец
(Великорецкий)
с житием» –
вклад царя
Ивана IV

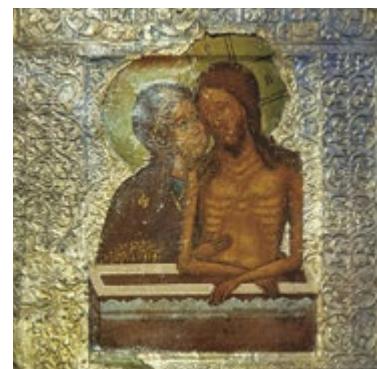
Вторую икону сегодня также встретишь нечасто: на ней святой благоверный князь Александр Невский изображен в виде схимника Алексия – это имя он принял вместе с монашеской схимой перед смертью. Иконография Александра Невского кардинально изменилась в 1724 году, после того как по указу Петра I мощи князя были перенесены из Владимира в Санкт-Петербург, в Александро-

Невскую лавру. 15 июня того же года последовал указ Святейшего синода, запретивший писать Невского в монашеских одеждах. Поэтому нам больше привычен образ святого князя в виде воина.

И уж совсем необычной представляется костромская икона XVII века «Единородный Сыне». Кажется, что она просто перенасыщена образами и аллегориями: в центре иконы – Святая

Икона «Святой
благоверный
князь Александр
Невский (в схиме
Алексий)».
Конец XVI века

Икона «Не рыйдай Мене, Мати...».
Конец XVI века

Икона «Единородный Сыне».

XVII век

Троица, рядом – два ангела. Еще два ангела стоят на фоне старого и нового зданий, символизирующих Ветхий и Новый Завет. Чуть ниже, под Троицей, изображение «Не рыйдай Мене, Мати...». В самом низу иконы на химере едет бледная Смерть, а с другой стороны на перекладине креста сидит воин в шлеме, доспехах и мечом в правой руке. Это – необычное изображение Христа Спасителя, который, согласно пророчеству Соломона, «облечется в броню – в правду, и возложит на Себя шлем – нелицеприятный суд; возьмет непобедимый щит – святость; строгий гнев Он изострят, как меч, и мир ополнится с Ним против безумцев»...

А вот последний вклад в монастырь Дмитрия Ивановича Годунова, сделанный в 1605 году – Евангелие напрестольное. Книга роскошно оформлена: орнаменты, заставки и буквицы отличаются изяществом и замысловатостью, начало каждого раздела открывает сложная многоцветная миниатюра.

И как можно пройти мимо выносных фонарей – тех самых, с которыми шло в Ипатьевский монастырь посольство Земского собора? Или не остановиться у посоха царя Михаила Федоровича, который был подарен обители императором Николаем I в 1834 году?..

Евангелие
напрестольное.
Конец XVI –
начало XVII века.
Вклад
Д.И. Годунова

Славная история Ипатьевского монастыря не спасла его от разграбления и ликвидации после Октябрьской революции. Уже в 1919 году он был закрыт, монахи изгнаны, а имущество национализировано. В обитель переселили жителей фабричной окраины Костромы. Но в монастырских храмах еще продолжались службы – до тех пор, пока в 1922 году губернская комиссия не конфисковала оставшуюся церковную утварь. В то время никто из людей «новой формации» не вспоминал о том, что в обители укрывался Дмитрий Донской, что здесь состоялось рождение династии Романовых, что именно здесь, в монастырском книгохранилище, находилась бесценная Ипатьевская летопись...

Свято-Троицкий Ипатьевский монастырь возродился в 1992 году. В храмах, в которых молились русские князья и самодержцы, вновь идут службы, звонят колокола на колокольне, построенной на средства Годуновых, а экскурсоводы, приглашая в «Палаты бояр Романовых», говорят: «Идем к царям!»

«У МЕНЯ ЕСТЬ ИМЯ»

АВТОР

МАРИЯ БАШМАКОВА

В ДЕКАБРЕ 1889 ГОДА В БЕДНОЙ ЕВРЕЙСКОЙ СЕМЬЕ В ВИННИЦЕ РОДИЛСЯ МАЛЬЧИК. МНОГО ЛЕТ СПУСТЯ, УЖЕ ИЗВЕСТНЫЙ ЖИВОПИСЕЦ НАТАН АЛЬТМАН, АВТОР ХРЕСТОМАТИЙНОГО ПОРТРЕТА АННЫ АХМАТОВОЙ И САМОГО ИЗВЕСТНОГО БЮСТА ЛЕНИНА, РАССКАЗАЛ ЖЕНЕ СЕМЕЙНОЕ ПРЕДАНИЕ О СВОЕМ ДЕТСТВЕ. ЕГО ЗИМОЙ КУДА-ТО ВЕЗЛИ НА САНЯХ И ВЫРОНИЛИ. КОГДА РОДИТЕЛИ ХВАТИЛИСЬ, НАШЛИ МАЛЬЧИКА ПОД БОЛЬШОЙ ЕЛЬЮ, А НАД НИМ, КАК БЫ ОХРАНЯЯ, РАСКИНУЛА КРЫЛЬЯ ОРЛИЦА...

КЕМ БЫЛ ОТЕЦ БУДУЩЕГО художника, до подлинно неизвестно, мать работала в больнице кастеляншей. Когда Натану исполнилось 4 года, его отец умер. Мать вскоре уехала в США, оставив мальчика на попечении бабушки и дедушки. Когда Натан был уже известным художником, она

разыскала его в Советском Союзе: написала письмо и прислала свою фотокарточку. Но Альтман ответил матери, что ее для него не существует.

Натан любил рисовать с детства. Первой моделью будущего художника стала бабушка («Портрет бабушки», 1908 год). А в память о своем деде, который умер раньше, Натан

написал картину «Еврейские похороны».

Он поступил в Одесское художественное училище, но окончил лишь четыре класса. Юному Альтману хотелось самостоятельности. Оставив училище, он начал давать уроки рисования. Но нужно было выбирать, что делать дальше. Путь в Петербург в 1910 году из-за черты оседлости был закрыт для еврея. И молодой художник отправился в Европу: сначала в Вену и Мюнхен, затем в Париж – учиться. Первое время он жил в мастерской своего однокашника по Одесскому училищу, затем переехал на Монпарнас, в La gache («Улей») – знаменитый фаланстер, созданный в 1902 году меценатом Альфредом Буше. Студии-ателье здесь сдавались художникам и скульпторам за символическую плату, в «Улье» в то время жили многие будущие знаменитости.

Год, проведенный в Париже, благодатная пора в жизни художника: он посещал Лувр, Люксембургский музей, занимался в Свободной русской академии Марии Васильевой. Знакомился с современным искусством, искал свой почерк.

Натан Альтман
с жеребенком.
Винница.
1925 год

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА МАЛАХОВСКИХ

В 1913 году в петербургском кафе «Бродячая собака» (см.: «Русский мир.ru» №6 за 2016 год, статья «Под знаком собаки». – Прим. ред.) Альтман встретился с Анной Ахматовой и предложил позировать ему. Молодой художник писал поэтичесу в своей мансарде, через окно которой можно было выйти на крышу. Он работал долго, модель, к счастью, была терпелива. В итоге получился, возможно, самый известный портрет Анны Ахматовой. Почти сразу после завершения портрета Анна Андреевна написала о нем в стихотворении «Эпические мотивы»:

Как в зеркало, глядела я тревожись
На серый холст, и с каждою неделей
Все горше и страннее было сходство
Мое с моим изображеньем новым.

Портрет Анны Ахматовой произвел сильное впечатление на публику. Молодая женщина – острые, тонкая – в синем платье с желтой шалью. Искусствовед Николай Пунин, третий муж Анны Ахматовой, всегда считал его лучшим из того, что написал Альтман.

В кабаре «Привал комедиантов» в 1916 году Альтман дебютировал как театральный декоратор, оформив постановку пьесы Метерлинка «Чудо святого Антония».

ИЗВАЯТЬ ВОЖДЯ

Революцию Натан Альтман встретил с воодушевлением. И в искусстве тех лет след оставил значимый. В 1918 году он участвовал в конкурсе на создание геральдики РСФСР: предложенный художником красный флаг с золотыми буквами абривиатуры признали лучшим. После революции Альтман руководил секцией художественных работ, связавшей искусство с агитационными задачами. Он организовал Первую государственную свободную выставку произведений искусства во Дворце искусств (Зимний дворец); руководил созданием Музея художественной культуры; был редактором первой советской газеты по вопросам искусства

К работам молодого художника Париж отнесся благосклонно. В 1911-м авторитетный «Салон национального общества изящных искусств» принял на выставку его картины. Картину Альтмана «Старый город. Церковь» назвали «оазисом в пустыне», потому что «в ней чувствуется подлинное душевное волнение».

В том же году Альтман вернулся в Винницу. После Парижа жизнь в родном городке показалась тусклой. Художник рисовал шаржи, освоил искусство гравюры. Но мечтал учиться и развиваться дальше. Его манил Петербург. Выход нашелся: еврей мог жить в столице, если имел диплом ремесленника. Альтман отправился в Бердичев, получил там диплом «живописца вывесок». И в 1912 году переехал в Петербург.

СТОЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

Знакомых в столице у 23-летнего Альтмана не было. Чтобы заработать на жизнь, он устроился в витражную мастерскую.

Искусствовед Абрам Эфрос в книге «Портрет Натана Альтмана» называл художника «пришельцем», «аристократом европейского склада», упрекал в подражательстве и отсутствии, возможно, самого ценного в манере творца – самобытного почерка. Но пусть о манере

Альтмана рассуждают искусствоведы, очевидно одно: он с юности жадно впитывал новое и с интересом брался за разные виды творчества.

В столице в это время разворачивалась борьба двух направлений в живописи: с одной стороны, «Мира искусства» во главе с Александром Бенуа и Сергеем Дягileвым, с другой – «Союза молодежи», объединившего футуристов Бурлюков, Малевича, Розанову... Альтман не промкнул ни к тем, ни к другим. Но ему благоволили Александр Бенуа и Велимир Хлебников. Молодой художник участвовал и в выставках «Союза молодежи», и в выставках «Мира искусства».

Слева направо:
Бронислав
Малаховский
с сыном Валеем
и дочкой Катей,
Николай и Дина
Радловы, Мария
Малаховская,
неизвестная.
Пушкинские
Горы.
Лето 1937 года

Первое письмо
И.В. Щеголевой
Н.И. Альтману.
1927 год

«Искусство коммуны»; возглавлял художественную часть журнала «Пламя»; занимал должность профессора живописных и скульптурных мастерских СВОМАСа («Свободные государственные художественные мастерские» – группа художественных школ, созданных в нескольких городах России после Октябрьской революции. – Прим. ред.).

Новое время породило новых героев, которых требовалось увековечить. Набив руку на барельефах революционеров (Луначарского и Халтурина), Натаан Альтман получил в 1920 году важный заказ: создать к 50-летию вождя его портрет. Анатолий Луначарский был впечатлен работой Альтмана, а Ленин доверял наркому просвещения в вопросах культуры.

В течение полутора месяцев Альтман работал в кремлевском кабинете Ленина по пять-шесть часов, создал множество натурыных набросков. Вождь поинтересовался, «футуристическую» ли скульптуру замыслил Альтман. Тот объяснил, что его задача – портрет, и принес Ленину репродукции и фотографии работ футуристов. Вождь признался, что ничего в этом не понимает, он по другой части. В итоге именно скульптура работы Альтмана была первым портретом Ленина, экспонировавшимся за границей – на Всемирной выставке в Париже в 1925 году.

Впоследствии «лениниана» Альтмана будет его кормить и, видимо, спасет его семью в годы «большого террора». Ирина Щеголева, вторая жена художника, вспоминала, что у мужа хранилась записка Ленина, в которой вождь восхищался его талантом. И эта бумага была «броней», которая защищала художника от упреков в «формализме».

Как-то Натаан Исаевич попросил невестку прибрать в мастерской. Девушка рьяно отнеслась к поручению и решила вынести бюст Ленина на помойку вместе с кипой «старых бумаг» – пачкой рисовой бумаги, подаренной Пикассо.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА МАЛАХОВСКИХ

В квартире
П.Е. Щеголева.
Слева от него
стоит его сын –
П.П. Щеголев,
рядом –
И.В. Щеголева.
Ленинград.
1925 год

ФАРФОРОВАЯ АГИТАЦИЯ

Альтмановский профиль Ленина был использован при росписи тарелки с продовольственной карточкой и лозунгом «Кто не работает, тот не ест» (1921), ставшей флагманом советского агитационного фарфора. Современник называл бы Альтмана талантливым пиарщиком, а агитационный фарфор с Ильичом и колосьями – «прогрессивным мерчем». Шутки шутками, но Альтман и правда был жаждым до нового, умел быть гибким,озвучным временем. Не зря художник много лет спустя шутил: «Я всегда старался быть впереди своего времени».

К 1919 году состав отделения живописных мастерских Ленин-

градского (бывшего Императорского) фарфорового завода впечатлял именами: Натаан Альтман, Александр Самохвалов, Борис Кустодиев, Кузьма Петров-Водкин, Мстислав Добужинский. Мастера Москвы и Петрограда, работавшие в то время над оформлением революционных празднеств, откликнулись на призывы «Искусство – в массы» и «Искусство – в производство». Елена Данько, современница Альтмана и участница заводских творческих экспериментов, писала: «Этот фарфор был яркий, жизнерадостный, праздничный». Художники агитировали за власть Советов, многие из них искренне ощущали себя участниками революции. Эти слова в полной мере можно отнести к знаменитой альтмановской работе – фарфоровой тарелке «Земля трудящимся» (1919). Для эскиза художник взял за основу герб Петроградской трудовой коммуны, который представлял собой изображение ромба с фабричными зданиями, обрамленными снизу скрещенными серпом и колосом. Он стал символом союза земледельческого и промышленного труда, на котором строилось новое государство. В 1921 году Альтман переехал в Москву, где начался «театральный этап» творчества художника. Он работал с режиссерами Соломоном Михоэлсом,

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА МАЛАХОВСКИХ

Катя
Малаховская,
артистка балета,
приемная дочь
Альтмана

он пробыл до 1935 года. Вернувшись, понял, что стал чужим среди своих: он и его искусство не соответствовали духу соцреализма. Художник ушел в тень. Точнее – нашел себя в театре и книжной графике.

ПАЁК ЗА ИМЯ

Натан Альтман был женат дважды. В 1928 году художник женился на балерине Ирине Дега. С ней же он уехал на зарубежные гастроли с ГОСЕТом. В Париже у супругов родился сын, который умер в младенчестве. В 1935-м Альтман вернулся в СССР один. Со своей второй женой, Ириной Щеголевой, Альтман впервые встретился в 1927 году на пляже в Евпатории. В тот момент оба состояли в браке.

Ирина – высокая, статная, большеглазая – произвела впечатление на Альтмана. Натан Исаевич заинтересовал Ирину как человек необычный и яркий. Держался скромно и приветливо. Брак с Ириной Щеголевой (урожденной Тернавцевой) оказался бездетным. Об Ирине и ее сестре Марии – дочерях известного философа, чиновника особых поручений при обер-прокуроре Синода Валентина Тернавцева, – писатель Алексей Толстой говорил, что они были «немыслимой, неправдоподобной красоты». Мария была замужем за художником Брониславом Малаховским, у них было двое детей: Екатерина и Дмитрий. Малаховского расстреляли в 1937-м. Марии отправили в ссылку в Казахстан, детям грозил детприемник НКВД. Альтман усыновил племянников и посыпал свояченице деньги. Мария Малаховская умерла в тюрьме в 1948 году.

В 1941-м Альтман с семьей был эвакуирован в Пермь (тогда Молотов). Там Натан и Ирина зарегистрировали брак. Альтман стал главным художником Кировского театра оперы и балета, который был эвакуирован в Пермь, оформил постановки «Фауст», «Князь Игорь», «Лауренсия», «Гаянэ». С последним спектаклем случился курьез. Балет Арама Хачатуряна пришлось

Григорием Козинцевым, Алексеем Грановским, стал главным художником в Государственном еврейском театре (ГОСЕТ). В 1921-м оформил постановку «Мистерии-буфф» Владимира Маяковского в переводе на немецкий язык для депутатов III Конгресса Коминтерна.

В 1922 году Альтман выполнил сценографию спектакля «Гади-бук» – это мистическая трагедия о любви и смерти по пьесе Семена Анского. Пьеса стала одной из самых репертуарных в XX веке. За постановку взялась Еврейская студия при МХТ под руковод-

ством Евгения Вахтангова. Успех был оглушительным. Помимо театра Альтман работал в кино, был художником фильма «Еврейское счастье» (1925) по мотивам рассказов Шолом-Алейхема. Одной из последних работ Альтмана стал фильм «Дон Кихот», снятый Григорием Козинцевым по сценарию Евгения Шварца (1957). Козинцев признавался, что многим обязан таланту Альтмана.

В апреле 1928 года Натан Альтман выехал за границу в качестве главного художника ГОСЕТа. «В творческой командировке»

Слева направо:
Мария
Малаховская,
Натан Альтман,
Лидия Щуко,
Бронислав
Малаховский.
Ленинград,
квартира
на Ждановке.
1936 год

Валя и Катя
Малаховские.
Ленинград.
1930-е годы

украшать декорациями, сделанными из солдатского сукна. На занавесе художник изобразил древних рыцарей, на заднике — гряды гор и хлопковые поля... Так родилась эпиграмма: «Говорят, что на Севане мало знают о Наташе. Но, наверно, и Наташа мало знает про Севан».

Дирекция Кировского театра оперы и балета выхлопотала для артистов дополнительный лимитный паёк. Поскольку Наташа Альтман не был артистом, ему предложили хлопотать за себя самому и поехать в Москву к председателю Комитета по делам искусств Михаилу Храпченко. Альтман поехал. Секретарь Храпченко спросил, как доложить о художнике, и поинтересовался званием Альтмана. «У меня есть имя!» — ответил художник.

Храпченко распорядился выдать лимитный паёк художнику.

ИНДЕЕЦ И АРАП

Наташа Альтман обладал запоминающейся внешностью. Николай Пунин писал: «У Альтмана было лицо азиата, юркие движения, крупные скулы; он всегда приносил с собой суetu жизни, у него был практический ум, но затейливый и веселый». Созерцатель — пожалуй, это подходящее для Альтмана слово. Художник мог неделями лежать на диване в мастерской и обдумывать творческий замысел. А потом очень быстро работал.

Второй страстью после искусства для художника была рыбалка. Рыбачил он вдохновенно, но не очень удачно. Зато сам сшил костюм для рыбаки.

В старости Наташа Альтман повязывал шейный платок вместо галстука, ходил, опираясь на элегантную трость, которую сам вырезал из дерева.

«Прелест Наташи Альтмана — в простоте, с которой он живет, пишет свои картины, ловит рыбу, — вспоминал Евгений Шварц. — Он ладный, желтолицый, толстогубый, седой. <...> Есть во всем его существе удивительная беспечность, замечаящая ту воинствующую не-

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА МАЛАХОВСКИХ

Слева направо:
Бронислав
Малаховский
и Наташа Альтман.
Ленинград,
квартира
на Ждановке.
1936 год

зависимость, что столь часто обнаруживают у гениев». Элегантность и «несоветскость» Шварца поймал точно, описывая Альтмана-рыбака в Комарове. Стройный мужчина в берете на седых густых волосах выделялся среди дачников. Шварц отмечал: рыболовные снасти у Альтмана были самодельные и отлично выполненные.

Скуластый брюнет с крупным ртом и чуть раскосыми глазами, Альтман чем-то походил на индейца. Таким будущего мужа увидела Ирина Щеголева. Она вспоминала, что у Альтмана было замечательное чувство юмора. Супругу Наташу Исаевича нежно любил, но в мастерскую не допускал, хотя уборка и уход за цветами были на ней. Цветов в доме

было много. В их числе и лимонное деревце. Наташа Исаевича очень надеялся увидеть плоды, а лимон все не радовал. Ирина Валентиновна подшутила над мужем: привязала купленный лимончик к дереву. Обрадованный художник радостно воскликнул: «Я же вам говорил!» Но когда ему показали веревочку, чуть не расплакался.

Сама Ирина Валентиновна была яркой, эксцентричной женщиной, умела удивлять. 19-летие дочери Кати она решила отметить маскарадом, несмотря на суровые условия послевоенной жизни в Ленинграде. Наташа Исаевич нарисовал пригласительные открытки для гостей, на которых изобразил Катю кошечкой в балетной пачке (она окончила Вагановское училище), а Ирину и себя в виде сфинксов. Гостям надлежало явиться в маскарадных костюмах. Хозяева не без горькой иронии предупреждали, что «пища в основном будет духовная», но веселились под залпы шампанского. Смуглый невысокий Наташа Альтман переоделся арапом, его высокая супруга — Петром Великим.

Наташа Исаевич иллюстрировал и взрослые, и детские книги. В последних с особой любовью рисовал животных. Почему? «Моими игрушками были раз-

Мария
Малаховская.
Одна из
последних
фотографий.
Москва. 1948 год

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА МАЛАХОВСКИХ

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА МАЛАХОВСКИХ

ные животные, кошки, собаки, а когда подрос, то и баран. <...> Когда я стал рисовать, то именно эти «игрушки» стали моими первыми объектами: сидя на полу под столом, я мелом рисовал на нижней крышке стола... Бумагу и карандаш я получил гораздо позже. Животных и неодушевленные предметы я наделял человеческими чувствами и поступками. Отсутствие игрушек и наличие некоторого воображения помогли мне видеть в обыкновенном необычное, в простых предметах – фантастические персонажи, помогло мне мечтать» – эти слова художника приводят в своей

монографии «Натан Альтман» Марк Эткинд.

Мастер и правда умел видеть то, что не замечали другие. В конце жизни всматривался в лесные коряги и вырезал то, что удавалось разглядеть. У потомков хранится трость, расправившая крылья птица и собака, вырезанные из дерева. Жива и настольная антикварная лампа Натана Исаевича. И черная самодельная маска с именем Кати сохранилась.

Альтман берег и всегда возил с собой картину «Весна», поскольку считал ее своей первой важной творческой работой, карандашный автопортрет 1908 года и Тору в красном переплете.

Натан Альтман с ручной вороной. Зеленогорск. 1970 год

Татьяна Миронова и Василий Малаховский с дочерью Станиславой

ОЧЕНЬ СТАРЫЙ ЧЕЛОВЕК

Прямых потомков Натана Альтмана не осталось. Но не прекратился род Бронислава Малаховского, чьих детей усыновил Альтман. Дмитрия Малаховского в приемной семье Альтмана звали Валентином – мальчика крестили под этим именем. После университета в Ленинграде Дмитрий окончил аспирантуру в МГУ, там же защитил докторскую диссертацию. Изучал геоморфологию. У Дмитрия Малаховского родились сыновья Петр и Василий, дочь которого, Станислава, стала художником. Она окончила Академию Штиглица, училась на кафедре книжной графики. Потом получила второе образование – искусствоведческое. Поступила в Академию художеств. Изучает книжную графику Натана Альтмана. Сама Станислава – автор иллюстраций уже нескольких книг.

Решив воссоздать семейную историю, Малаховские организовали несколько художественных выставок с участием семейной коллекции. Супруга Василия, Татьяна Миронова, подготовила книгу воспоминаний об Ирине Щеголовой.

...Вспоминают, что, встречая Натана Альтмана, Осип Мандельштам всякий раз декламировал: «Это есть художник Альтман, // Очень старый человек...» В 1914 году «очень старому человеку» Альтману было всего 25 лет. Но поэт не ошибся: художник прожил долгую жизнь.

Натан Альтман умер в том же месяце, что и родился, прожив 80 лет. Он похоронен в Комарове, недалеко от могилы Анны Ахматовой. И если художник при жизни сам творит свои миры, то после его смерти мифы веют с памятью и фактами. Вдова Натана Альтмана слышала, как «старательные экскурсоводы», подходя к могиле художника, говорили о нем как о «муже Ахматовой». У покойного было отличное чувство юмора – он бы посмеялся.

ДРАГОЦЕННЫЙ ИСТОЧНИК

АВТОР

АРИНА АБРОСИМОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

В ЦЕНТРЕ МОСКВЫ, НА УГЛУ БОЛЬШОЙ ДМИТРОВКИ И КУЗНЕЦКОГО МОСТА, ЕСТЬ УНИКАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК АРХИТЕКТУРЫ – УСАДЬБА МОСКОВСКОГО ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОРА, СЕНАТОРА, ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ТАЙНОГО СОВЕТНИКА НИКОЛАЯ МЯСОЕДОВА. СЕГОДНЯ В НЕЙ РАСПОЛАГАЕТСЯ РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА ИСКУССТВ, СОЗДАННАЯ СТО ЛЕТ НАЗАД УСИЛИЯМИ КОРИФЕЕВ МАЛОГО ТЕАТРА.

Директор РГБИ,
литературовед
заслуженный
работник
культуры РФ
Ада Колганова

МАССИВНАЯ ДВЕРЬ Российской государственной библиотеки искусств (РГБИ) отсекает весь уличный шум: здесь тихо, уютно и спокойно. Поднимаемся по крутой беломраморной лестнице, поворачиваем направо – и нас встречают сотрудники РГБИ. «Библиотекари – особенный народ, – подчеркивает директор РГБИ кандидат филологических наук заслуженный работник культуры РФ Ада Колганова, находящаяся на этом посту уже двадцать лет. – Мы очень внимательно выбираем сотрудников, ведь команда сегодня особенно важна. Помимо необходимых навыков и знаний нужно, чтобы люди в должной степени умели проявлять... заднудство. Это определенный психологический склад – такая «фармацевтическая» точность во

всем. И любой читатель может получить помощь от библиографа, библиотекаря, дежурного по справочному бюро».

До 2009 года РГБИ была закрытой библиотекой – только для специалистов. Сейчас она публичная, но в целях сохранности раритетов не ко всем ее фондам действует свободный доступ читателей. А фонды библиотеки внушительные: более 2 миллионов единиц хранения. Некоторые раритеты имеют музейную ценность. «Да, раритеты – это уже музейные категории, – подтверждает директор. – РГБИ отличается от других библиотек именно сходством с музеем, хотя наша библиотека не равнозначна музею, у нас иные задачи. В РГБИ собрано то, что имеет отношение к сценическому воплощению и относится к изобразительному материалу – это очень широкий спектр».

Специалист РГБИ Ольга Бабаева

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

«В XVI–XVII веках земли, на которых стоит наш особняк, принадлежали роду Лопухиных. Здесь были боярские палаты, нарядный терем, – рассказывает специалист РГБИ Ольга Бабаева. – Частично сохранился белокаменный фундамент терема. В 1793 году по проекту Матвея Казакова на нем возводился главный дом усадьбы Николая Ефимовича Мясоедова. Обратите внимание: дом стоит на крутой горке, которая резко спускается к Охотному Ряду. И большая часть главного здания имеет два этажа, а если посмотреть с Кузнецкого

Моста, то оно – трехэтажное. Это очень грамотное проектировочно-архитектурное решение, которое сладило сложный рельеф местности и выдержало проверку временем: здание двести лет надежно стоит на старом фундаменте! Сохранен и первозданный фасад, украшенный по центру ризалитом с пилястровым портиком. Парадный вход в дом был с Кузнецкого Моста. Во внутреннем дворе мы видим три блока: хозяйственный, людской и дом-дворец. Есть конюшня, колодец, фуражная, каретный сарай». Известно, что в доме Мясоедова, так же как в усадьбах Остан-

Здание РГБИ, бывшая усадьба Мясоедова на Большой Дмитровке в Москве

кино, Кусково, Архангельское, существовал крепостной театр, поэтому можно сказать, что театральная история живет здесь с тех самых пор. В 1809 году усадьбу приобрел граф Федор Иванович Толстой – путешественник, любитель женщин и завзятый дуэлянт, прозванный Американцем после участия в кругосветном плавании Крузенштерна. Из поездок он привозил старинные книги и рукописи, часть которых хранится сейчас в РГБИ. Толстой первым реконструировал главное здание усадьбы, но и в дальнейшем его неоднократно перестраивали. Оттого в нынешних интерьерах библиотеки так много архитектурных «несовпадений»: странные выступы в стенах, ложные арки, смещенные анфилады, несимметричные полуколонны.

В этой усадьбе Федор Толстой жил редко, в основном используя ее для хранения своих коллекций. Но времена от времени здесь собирались известные люди. А в 1895 году племянник владельца дома, Лев Толстой, читал в этих стенах свою пьесу «Власть тьмы» перед артистами Малого театра. «Если можно так выразиться, Федор Иванович изменил идеиное содержание этого здания – от театрального к библиотечному, – говорит Ольга Бабаева. – И удивительно, что эти два направления в конце концов слились воедино: в XX веке здесь разместилась Театральная библиотека».

В 1829 году дом у Федора Толстого выкупила государственная казна, после чего здесь разместилась Московская контора Императорских театров, а через год от-

Ряды картотеки – миллионы названий книг, имен авторов, жанров и направлений искусства...

Читальный зал

крылась Московская театральная школа при Императорских театрах. И в советские годы, и до недавнего времени в этом здании все еще находилась дирекция Государственного академического Большого театра России.

После 1917 года в доме располагались Управление государственными театрами, Комитет охраны государственных музыкальных инструментов, редакция журнала «Театр». В пристройках и флигелях усадьбы театральным работникам предоставлялись квартиры и комнаты: здесь в разное время жили директор Императорских театров Владимир Теляковский, актеры Гликерия Федотова и Михаил Щепкин, певцы Надежда Обухова и Иван Козловский, артист балета Виктор Смольцов, историк-востоковед Борис Заходер, педагоги, студенты и даже артисты цирка...

При входе
у парадной
лестницы –
дубовая
вешалка,
созданная
в стиле модерн
сто лет назад

ВСЕМ МИРОМ

В 1918–1919 годах профессор Московского университета, театролог и литературовед Александр Александрович Фомин преподавал в Костромском государственном рабоче-крестьянском университете, где руководил созданием библиотеки вуза. Он ездил по бывшим помещичьим усадьбам Поволжья, спасая от разграбления частные библиотеки. А с сентября 1920-го Фомин читал лекции по истории русской литературы и театра на Высших драматических курсах при Малом театре, которые находились на Пушечной улице. Фомин считал, что качество учебного процесса и уровень подготовки будущих актеров невозможны без специальной научно-исследовательской библиотеки. Именно он предложил дирекции Малого театра организовать библио-

Руководитель Центра визуальной информации РГБИ Елена Хапланова

сяч томов! Это были не только пожертвования, но и покупки у частных лиц и букинистов.

В 1925 году библиотека начала обслуживать все московские театры. «Изначально было ясно, что при создании фондов должны действовать принципы, отличающиеся от норм формирования других библиотек, — замечает директор РГБИ Ада Колганова. — Театр — искусство синтетическое, которое не ограничивается текстами, нужен визуальный ряд, включая авторские театральные эскизы и самые разные виды графики. И со временем выросло особое звено нашей библиотеки, которое сегодня называется «Центр визуальной информации». Там хранятся разнообразные коллекции, интересные именами, спектаклями, жанрами».

В Центре визуальной информации РГБИ нас встречает его руководитель — Елена Хапланова. «Здесь собран комплекс документов XVI—XXI веков, уникальный по своему составу и представляющий большой историко-культурный интерес, — рассказывает Елена Хапланова. — Графика, фотографии, гравюры, открытки, репродукции. Есть и коллекция образцов тканей XIX—XX веков, которая помогает художникам, сценографам, костюмерам при работе над историческими проектами, — это уникальная возможность воссоздать интерьеры и костюмы. От других отделов РГБИ мы отличаемся правом самостоятельного комплектования фонда. Например, сейчас наш

теку при Драматических курсах. Эта инициатива была поддержана наркомом просвещения Анатолием Луначарским, и в марте 1921 года Александр Фомин был назначен директором Академической библиотеки при Малом театре.

Вместе с Фоминым «отцами-основателями» будущей РГБИ стали председатель дирекции Малого театра Александр Иванович Сумбатов-Южин, профессора курсов — филолог-классик Аполлон Грушка, историк Константин Сивков, художник и педагог Дмитрий Кардовский, режиссер и драматург Николай Попов. Библиотеку они начали собирать самостоятельно. В этот процесс включились педагоги, актеры и режиссеры Малого театра, их родственники, друзья, знакомые... С 1921 года велась «Книга пожертвований Академической библиотеки Малого театра». Имя Александра Фомина как жертвователя встречается в этом списке 173 раза, его супруги — 282 раза.

Торжественное открытие Академической библиотеки Малого театра состоялось 24 мая 1922 года в здании Высших драматических курсов (ныне — Высшее театральное училище (институт) им. М.С. Щепкина при Государ-

ственном академическом Малом театре России). Присутствовавший на церемонии Константин Сергеевич Станиславский назвал «единственную в своем роде» Театральную библиотеку «драгоценным источником». В числе гостей были яркие мастера театра, оставившие автографы в памятной «Парчовой книге», которую и поныне берегут в РГБИ.

К коллективному собиранию книг наряду с деятелями Малого театра присоединились Московское общество драматических писателей и композиторов, государственный Книжный фонд, репертуарные библиотеки. За 1922 год в фонд Театральной библиотеки поступило около 900 книг и около 100 листов гравюр, а в 1926-м — уже 50 ты-

множество
печатной
продукции
прошлых
десятилетий
хранится
в Центре
визуальной
информации
РГБИ

Графические
листы
с новинками
моды выходили
каждый месяц,
и не только
в Париже,
но и в России.
1830-е годы

сотрудник ведет переговоры о приобретении работ нынешнего главного художника Мариинского театра. У нас хранятся многочисленные эскизы художников театра, кино, анимации и, конечно, иллюстраторов. Это в основном графика, но вот, посмотрите, эскиз маслом на оргалите: Ялтинская киностудия, «Художественный широкоярматный цветной музыкальный фильм «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты», 1982 год. Одна из первых ролей замечательного актера Андрея Харитонова...».

В 1936 году «Театралка», как называли ее москвичи, получила статус Государственной центральной театральной библиотеки и начала обслуживать и провинциальные театры. Во второй половине 1930-х библиотека, как и все остальные, пережила волну идеологических запретов: в это время было уничтожено немало книг и архивных материалов. Однако, несмотря на риск, библиотекари все же сберегли некоторые документы, а новый отдел, театральной прессы, занялся созданием тематической коллекции газетных публикаций. «Вот, например, «Заявление на подбор научно-художественных материалов для сценических постановок и работ по театроведению» – это официальный библиотечный бланк, – говорит Елена Хапланова. – 19 июня 1933 года его заполнил художник-авангардист Александр Григорьевич Тышлер, которому нужны были материалы рубежа XVIII–XIX веков. Он пишет, что это нужно для спектакля «Рекруты» в минском театре БелГОСЕТ. А вот заявка художественного руководителя Камерного театра Александра Яковлевича Таирова от 8 января 1944 года. Он готовил спектакль «Без вины виноватые» Островского к 30-летию Камерного театра. Когда через пять лет началась «борьба с космополитами», Таиров был уволен и во многих библиотеках ликвидировали периодику, вырезки статей о гонимых творцах. К нам тогда тоже приходили с проверками, но наш сотрудник эту папку закинул за

Эскизы костюмов
театрального
художника
Давида
Боровского
для спектакля
«Борис Годунов»

стеллажи, и она в итоге сохранилась. Когда в 2004 году снимали фильм «Смерть Таирова», эта папка очень пригодилась».

В числе знаменитых посетителей библиотеки – Александр Роу, Все-волод Мейерхольд, Эраст Гарин, Иван Козловский, Елена Гоголева, Майя Плисецкая, Алексей Баталов, Евгений Урбанский, Татьяна Доронина, Людмила Гурченко, Андрей Тарковский, Василий Лановой, Станислав Любшин, Игорь Кваша, Юрий и Виталий Соломины, художники Петр Вильямс, Евгений Лансере, Юрий Пименов, Константин Юон, Борис Мессерер и многие другие...

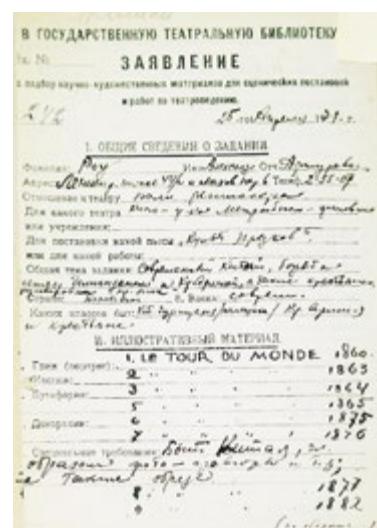
ПУТЬ К ГАРМОНИИ

В годы Великой Отечественной войны «Театралка» не эвакуировалась и даже не закрылась, хотя помещение почти не отапливалось. Во время воздушной тревоги библиотекари и читатели шли к метро и спускались на станцию «Охотный Ряд». Библиотека работала, обслуживая фронтовые театры, агитбригады и ансамбли, корреспондентов Совинформбюро и военнослужащих.

В 1948 году библиотека переехала в бывшую усадьбу Мяседова – в дом №8/1 по Пушкинской улице (ныне – Большая Дмитровка). Уже в 1950–1970-е годы фонды библиотеки значительно выросли, увеличилось и число читателей. Появились отраслевой библиографический и методический отделы, началось издание библиографических указателей, организация книжно-иллюстративных выставок, читательских конференций, творческих встреч. В 1980-е расширился видовой состав фонда, в 1990-е создан фонд электронных изданий и коллекция видеоматериалов...

Одна из главных ценностей библиотеки, конечно, старинные фолианты и документы. В фондах

Заявка
на подбор
материалов
от знаменитого
киносказочника
Александра Роу

хранятся книги, самые ранние из которых изданы еще в XVI веке, коллекции литографированных пьес, переданные в дар библиотеке известными деятелями культуры, рукописи, архивные материалы. Среди уникальных экземпляров – отечественные старопечатные книги середины XVIII века, прижизненные издания произведений Гольдони, братьев Гонкур, Сумарокова, Фонвизина, Княжнина, Крылова, Пушкина. Есть здесь и богатейшее собрание пьес Петра Карагина, Дмитрия Ленского, Федора Кони, Петра Григорьева. Библиографической редкостью являются и такие первые послереволюционные издания, как манифест пролетарского театра «Революция и театр» Платона Керженцева, напечатанный в Москве в 1918-м, а также чудом сохранившийся четвертый том авторского экземпляра «Истории танцев»

Сергея Худекова, изданный в том же году в Петрограде. Заведующая отделом хранения РГБИ Ольга Болдырева, надев белоснежные перчатки, показывает бесценный раритет в светло-бежевом пергамене: «Хочу обратить ваше внимание на мо-

Монография легендарного танцевального мастера Готфрида Тауберта. Тауберт, как никто, повлиял на танцевальную культуру Европы, но на протяжении долгого времени его имя было забыто и признание заслуг запоздало... А причиной был текст книги, написанный таким изощренным языком, что современники не всегда могли постигнуть его глубину и широту. Лишь в XXI веке появились толкователи, произведение перевели на английский язык, сопроводили профессиональными комментариями, и тогда звезда Тауберта засияла. Через триста лет после издания книги,

Заведующая
отделом
хранения РГБИ
Ольга Болдырева

в 2017 году, в Лейпциг со всего мира съехались исследователи и хореографы, чтобы провести «Таубертиаду» – фестиваль искусства и культуры барокко. А в фонде нашей библиотеки эта чудесная книга появилась в 1965 году в составе частной коллекции библиофила и театроведа Николая Дмитриевича Волкова. В монографии более 1200 страниц: здесь история, практические навыки, понятие народного танца, мастерство танцмейстера и его взаимоотношения с учениками... Тауберт был убежден, что танец имеет божественное происхождение. Он дает три основных постулата. Теория танца – это наука, созданная мудрецами в соответствии с данными Богом принципами и помогающая врожденному стремлению человека к движению. Практика позволяет реализовать заложенное Богом

Обложка книги «Сокровища России из Оружейной палаты Московского Кремля», изданной в 2007 году

и объясненное учеными, в этом разделе все основано на принципах математики. И третий раздел – этика, которая является конечной целью достижения гармонии падшего человечества: гармония проявляется через физическое движение как воплощение морали и добродетели. В книге много гравюр в резцовой технике, филигранных по ремес-

лу. Все они дошли до нас в аутентичном виде, без утрат. Потрясающие исполнены двуцветный титульный лист и фронтиспис – гравюра заняла все пространство листа. Вот необыкновенно романтичный образ автора-танцмейстера – сразу в трех ипостасях! Вверху композиции это теоретик и философ, погруженный в свои мысли. Слева от центра он показывает движения ученику, в правом нижнем углу руководит танцевальной группой. А в центре композиции – аккомпанирующий танцам оркестр. Самые «эмоциональные» страницы находятся во второй главе, где автор назвал менуэт главным в танцевальном искусстве, придав ему магический смысл. Шаги, стояние, поклоны, костюм и непосредственно танцевальные движения – это «социальный танец», танец человеческого общения».

Хранитель
фонда гравюр
и литографий
РГБИ Татьяна
Мордкович

ТВОРЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Ада Колганова замечает, что профессиональное изучение фондов, архивов, коллекций РГБИ не прекращается. Пример такой работы – Театрально-книжные чтения. Начиная с 1997-го раз в два года РГБИ собирает специалистов из многих стран на Михоэлсовские чтения для обсуждения творческого наследия актера и режиссера Соломона Михоэлса и общих проблем национального театра в контексте многонациональной культуры. Доклады и дискуссии конференций публикуются в научных изданиях и справочниках РГБИ.

Библиотека занимается и издательской деятельностью, популяризируя малоизвестные изображения и документы, и спасением уникальных предметов: здесь реставрируются дагеротипы, гравюры, открытки, фотографии, прикладная графика, рукописи. На огромном столе хранитель фонда гравюр и литографий РГБИ Татьяна Мордкович развернула перед нами большие старинные альбомы с великолепными иллюстрациями: вот изданная в Париже в 1723 году подробнейшая хроника «Коронация Людовика XV, короля Франции и Наварры», вот 23 акварели Эжена-Луи Лами «Кадриль «Марии Стюарт» во дворце Тюильри» 1829 года, а вот этнографические гравюры Емельяна Корнеева «Народы, обитающие

в Российской империи. XIX век». Эти иллюстрации созданы людьми разных эпох и стран, в разных стилях и техниках, и от каждого листа веет духом времени. Это и калейдоскоп, и летопись, и энциклопедия, и эстетическое удовольствие.

«В отличие от музея у нас функции иные и направление другое. Например, один человек должен быть специалистом самого широкого спектра: нужно знать стили, эпохи, художников и так далее, – комментирует Татьяна Мордкович. – История костюма – одна из главных тем нашей библиотеки. У нас она представлена материалами, начиная с Античности и заканчивая XX веком. Это порядка 7 тысяч листов. Есть французские журналы мод разных времен, с цветными картинками и текстовым описанием того или иного костюма. Техника гравюры на стали позволяла делать много оттисков, и тиражи таких

Книгохранилище – это еще и особенный запах, знакомый всем любителям живой печатной книги...

журналов бывали впечатляющими. А здесь вы видите офорты XVI века на евангельские сюжеты. Вот литографии XIX века: Ветхий Завет и мифологические герои... Или вот – известный скандинавский Шарль Перро, у нас есть его двухтомник 1696 года издания «Великие люди Франции XVII века». Это более сотни биографий поэтов, ученых, художников, врачей, и главное – прижизненные портреты, например, драматургов Мольера и Корнеля, композитора Жан-Батиста Люлли, баснописца Жана де Лафонтена, самого Шарля Перро... Еще хочу показать вам уникальную книгу, купленную в букинистическом магазине: «История о орденах или чинах воинских паче же кавалерских: Обдергашая уставления поведения и практику, принципиалных действ, и великомагистерских, со оружием, и их фигурами». Это первая работа по фалеристике на русском языке. Автор – голландский мастер Адриан ван Шонебек, которого Петр I пригласил в Россию. Голландец организовал Гравировальную мастерскую при Оружейной палате, в которой обучал русских учеников делать гравюру на меди в технике офорта. Над этой книгой Шонебек работал два года, она издана в 1710 году на Печатном дворе в Москве. У нас хранится настоящий раритет – первичный экземпляр, в нем еще не на всех страницах под рисунками есть подписи! И было бы очень интересно сравнить эти рисунки и подписи с экземплярами окончательной печати. Это перспективная тема для научного исследования».

РГБИ – это, пожалуй, редкий случай рождения объекта культуры из недр театра. Можно сказать, уникальный. Сегодня РГБИ – один из авторитетных просветительских центров России. Библиотека стала настоящей научно-художественной лабораторией, куда обращаются творческие коллективы и авторы при создании книг, фильмов, спектаклей, телепрограмм, выставок, которые станут предметом изучения для будущих поколений.

МЫ НЕ МОЖЕМ ЖИТЬ БЕЗ КОСМОСА

АВТОР

ЕКАТЕРИНА
ЖИРИЦКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА
БУРОГО

СЕРЕБРИСТАЯ РАКЕТА ВЗМЫВАЕТ В НЕБО, БУДТО ХОЧЕТ ОТОРВАТЬСЯ ОТ КАМЕННОГО СТИЛОБАТА. НА СТИЛОБАТЕ – БАРЕЛЬЕФЫ ИНЖЕНЕРОВ, КОНСТРУКТОРОВ, РАБОЧИХ, КОСМОНАВТОВ – ИМ, ПОКОРИТЕЛЯМ КОСМОСА, И ПОСТАВИЛИ ЭТУ ПАМЯТНИК. ЗА РАСПОЛОЖЕННЫМИ В СТИЛОБАТЕ СТЕКЛЯННЫМИ ДВЕРЯМИ НАЧИНАЕТСЯ ПРОСТРАНСТВО, ГДЕ РАССКАЗЫВАЮТ О СМЕЛЫХ ЛЮДЯХ И УДИВИТЕЛЬНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТАХ, КОТОРЫЕ ОДНАЖДЫ ПРЕОДОЛЕЛИ ПРИТЯЖЕНИЕ ЗЕМЛИ И УНЕСЛИ ПИЛОТОВ В ЗВЕЗДНУЮ БЕЗДНУ. ЗДЕСЬ РАСПОЛОЖЕН МОСКОВСКИЙ МУЗЕЙ КОСМОНАВТИКИ – ДАНЬ ПАМЯТИ ВСЕМ ВЕРНУВШИМСЯ И НЕ ВЕРНУВШИМСЯ ИЗ ПОЛЕТА.

В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ НАУЧНОЙ И ТЕХНИЧЕСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ хранится письмо, датированное 1961 годом, с просьбой создать музей покорителей космоса. Подписали его входившие в Первый отряд космонавтов СССР Юрий Гагарин, Герман Титов, Андриян Николаев и Павел Попович. Работы по созданию музея курировал главный конструктор ракетно-космических систем СССР Сергей Павлович Королев. Монумент открыли в седьмую годовщину запуска первого спутника – 4 октября 1964 года, московский Музей космонавтики – только 12 апреля 1981-го, в двадцатую годовщину полета Юрия Гагарина.

По словам заведующей научно-экспозиционным отделом Музея космонавтики, супруги космонавта Владимира Джанибекова Татьяны Алексеевны Геворкян, с первых дней существования музея ему помогали крупнейшие предприятия ракетно-космической отрасли страны. Уникальные объекты, составляющие сегодня гордость музея, их дар. Другим источником пополнения коллекций стали лич-

ные вещи, которые передавали музейю космонавты, конструкторы, инженеры. Эти предметы – от логарифмической линейки до первого спутника, от собачьего скафандра до модуля космической станции, от частиц лунного грунта до галереи портретов всех без исключения отечественных космонавтов – и формируют пространство музея, пронизанное трепетом перед бездной космоса и восхищением теми, кому она покорилась.

Заведующая научно-экспозиционным отделом Музея космонавтики Татьяна Алексеевна Геворкян

УТРО КОСМИЧЕСКОЙ ЭРЫ

Сиреневые и голубые блики оттеняют мерцающую золотистым блеском величественную фигуру космонавта, которая встречает посетителей первого зала музея. Справа на стене – космический словарь, помогающий не запутаться в астрономических и технологических терминах, неизбежных в разговоре об освоении пространств космоса. Слева написаны слова космонавта Владимира Джанибекова. Рожденные личным опытом волевого и смелого человека – другим не пробиться в высшую элиту отечественных пилотов, – они и на Земле будут полезны любому стремящемуся к цели: «Сомневайся и верь!» – этой формулы нет в учебниках, но без нее не решить ни одной задачи в жизни. Сомневайся, что все острова, звезды и законы уже открыты. И верь, что тебе предстоит их открыть».

По обе стороны от золотого космонавта – витрины с документами. Вот лежит листок с формулой Циолковского, написанной лично основоположником мировой космонавтики. Выведенная Константином Эдуардовичем еще в 1897 году формула позволяла определить скорость, которую раз-

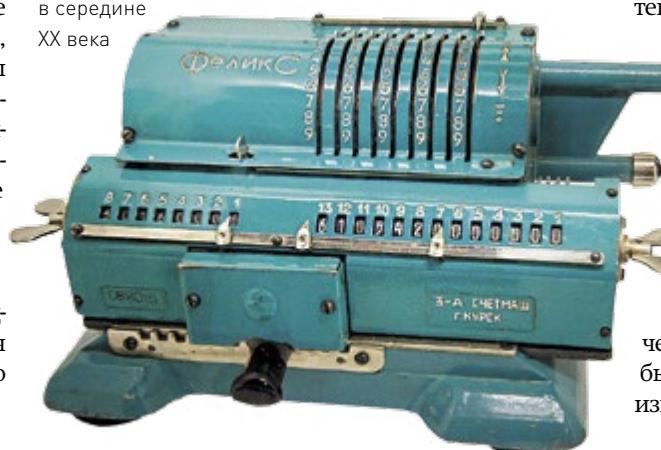
Константин Эдуардович Циолковский (1857–1935), основоположник теоретической космонавтики

вивает летательный аппарат под воздействием тяги ракетного двигателя. Этот принцип потом был использован при конструировании двигателей ракеты, которая вывела на орбиту первый спутник Земли. В своих книгах и статьях, казавшихся в начале XX века фантастикой, Циолковский выдвинул идею, которая для сегодняшних космонавтов превратилась в повседневную работу: межпланетное пространство будет осваиваться с помощью орбитальных станций. По признанию многих конструкторов, инженеров и пилотов, именно увлечение захватывающей теорией Циолковского привело их в космонавтику. Невзрачные предметы, лежащие на соседней витрине, на самом деле доказательства высочайшего уровня советской инженерно-конструкторской школы. Мощных компьютеров еще не было, и космические корабли, которые облетели Землю, достигли Луны, Марса и Венеры, были созданы с помощью простейших приспособлений: готовальни и механической счетной машинки – арифмометра «Феликс». Сложнейшие вычисления велись с помощью простой логарифмической линейки. Такой же, какую взял с собой в больницу в последние дни жизни Сергей Павлович Королев – ее сегодня тоже можно увидеть в витрине музея.

Зал «Утро космической эры» и первый искусственный спутник Земли, с которого началась мировая и отечественная история космонавтики

Арифмометр «Феликс». Механические счетные машины, арифмометры, использовались в середине XX века

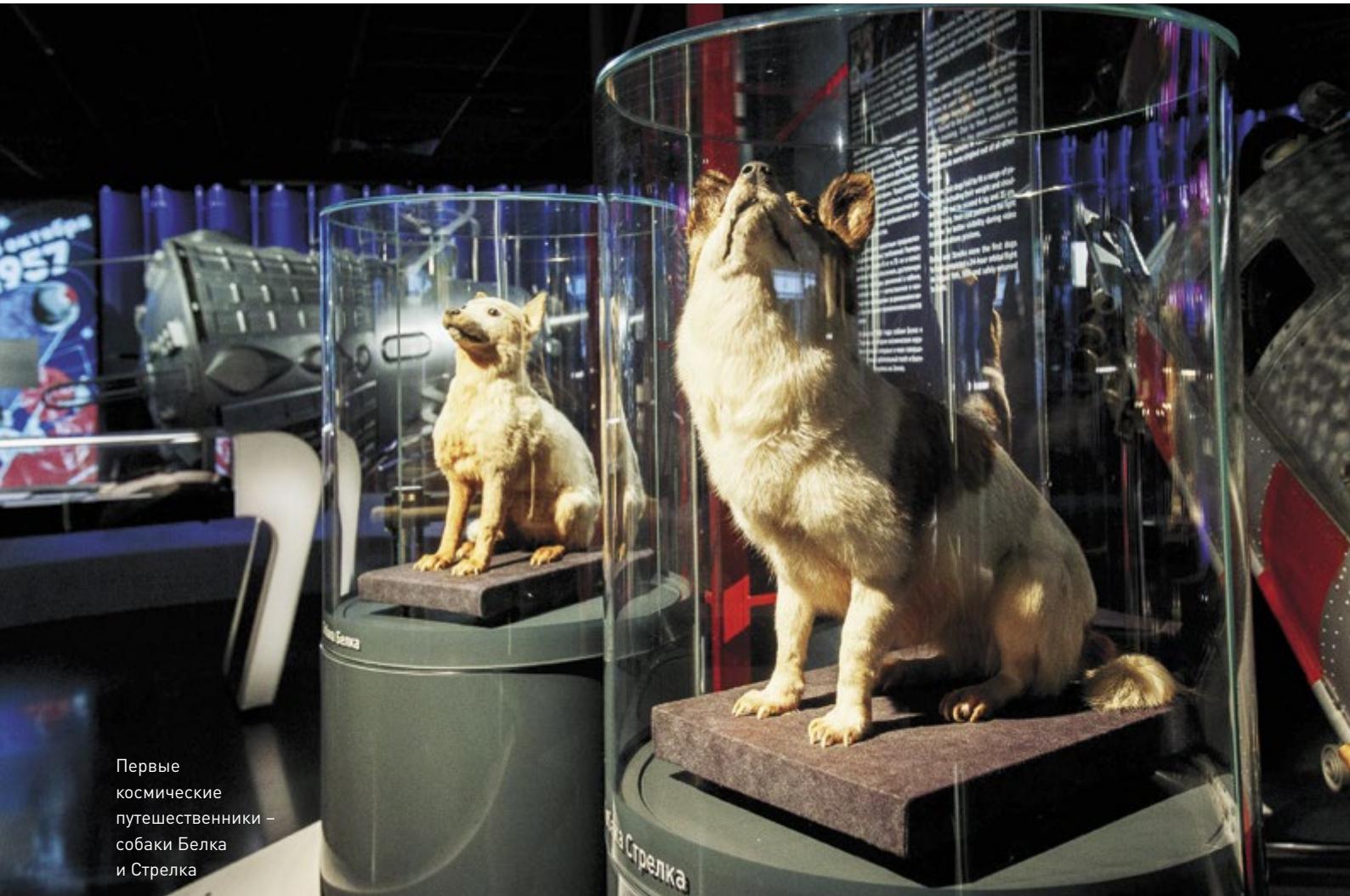

13 мая 1946 года было принято постановление Совета Министров СССР «Вопросы реактивного вооружения» – о создании реактивного вооружения и организации научно-исследовательских и экспериментальных работ в этой области. А уже в 1957 году в СССР была создана полноценная двухступенчатая межконтинентальная баллистическая ракета Р-7. «Семерка» успешно прошла пять испытаний, после чего большая группа инженеров предложила запустить первый искусственный спутник в космос. И 4 октября 1957 года космический аппарат «Спутник-1» вышел на орбиту. Теперь этот металлический шар с антennами – один из центральных экспонатов первого зала. Доставшийся музею экземпляр – технологический дубликат. Всего было сделано четыре экземпляра.

ЛАЙКА, БЕЛКА И СТРЕЛКА

История второго искусственного спутника грустна. Именно на нем в ноябре 1957 года полетело в космос первое живое существо – собака-космонавт Лайка, фотография которой лежит в витрине. Полет Лайки изначально предполагал билет в один конец: спутники из космоса не возвращаются. В этом суровом эксперименте ученым надо было проверить, что происходит на орбите с живым существом. Предполагалось, что невесомость крайне негативно влияет на организм млекопитающего. Лайка доказала, что это не так. К сожалению, за то, чтобы обезопасить человека, собака заплатила жизнью: она погибла уже на седьмом часу полета от перегрева кабины. Результаты эксперимента были учтены, и в конструкции других спутников появились так называемые тепловые щиты, которые позволяли космическим кораблям охлаждаться и возвращаться на Землю.

Настойчиво и терпеливо готовился следующий шаг – отправка в космос человека. Но прежде, чем решиться на него, надо было создать такой космический корабль, который смог бы вернуться на Землю. Самым известным тестовым пуском

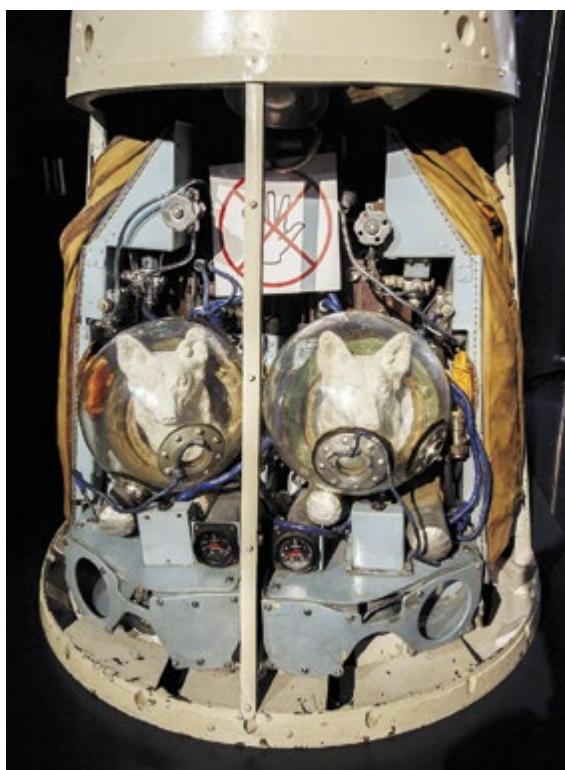
Первые
космические
путешественники –
собаки Белка
и Стрелка

стал полет собак Белки и Стрелки, который состоялся 19 августа 1960 года.

Собаки-космонавты провели на орбите 25 часов, сделав 17 витков вокруг Земли. Белка и Стрелка были не единственными живыми существами, находившимися на космическом корабле «Спут-

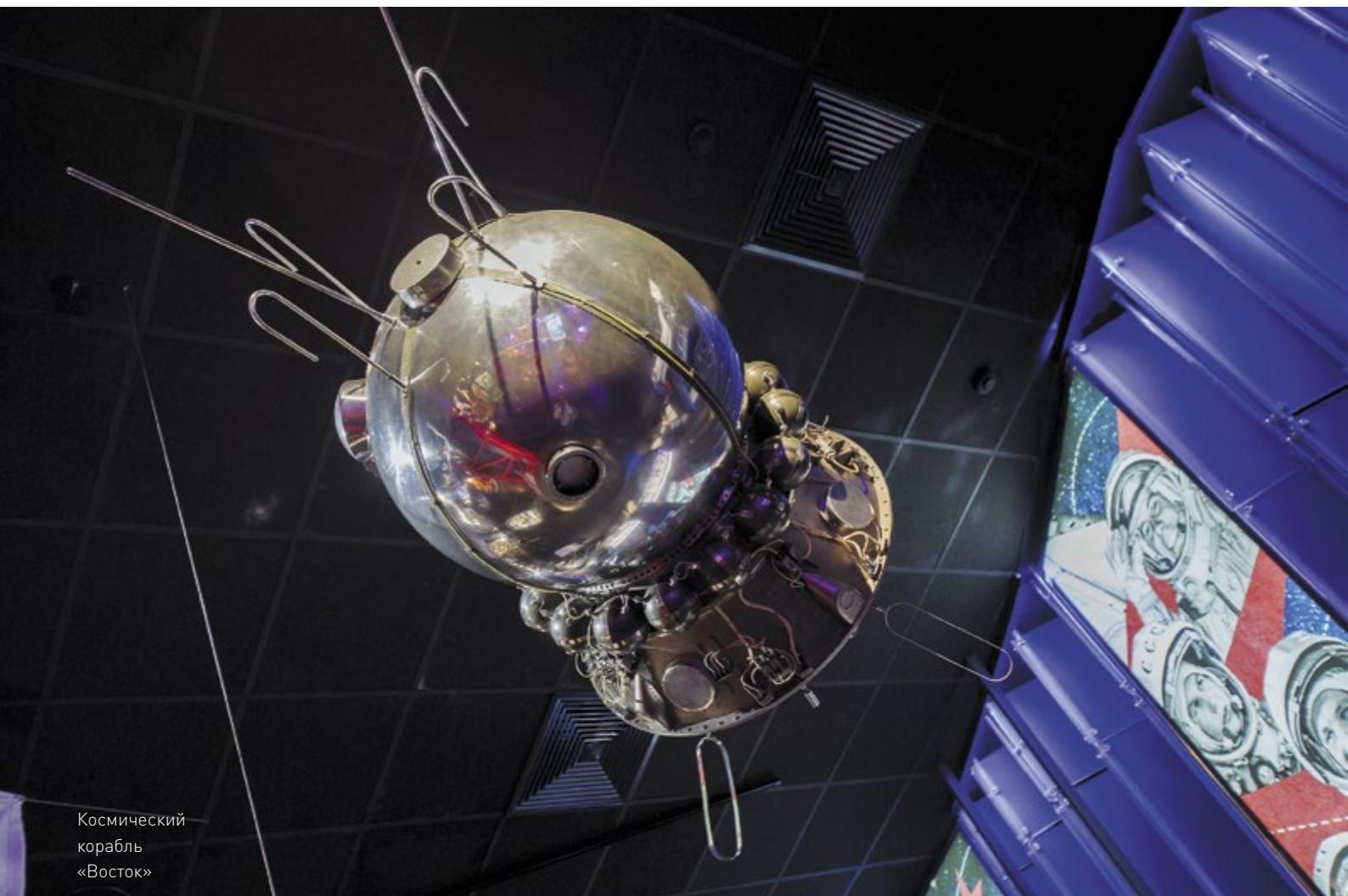
Кабина собаки Ветерок.
Технологический дубликат.
1960-е годы

ник-5». Тут было еще двенадцать лабораторных мышей, две большие крысы, контейнер с насекомыми. Все они отправились в космос для того, чтобы по возвращении на Землю можно было изучить изменения, которые происходили в их организме после пребывания в невесомости. Исследования показали, что деградации мышц, как предполагали вначале, у собак не происходит, и после возвращения из космоса

Белка и Стрелка прожили долгую и счастливую собачью жизнь, а потом заняли свое место в экспозиции Музея космонавтики. Так они там до сих пор и сидят, две великие дворняшки.

Кабина
герметичная
геофизической
ракеты Р-2А
с катапультны-
ми тележками
для животных.
Технологиче-
ский макет.
1960-е годы

Космический
корабль
«Восток»

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Перед полетом Гагарина прошло семь подобных тестовых запусков с собаками, и только три из них оказались успешными. Это было условие Королева: он даст добро на полет в космос человека только после трех удачных тестовых полетов. После Белки и Стрелки, перед самым полетом Гагарина, в космосе одна за другой побывали собаки Чернушка и Звездочка. Они опробовали будущую траекторию полета. Только после этого главный конструктор согласился запустить в космос человека.

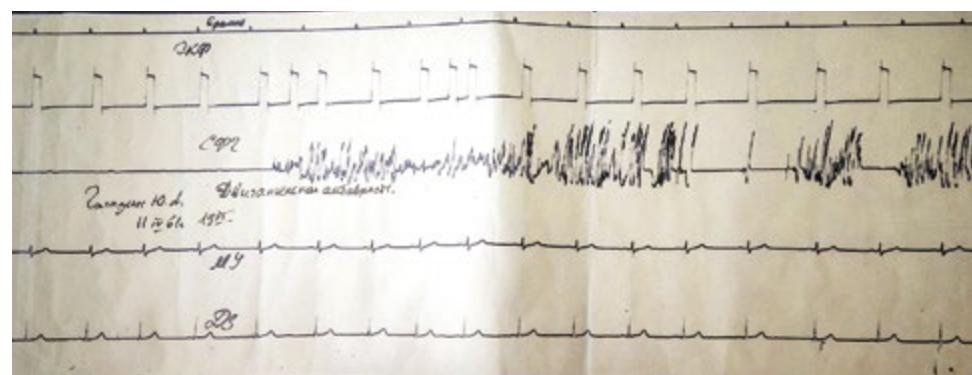
В Музее космонавтики есть очень интересный документ: кардиограмма сердца Гагарина вечером накануне полета. Вторая линия сверху показывает активность акселерометра. По ней видно, что кар-

диограмма снята в момент повышенной физической нагрузки, когда Гагарин крутит педали велотренажера или бежал по беговой дорожке. А частота его сердцебиения практически не изменилась – Гагарин был абсолютно спокоен.

Первый полет Гагарина на «Востоке-1» продлился недолго. Прошло 106 минут с мо-

мента зажигания двигателей до того, как катапультировавшийся космонавт снова коснулся земли в Саратовской области.

Черный шар спускаемого модуля с оранжевым скафандром сегодня тоже стоит в зале Музея космонавтики. После приземления обгоревший модуль «Востока-1» увезли в подмосковные Подлипки – в кон-

структурское бюро Королева ОКБ-1. Позже он стал главным экспонатом в музее Ракетно-космической корпорации «Энергия», выросшей из ОКБ-1, где и находится до сих пор. В Музее космонавтики сохранена внутренняя подлинная часть космического корабля, а внешнюю оболочку заменили предельно достоверной копией.

ТОНКАЯ БРОНЯ

Непременные экспонаты Музея космонавтики – скафандры, тонкая и прочная защита человеческого тела перед опасностями космоса. Вот оранжевый скафандр Гагарина, в котором Юрий Алексеевич готовился к полету. Внешняя часть скафандра хранится

Скафандр «Беркут» для кратковременного выхода в открытый космос. Технологический дубликат

Спускаемый аппарат одноместного космического корабля серии «Восток». Макет. Масштаб 1:1

на создавшем его предприятии «Звезда», внутренняя – в музее Звездного городка, а вот полный технологический дубликат скафандра, который готовился к полету, но остался на земле, находится в Музее космонавтики. Тренировочный скафандр Алексея Архиповича Леонова, белоснежный «Беркут», стоит в соседней витрине. Подлинник, в котором Леонов выходил в открытый космос, сгорел. Дело в том, что у космического корабля «Восход-2», на котором 18 марта 1965 года в космос полетели Павел Беляев и Алексей Леонов, при возвращении на Землю отказала система автоматической посадки. Из-за этого впервые в истории управлять кораблем космонавтам пришлось вручную. Они приземлились не на подготовленный полигон, где Леонова с Беляевым ждали военные и медики. Корабль рухнул в пермские леса, у села Березовка. Леонова с Беляевым обнаружил в тайге местный охотник Иван Федосеев. Стояла ранняя весна, и, чтобы согреться, космонавты сожгли все, что могло гореть, в том числе собственные скафандры. Со скафандром Алексея Леонова, на технологический дубликат которого можно посмотреть в музее, связана еще одна легендарная история. Алексей Леонов стал первым человеком, вышедшим в открытый космос. Скафандр под действием внутреннего давления начал быстро раздуваться, превращаясь в неповоротливый воздушный шар. В таких условиях, чтобы согнуть руку, Леонову нужно было приложить усилие в 25 килограммов. С такой нагрузкой выполнить необходимую научную программу космонавт не мог. К тому же выяснилось, что скафандр мешает космонавту вернуться на борт космического корабля. Мягкая конструкция шлюзовой каме-

ры закрывала небольшой проходной люк в 70 сантиметров. В такую «нору» было бы тяжело залезть даже без скафандра, тем более трудно это было сделать Алексею Архиповичу. При этом запас кислорода у него был ограничен. Невероятным напряжением сил Леонову удалось сбросить давление в скафандре, уменьшить его объем и вернуться на космический корабль. Когда наконец космонавт оказался в шлюзовой камере, его пульс достигал 180 ударов, а температура тела приблизилась к 39 градусам. Подобная серия сбоев заставила прекратить полеты на «Востоке». С апреля 1967 года космонавты «пересели» на корабль «Союз». Сегодня «Союз» – наиболее часто используемый корабль в истории космонавтики, ее прошлое, настоящее и, скорее всего, будущее...

У двери в очередной зал, будто охраняя вход, замер массивный агрегат, напоминающий металлический шкаф. Это – уникальный длиннофокусный фотоаппарат «Агат-1». Он использовался на орбитальных станциях серии «Салют-2», «Салют-3» и «Салют-5» и позволял делать качественные фотографии с низкой околоземной орбиты. Это один из самых больших плечевых фотоаппаратов, которые использовались в космосе, его высота соответствует габаритам станции – 4 метра 20 сантиметров. Внутри находятся стокилограммовая бобина с пленками и механизм, который эти пленки проявлял. Каждый раз наводить 25-тонный фотоап-

П.И. Беляев
и А.А. Леонов
за два часа
до старта
ракеты-носителя
с космическим
кораблем
«Восток-2».
Космодром
Байконур.
18 марта
1965 года

парат «Агат» приходилось вручную, что требовало работы в открытом космосе как минимум двух космонавтов. Рядом с огромными и сложными машинами можно не разглядеть скромную бутылку шампанского французского винодела Анри Мэра. Как-то в советском посольстве Мэр заключил пари, что человек никогда не увидит обратную сторону Луны и что он поставит тысячу бутылок своего шампанского тому, кто сможет это сделать. Спор француз проиграл: в 1959 году советский спутник «Луна-3», созданный под руководством Сергея Павловича Королева, облетел вокруг Луны и сфотографировал невидимую

с Земли восточную часть лунного полушария. Анри Мэр честно вернул долг. Он прислал в Советский Союз тысячу бутылок своего шампанского. Поскольку никто не понимал, кому же его отдавать, шампанское направили в Академию наук. И академик Мстислав Всеволодович Келдыш, который стал официальным получателем этой посылки, раздал шампанское всем участникам космической программы. Значительная часть подарка досталась Сергею Королеву, который, в свою очередь, раздарили вино своим сотрудникам. В конце концов из тысячи присланных в Советский Союз бутылок сохранилась только одна.

Высотно-спасательный
скафандр СК-1.
Технологический дубликат

Интерьер кабинета – комнаты отдыха главного конструктора С.П. Королева на предприятии ОКБ-1

ТВОРЦЫ КОСМИЧЕСКОЙ ЭРЫ

Так называется еще один зал музея, он рассказывает о людях, благодаря которым появлялись на свет ракеты и космические корабли. Вот с фотографии устало глядит че-

ловек в военной форме. Это – Георгий Эрихович Лангемак. Витрина посвящена двум легендарным научным организациям, чьи разработки впоследствии сделали возможным освоение космоса: ленинград-

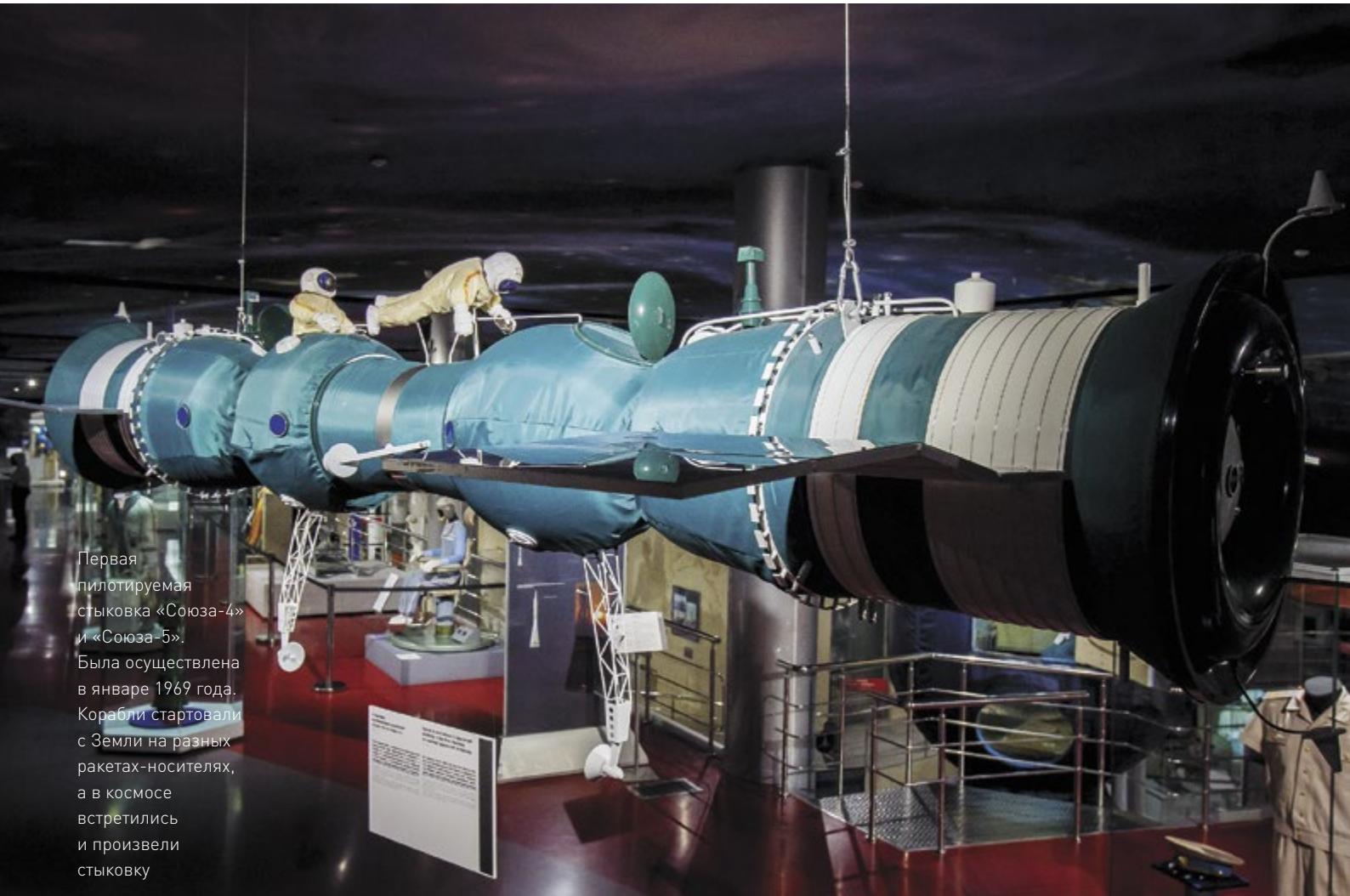
Стартовый ключ космического корабля

Государственные награды первого космонавта Земли, Ю.А. Гагарина

ской Газодинамической лаборатории и московской Группе по изучению реактивного движения (ГИРД). В 1933 году их объединили в Реактивный научно-исследовательский институт. Но в 1937 году руководители института, инженеры-конструкторы Иван Клейменов и Георгий Лангемак, были арестованы и в январе 1938 года расстреляны. Только в 1955-м конструкторов реабилитировали, а в 1991 году они были посмертно удостоены звания Героев Социалистического Труда за разработки принципов действия легендарной «катюши».

Шесть отдельных витрин посвящено еще одной легенде – «золотой шестерке» советских конструкторов. Сергей Павлович Королев был не только главным конст рук-

тором космических кораблей, но и талантливым руководителем. Ему удалось создать в Советском Союзе независимую ракетостроительную империю. Валентин Петрович Глушко известен как автор самого мощного в истории человечества реактивного двигателя, работающего на жидком топливе. Именно он спроектировал практически все двигатели, которые до сих пор используются на первых ступенях при запуске ракет. Владимир Павлович Бармин проектировал реактивные пусковые установки, ракетно-космические и боевые стартовые комплексы. Три другие витрины посвящены Михаилу Сергеевичу Рязанскому (космонавт Сергей Рязанский – его внук. – Прим. авт.), Николаю Алексеевичу Пилюгину и Николаю Дмитриевичу

Питание для
космонавтов.
В таком виде
продукты могут
сохраняться от
года до двух лет

Кузнецова. Рязанский занимался космической радиосвязью, оставаясь до конца жизни главным ракетным «радистом» страны. Специализацией Пилюгина было создание систем

управления ракетой Р-7, которая выводила на орбиту первый «Спутник» и первого космонавта. Он также руководил разработкой систем управления многих межпланетных

станций, ракет «Протон» и советского космического челнока «Буран». Николай Кузнецов занимался разработкой ракетных двигателей. Разглядывая музейные витрины, стоит обратить внимание на знак выпускника Рижского политехнического института, принадлежавший одному из создателей первой советской ракеты на жидком топливе, Фридриху Артуровичу Цандеру. У этого знака не хватает одной детали — серебря-

ного элемента центральной части. Его переплавили на металл: ученые и конструкторы Группы исследования реактивного движения так были увлечены созданием новых моделей ракет, что приносили из дома необходимые для создания образцов металлы, в том числе серебро. Кто-то принес серебряную ложку, кто-то броши, Цандер принес свой студенческий серебряный знак.

Спускаемый аппарат «Союз». Это самая защищенная кабина корабля, в которой космонавты находятся во время старта, стыковки и возвращения на Землю

КОСМИЧЕСКИЙ ДОМ НА ОРБИТЕ

Следующий раздел музея помогает узнать, как живут и работают космонавты на орбитальных станциях. В музее представлен фрагмент космического корабля «Союз». Корабль кажется не слишком удобным для космонавтов, но в космосе главное не удобство, а безопасность. Верхняя часть фрагмента представляет бортовой отсек, нижняя — спускаемый аппарат. Это та самая часть, которая позволяет космонавтам вернуться на Землю. Обшивка музейного экспоната слегка обгорела — верный признак того, что аппарат побывал в космосе.

Куда просторнее, чем космический корабль, орбитальная станция, где космонавты живут и работают месяцами. В зале стоит макет базового блока орбитальной станции «Мир», и, глядя на него, можно понять, как выглядит «космический дом на орбите». Сейчас на Международной космической станции работает основной модуль российского сегмента — «Звезда». Этот макет в точности воспроизводит его интерьер. Там есть спальное место, расположенное около стены, уборная, беговая дорожка, кухня. Можно посмотреть, как раньше выглядели космические стулья — на них сидели как на коне. Сейчас такие стулья не используют, потому что решили, что проще стоять пристегнувшись.

В стене закреплен блок питания — к нему можно подключить нужные аппараты и проводить эксперименты. Около стены стоит аквариум — когда-то на станции были маленькие рыбки, гуппи. Правда, ничем хорошим для рыб это не закончилось. Они приспособились к условиям космоса, но именно это их убило на Земле. У рыб атрофировался плавательный пузырь, который отвечает за набор воздуха и регулировку плавания по высоте. И, вернувшись из космоса на Землю, они просто... утонули.

Искусственный спутник Земли «Интеркосмос-1». Предназначался для исследования ультрафиолетового и рентгеновского излучения Солнца и его влияния на атмосферу Земли

ПОКОРЕНИЕ ВЕНЕРЫ

Межпланетные пилотируемые корабли – не профильное направление в отечественной космонавтике. Однако именно в Советском Союзе создали первые лунные космические станции: первое в истории колесное управляемое средство, «Луноход-1», похожее на фантастического жука из металла, притаилось в зале музея. «Луноход-1» был, по сути, «фотоаппаратом на колесиках». Его задача заключалась в том, чтобы фиксировать все происходящее на спутнике Земли и исследовать грунт.

«Луноход-1» полетел на Луну в ноябре 1970 года, в январе 1973-го на спутнике Земли оказался «Луноход-2», а в 1977 году планировался запуск «Лунохода-3», но он так и не был отправлен на Луну. Последняя советская автоматическая межпланетная станция для изучения спутника Земли, забора и доставки лунного грунта называлась «Луна-24» и была запущена с Байконура в августе 1976 года. Образец лунного грунта – всего 20 песчинок – также хранится в музее.

Экспедиция к Венере была одной из наиболее успешных программ Советского Союза. До сих пор наша страна – единственная, которая посадила на Венеру аппарат, способный передавать сигналы. Первым успехом можно считать полет кораблей «Венера-2» и «Венера-3». Им не удалось передать данные о самой Венере, но были получены научные данные о космическом и околосолнечном пространстве, изучены магнитные поля, космические лучи, потоки заряженных частиц малых энергий и солнечной плазмы. «Венера-4» передала первый сигнал из атмосферы Венеры. Оказалось, на Венере давление в десять раз больше, чем предполагалось. Данные, переданные этими аппаратами, позволили создать «Венеру-10» – станцию, которая в 1975 году села на Венеру, выдержав одни из самых тяжелых

Возвращаемый аппарат ракетно-космического комплекса «Алмаз». Предназначен для доставки на станцию экипажа из трех человек в скафандрах в составе тяжелого транспортного корабля снабжения и возвращения экипажа на Землю

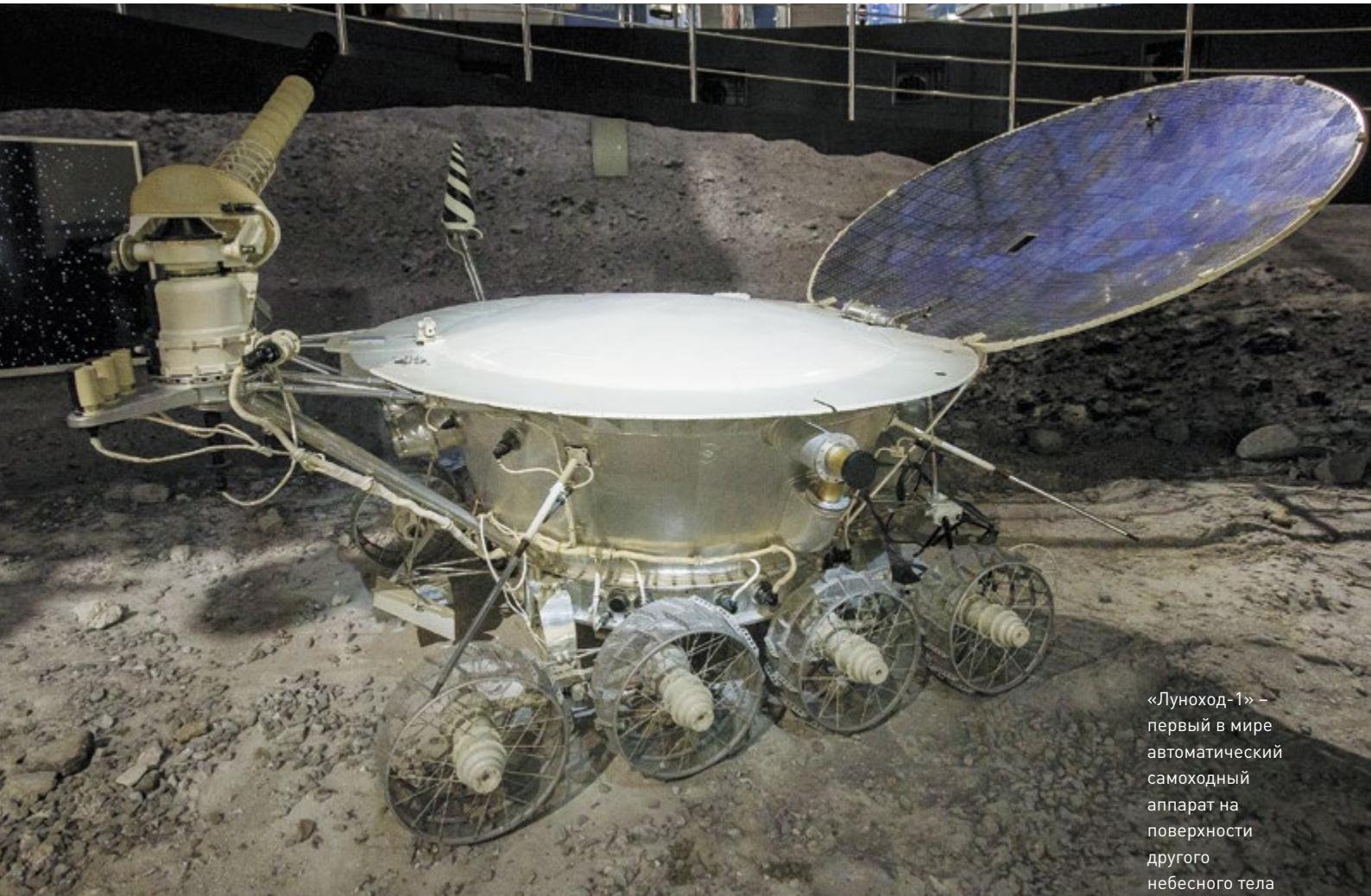
Фотоаппарат «Зенит 3М». Этим фотоаппаратом на космическом корабле «Союз-11» и первой орбитальной станции, «Салют», вел съемку космонавт В.И. Пацаев. Подарен музею В.А. Пацаевой

условий в Солнечной системе – давление 100 атмосфер и температуру 500 градусов.

Впоследствии аппараты настолько усовершенствовали, что «Венера-13» и «Венера-14», запущенные в 1981 году, научились фотографировать и передавать снимки. В музее представлены изображения поверхности Венеры.

Венеру СССР исследовал первый, а вот советская марсианская программа оказалась не такой успешной. Тем не менее свои победы в освоении Марса у отечественной космонавтики были. Первую мягкую посадку на Марс совершила в 1971 году межпланетная стан-

«Луноход-1» – первый в мире автоматический самоходный аппарат на поверхности другого небесного тела

ция «Марс-3» – в музее можно увидеть ее технологический дубликат. Но «Марс-3» успел проработать на планете только 14 секунд. Были еще станции «Марс-4», «Марс-5», «Марс-6», «Марс-7», но они представляли

собой орбитальные аппараты. Спускаемые с них модули, увы, разбивались о поверхность Марса. Продолжающиеся после распада Советского Союза попытки попасть на Марс для России были неудачными: ни пер-

вая, ни вторая станция проекта «Фобос-Грунт» не смогли покинуть околоземную орбиту. Зато Россия по-прежнему сильна в пилотируемой космонавтике. Наша страна создала одну из самых мощных в мире ракет-носителей, «Протон», и вывела на орбиту Международную космическую станцию, которая работает там до сих пор. Очень перспективным проектом, начатым в 1980-е годы и закрытым в 1990-е, был запуск ракетоносителя «Энергия», который вывел на орбиту пилотируемый космический корабль «Буран». Сегодня собственные космические программы имеют более 30 стран, но экспонаты московского Музея космонавтики не дадут забыть ни нам, ни другим, что первый шаг в космос с планеты Земля сделал русский человек.

ПЕРЕПЛЕТЕНИЯ ИСТОРИИ

АВТОР

ЗОЯ МОЗАЛЁВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

НА ТИХОЙ КОСТРОМСКОЙ УЛОЧКЕ РАСПОЛОЖИЛСЯ НЕБОЛЬШОЙ ДОМИК. В ЕГО СТЕНАХ ПОСЕЛИЛАСЬ ИСТОРИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ДЛЯ КОСТРОМСКОГО КРАЯ РЕМЕСЕЛ – ПРОИЗВОДСТВА ЛЬНА И ПЛЕТЕНИЯ ИЗ БЕРЕСТЫ. ИСТОРИЯ СО ВСЕМИ ЕЕ ТОНКОСТЯМИ И ПЕРЕПЛЕТЕНИЯМИ...

ВЮТНОМ МУЗЕЕ ЛЬНА и бересты два этажа, на каждом – по залу. Один зал посвящен льну: здесь посетители могут узнать, какой путь лён проходит от хрупкого стебелька до роскошных гобеленов. Второй зал посвящен ремеслу, которое традиционно считалось мужским занятием, – плетению из бересты. Хотя жизнь показывает, что и женщины не могут оставаться равнодушными к этому теплому и душевному материалу. Впрочем, обо всем по порядку.

«Наша экспозиция открывается спнопом льна», – начинает экскурсию в мир льняного ремесла администратор музея Галина Черная. На самом деле можно сказать, что старт экспозиции начинается раньше, еще до входа в музей: в теплое время года посетители могут увидеть растущий вдоль забора лён. «Мы по традиции сажаем его в мае, а собираем в конце августа, – объясняет Галина Черная. – Как в старину, выдергиваем лён из земли руками, потому что ниточка прячется на протяжении всего стебелеч-

ка, вплоть до самого корешка. Сейчас, конечно, все процессы автоматизированы, но мы делаем так, как работали со льном крестьяне в далекую старину». А крестьянам льняные изделия доставались непросто. Современным людям, которые могут в любой момент отправиться в магазин и купить все необходимое, этого не понять. Хоть чуть-чуть прочувствовать все тяготы льнопрядильного дела можно в уголке крестьянского быта костромского музея. «После того как лён с корнем выдернули из земли, его везли на обмолот и отделяли коробочки с семенами от соломки. Потом соломку возвращали снова в поля, чтобы она

Музей льна и бересты появился на карте костромских достопримечательностей семнадцать лет назад и с тех пор пользуется большой популярностью у туристов

Здание для музея начали строить в 2002 году – когда строительство закончилось, в Костроме появился первый частный музей

вылежалась под действием погоды и смены температуры: дождь намочил, роса выпала, солнышко высушило – и жесткая часть стебля стала более мягкой и податливой. А дальше соломка встречалась с таким приспособлением, как мялка: ею соломку проминали много раз, разрушая жесткую часть стебля, которая называется «костра». Некоторые говорят, что название нашего городаозвучно с этим словом, и нашему музею это особенно приятно», – улыбается экскурсовод Елена Шахова. На самом деле лингвисты называют разные версии происхождения названия города: по мнению ряда филологов, в основу легло слово «костер», по другой версии, город назван в честь легенды о Купале и Костроме. Существует предположение и о финно-угорском происхождении названия: «Кострома» переводится с морянского языка как «земля искупления» или «земля возмездия». И хотя в основных топонимических версиях не упоминается возможность происхождения названия города от льняной костры, такой вариант исключать нельзя, ведь вся история Костромы тесно переплетена со льном. Так что все может быть...

СТАРАНИЯ И СТРАДАНИЯ

«Пока лён мяли, приговаривали: «Мни лён доле, волокна будет боле». Еще говорили так: «Недомнешь на мялке, ох, наплачешься над прялкой». Сидет девица за прялку, а тут соломина попадается жесткая и колючая. Мастерица пальчик уколет – волком взвоет, ведь нужно обязательно

Экспозицию музея открывает сноп льна – когда-то льняные изделия были основным брендом Костромского края

избавиться от внутренних соломин, которые в стебелечке прячутся, а льняное волокно идет по верху», – продолжает Елена Шахова рассказ о тяготах льняного промысла. Чем больше слушаешь, тем больше удивляешься, сколько труда приходилось прилагать нашим предкам, чтобы обеспечить себя самым необходимым. И невольно ловишь себя на мысли: если нам все это достается намного проще, почему у нас ни на что не хватает времени? Но нашим прарабабушкам некогда было задумываться о таких материалах, надо было работать. Перерывов в нелегком труде почти не было: после мялки лён ждала трёпка. «Девушки садились, клали на колени лапоток, который называется «шептун» – в нем по дому ходили так тихо, словно шептали, – показывает Елена Шахова старинный тапочек, который служил и обувью, и основой для обработки льна. – Мастерица вооружалась деревянным трепалом, вот оно какое – заостренное словно меч. Кто-то говорит, что на языке похоже. И от души трепали лён. Кстати, отсюда и многие хорошо знакомые нам выражения: трёпку задать, языкок трепать, трепать нервы... Вот так выбивали из льна остатки костры и пыли, чтобы лён стал мягким и податливым». Но на этом старания, а заодно и страдания девушки не заканчивались. Теперь лён надо чесать. Экскурсовод Елена берет в руки гребень с железными зубьями – инструмент, который именуется «чесало». За неимением специальной расчески можно было воспользоваться и своим гребнем. Утром девушка косу расчешет, вечером – лён, правда, чесать лён приходилось намного дольше, чем свои волосы. Чесание льна вообще процесс длительный, надо много потрудиться, пока из желтой пакли он не превратится в серебристую, мягкую, легкую и пушистую кудель. Когда смотришь на исходный материал, трудно представить, что из него может получиться нечто подобное – если только

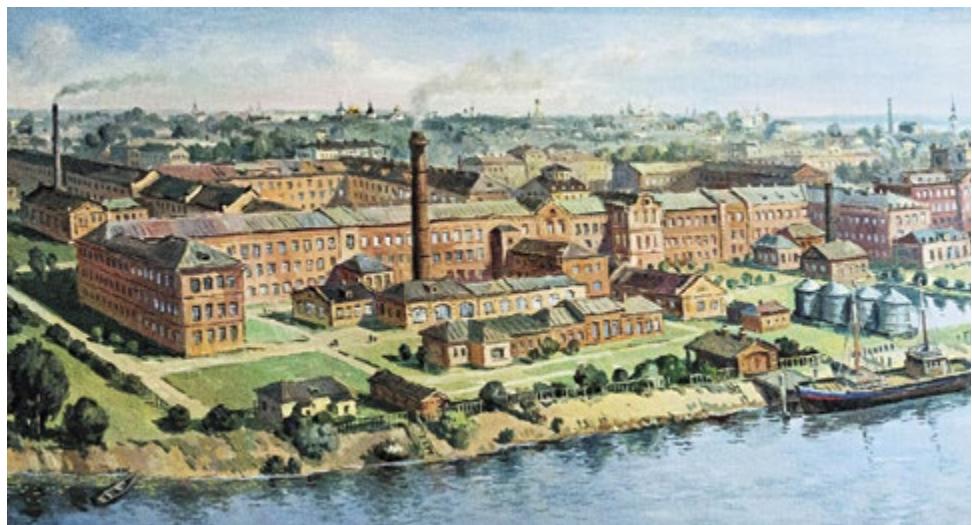
по волшебству. А на самом деле тайна этого волшебства – в долгом и кропотливом труде. Впрочем, он еще не завершен, и нашим мастерицам-волшебницам еще долго надо колдовать... Итак, теперь на смену мялке и чесалке приходит прядлка. «На прялочки привязывали льняную пряжу, брали в руки веретено и пряли ниточку. А самую первую прялочку отец мастерил, когда дочке исполнялось 5–6 лет – именно в таком возрасте начинали приучать девочек к работе, – продолжает рассказ Елена Шахова. – Труд был скучный, монотонный, однообразный, вот девчонки постарше и организовывали посиделки. В одной избе собирались по 12–15 человек – песни пели, сказки рассказывали, сплетни деревенские переговаривали. Конечно, и женихов обсуждали. А парни тоже на посиделки заглядывали, только у них своя цель была – невесту приглядывали. Выбира-

Старинная фотография запечатлела момент текстильного расцвета Костромы

ли не на гулянке да в хороводе, а смотрели, как девица работает, ровно ли ниточка получается, не ленива ли девушка. Жили-то в ту пору натуральным хозяйством, магазинов не было – что соткали, то и надели, что вырастили, то и поели. Попадется хозяйка ленивая, останешься голодным да раздетым».

СУНДУКИ ПРИДАНОГО

Когда экскурсовод объясняет все этапы создания льняных изделий, понимаешь, насколько терпеливыми были наши прабабушки, которые могли изо льна сделать одежду. Ведь прежде чем дойдешь до финального этапа, надо выдержать столько испытаний. Вот и после того, как нитки

перепрядены, рано успокаиваться, теперь надо их покрасить. Красители в то время, конечно, были только натуральные. Ягодные соки, листья деревьев, кора дуба... Все это помогало нашим предкам стать наряднее. А чтобы получить праздничную красную одежду, женщины отправляли своих мужей и сыновей на болота, причем не за клюковой, как многие могут подумать, а за... личинками комаров. «Мотыля ведрами приносили домой, делали отвар, клали нитки и ткани, смачивали, а наутро получали заветный красный цвет для праздничной одежды, – объясняет Елена. – Еще один краситель, который использовался тогда, мы применяем до сих пор с большим успехом – красим на Пасху яйца, а наши предки с помощью луковой шелухи получали благородный коричневый цвет повседневной одежды». Слушаешь все это и думаешь, до чего же люди в то время были изобрета-

тельны. Как вообще можно было догадаться сделать краску из мотыля? А вот пришло же такое в чью-то светлую голову.

Когда нитки были окрашены, наставало время разворачивать ткацкие станки. Хранили их раньше на чердаках, в разобранном виде. К моменту, когда лён был готов к ткачеству, станки спускали с чердаков, собирали и натягивали вдоль станка нити основы. «Это была очень тяжелая и хлопотливая работа,

не было раньше никакой механизации, красоту творили лишь золотые руки, а помогали им в этом нехитрые приспособления

которую умела выполнять, как правило, одна женщина в деревне. – Елена Шахова демонстрирует, как обращались со станком, на образце, который стоит в музее. Кстати, образец этот действующий, на нем в самом деле можно ткать. – За станок садились уже не 5-летние малышки, а девочки постарше, те, у кого ножки доставали до педалей. И весь световой день они сидели и ткали». На музейном станке ткется половничок, и вместо тонкой нити на челноке кручена тряпочка: так и быстрее получается, и посетителям проще рассмотреть каждый рядочек. А вот нашим прабабушкам приходилось ткать не из таких ниток. Когда на утке стоит тонкая, с волос толщиной, нить, да еще и станок пошире, готового полотна выходило за день не более 50 сантиметров. Долго сидели девушки за такой работой, ведь к 14 годам каждая из них должна была приготовить себе целый сундук приданого! А в том сундучке одних рушников полагалось не менее 40 штук. Да каких – скажочных, расшитых... Кроме того, когда девушка выходила замуж, ей надо было одарить многочисленную родню мужа, каждому сделать подарок, показывая этим, насколько она трудолюбива. Каждый подарок стоил невестке серьезных трудов, но мастериц это не пугало: они хотели создать семью, быть счастливыми – все, как и сейчас. Вот только сундуки с приданым остались в прошлом. А тогда все эти сундуки с рушниками, рубахами, скатертями, половиками, наверное, и составляли крестьянское счастье. Только добывалось оно очень кропотливым и изнурительным трудом.

Но все это ушло в прошлое. Посиделки при лучинах сменились мануфактурами и фабриками, а на смену деревянным станкам на клинышках пришли металлические, с паровыми двигателями. И началась новая страница костромского промысла. Собственно, та страница, которая и прославила Кострому как льняную столицу.

ЛЬНЯНЫЕ ДЕНЬГИ

Это страница настоящей славы. От костромских берегов отбывали огромные суда, нагруженные ценным товаром. Отсюда увозили в разные уголки мира ткани. А Кострома по праву считалась льняной столицей. И это не преувеличение. Говорят, к концу XIX века Кострома превзошла и Голландию, и Швецию, и Данию – страны, которые славились своими текстильными мануфактурами. Лён стал символом Костромы, ее визитной карточкой.

В 1866 году братья Третьяковы основали Большую Костромскую льняную мануфактуру. Фамилия Третьяков у многих ассоциируется со знаменитой столичной галереей. Самое интересное, что богатую коллекцию картин собрал не родственник и не однофамилец, а именно тот самый Павел Третьяков, один из братьев – владельцев костромской мануфактуры. И деньги на приобретение живописных полотен зарабатывались именно в Костроме. Так что не будь льна, не было бы и одного из главных российских музеев. Именно на костромской фабрике, которая к XX веку стала самой крупной в Европе по выпуску льняных тканей, «ткался» фундамент для Третьяковской картинной галереи. «У нас и природные условия оптимальны для льна – климат севера благоприятен для его выращивания. И почва хорошо подходит, – объясняет Елена Шахова. – К тому же русло реки позволяло наладить торговлю – Костромка впадала в Волгу, а по Волге можно было отправлять товар во все концы России. Так Кострома и стала текстильным центром».

Сегодня от былого размаха остались в основном воспоминания... «Часть цехов текстильной фабрики сегодня продолжают работать, но, конечно, не в том режиме, как было при Третьяковых. И тем не менее фабрика все-таки

«Недомнешь на мялке, ох,
наплачешься над прялкой» –
так говорили в старину, когда
мяли лён

Чтобы щеголять
в таком
изысканном
наряде,
мастерицам
прошлого
приходилось
приложить
немало труда

функционирует – на рынке она уже более полутора веков. Сегодня сохранилось здание только первой линии фабрики, остальное разрушено», – показывает Елена на старинную фотографию. Текстильная слава продолжалась и в советские годы. Две фабрики – имени Октябрьской

революции и имени Зворыкина – гремели на весь Союз, а товары, произведенные в Костроме, отправлялись во все уголки огромной страны и за ее пределы. В доме практически каждой советской семьи были гобеленовые покрывала, созданные костромскими мастерницами. Как воспоминание о тех годах на стене музея можно увидеть роскошное полотно с картинками из сказок Пушкина – образец мерного гобелена. Удивительная красота, да к тому же ткань натуральная. Надо сказать, что и сегодня на костромской фабрике выпускают красивые и качественные ткани: простынные, полотенечные, жаккардовые... Но с прежним размахом сегодняшнее производство, конечно, не идет ни в какое сравнение.

Крупицы славной льняной истории бережно хранят в музее, с вдохновением показывая, что можно сделать из льняных нитей и тканей. Здесь и кофточка из льняных ниток, сплетенная на коклюшках, и панно «Цветущий лен» в лоскутной технике, и традиционные народные куклы... Много чего можно сделать изо льна.

ДОКТОР БЕРЕСТЯНЫХ НАУК

Но пора поближе познакомиться еще с одним традиционным для Костромы ремеслом – плетением из бересты. В отличие от льна, который, можно сказать, был костромским эксклюзивом, береста была распространена во многих губерниях государства Российской. И тем не ме-

нее в костромской берестяной истории тоже есть весьма яркие страницы. Береста занимает особое место в жизни основателя музея – Натальи Забавиной. В 1970-е годы преподаватель вуза познакомилась с уникальным мастером – Валентиной Шантыревой. «Когда я увидела, как она плетет, я была пораже-

За ткацким станком в былье времена девушки проводили по полсуток, ведь к 14 годам каждая должна была приготовить себе сундук приданого

на, – вспоминает Наталья Павловна. – Мы познакомились с ней на празднике, и почти сразу я приняла решение учиться плетению. У меня сердце замерало – так хотелось плести. Валентина Евстигнеевна никому не отказывала в обучении, и через какое-то время я стала ее ученицей. Валентина Шантырева была уникальным человеком – в этом нет никакого преувеличения. Я могу рассказывать о ней часами». О мастерице Шантыревой действительно можно рассказывать долго. Удивительная женщина, окончившая четыре класса школы, но при этом обладавшая поразительным математическим умом. Ее вполне можно назвать доктором берестяных наук. «Она могла сплести все, что угодно, словно береста – податливый, как пластилин, материал. Просто раскладывала все на клеточки и плела, – говорит экскурсовод Елена Шахова. – А помощником

Удивительная красота может расцвести благодаря льну

Галина Черная рассказывает, что у музея есть постоянные клиенты – некоторые каждый год приезжают в Кострому и обязательно приходят в музей

в этом деле для нее служил кубик Рубика – она его не просто собирала по цветам, на его гранях она составляла множество цветовых комбинаций – сотни орнаментов, узоров». Однажды она даже стала победительницей игры-конкурса «Составляем каталог вращений кубика», который проводил журнал «Наука и жизнь». У скромной костромской бабушки из деревни со временем образовался целый круг последователей и учеников, с которыми она охотно делилась всеми своими знаниями и умениями.

Одной из преданных учениц была Наталья Забавина. «Валентина Евстигнеевна открыла новую страницу в судьбе берестяных изделий, вдохнула новую жизнь в ремесло. Раньше плетение было возможно только на четыре угла, она придумала, как плести на пять, на шесть углов, – с восторгом рассказывает Наталья Павловна о своей

Лён стал
той ниточкой
истории,
которая
сыграла
большую
роль в судьбе
Костромы

наставнице, которая, по сути, совершила берестяную революцию. – При этом сама Валентина Евстигнеевна жила очень скромно – ей было достаточно, чтобы был чай да плавленый сырок «Дружба». А свои работы она всегда раздаривала. К ней приезжали корреспонденты из Москвы, видно, что люди с деньгами, а она дарила им шкатулки, над которыми работала неделями. У меня коммерческая жилка, я всегда очень

переживала: как же так – ведь сама она жила очень небогато, работала за столом, застеленным рваной клееночкой. При этом она говорила: «Для меня подарить – это счастье, а продавать я не могу». Она была совершенно уникальным человеком, и я очень рада, что мне повезло с ней общаться». Наталья Забавина ходила к Валентине Евстигнеевне несколько раз в неделю, осваивала тонкости берестяного искусства. Благодаря этим урокам будущая хозяйка музея смогла стать виртуозным мастером. «Я смотрела на изделия Валентины Евстигнеевны, на произведения ее учеников, своих друзей и подруг и понимала, что это надо показывать. Так появилась идея создания музея, – вспоминает Наталья Павловна. – К счастью, власти меня поддержали в этой задумке. В 2002 году мы начали строить музей. Это был первый частный музей в Костроме. Мы

ездили за опытом в Ярославль, к владельцу музея «Музыка и время», он подробно нам все рассказал, его опыт нам очень пригодился. Так, постепенно, удалось создать музей. Жаль, Валентина Евстигнеевна не узнала о его открытии. Если бы она знала, была бы счастлива». Думается, этот музей – своего рода память учеников о своей учительнице. Их произведения – настоящие шедевры берестяного творчества. К при-

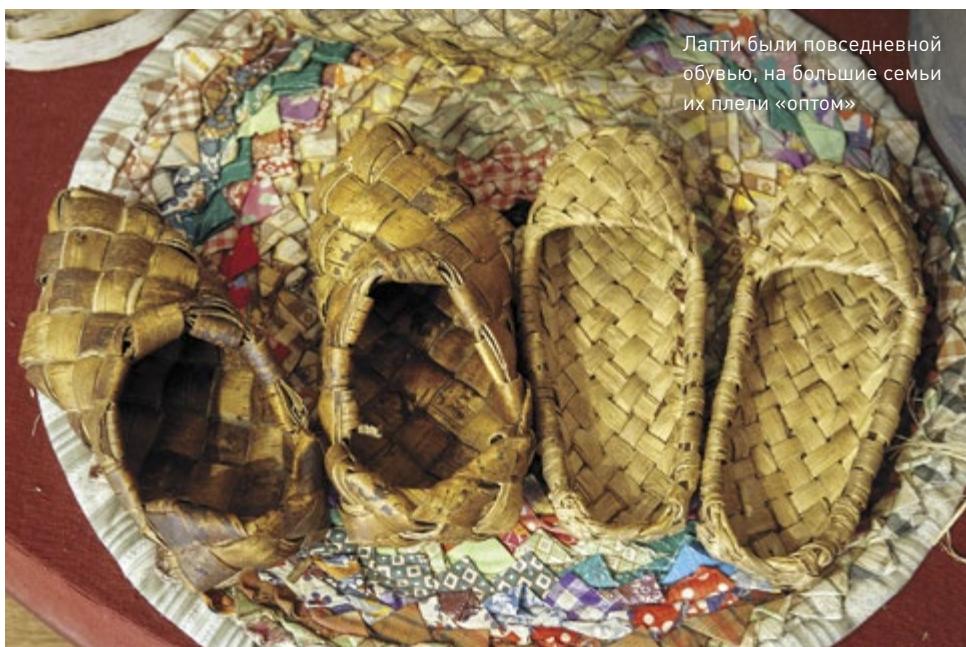
меру, стены музея украшают два масштабных панно – птицы и кони. Это работы еще одного интересного ученика Валентины Шантыревой. Александр Гавриков был известным фотографом, однажды пришел делать фотопортаж про бабушку-мастерицу и, увидев ее работы, сам влюбился в бересту, стал брать у Валентины Евстигнеевны уроки и вот уже два десятилетия занимается этим ремеслом.

Береста – удивительный материал, богатый своими возможностями и оттенками, от снежно-белого до темно-коричневого

ПЕРЕПЛЕТЕНИЯ ВРЕМЕНИ

В костромском музее можно проследить всю историю берестяного искусства. Рассказ о мужском промысле, как и о женском, тоже ведется с истоков. «В старину говорили: срубил дерево – дай ему вторую жизнь. Ничего не должно зря пропасть – ни ствол, ни ветки, ни корни, ни тем более такая ценная вещь, как береста», – продолжает экскурсию Елена Шахова. – Бересту собирали в июне, после сокодвижения, когда она была более эластичная, гибкая, податливая. Сматывали в клубочки и убирали в прохладные места, чтобы она не рассыхалась. Так в подвалах и погребах она ждала своего часа до зимних вечеров. Зимой отец и сыновья брались за плетение. Если девочки в 5–6 лет садились за прядку, то мальчики в том же возрасте начинали осваивать азы плетения».

Самым простым делом считалось плетение лаптей. На полках музея есть разные образцы берестяного искусства, хотя искусством это в старину не считали – плести лапти умел каждый мальчишка. «Вот такие лапти, светленькие, плели из лыка – коры липы. Их называли прямыми и носили каждый день. Это была повседневная обувь. Семьи-то были большими, не менее шести-восьми человек, а то и более – сколько лаптей надо. Да и носились такие лапти очень недолго – всего около недели, – проводит Елена Шахова экскурс в прошлое. – Поэтому заранее готовили много таких лаптей – делали их одинаковыми на левую и правую ногу, чтобы при необходимости легко было заменить износившиеся». Позже стали плести модельные лапти. Их именовали «ступни», «поршни», «босовики». До сегодняшнего дня из тех далеких времен дошли выражения «поршнями шевели», «это тебе не лапти плести». Кстати, как ни странно, обувь из бересты могла защитить даже от воды. «Береста, когда соприкасается с влагой, немного набухает и расширяется, расстояние между лычками смыкается – в таких

лаптях не промокнешь, – объясняет Елена Шахова. – Так что в этой обуви можно было смело ходить и в лес, и на болото».

Еще одно удивительное изделие из прошлого – берестяная фляжка. В нее наливали холодные напитки – квас, воду, компот, чтобы пить в поле. И, как ни странно, ничего не проливалось – опять же сказывалось свойство бересты набухать при соприкосновении с влагой. Еще один интересный образец – сколотень. Это, можно сказать, прародитель термоса. Делался он по особой технологии. «Внутри слой бересты без шва – она снималась с целого чурбачка без единого надреза. Снаружи еще один слой бересты, который соединен специальным замком. Дно распаривалось и вставлялось плотно, – подробно рассказывает экскурсовод все тонкости изготовления прадедушки современного термоса. – В таком сосуде каша долго оставалась горячей, а молоко не скипало даже в жару». Есть в коллекции и предок кошелька, который именовался лопатником. В старину это был плетеный берестяной карман – его привязывали на пояс и клади туда, например, точило для косы.

Есть здесь и заплечный мешок – пестерь, или короб. В него собирали грибы, ягоды, носили рыбу. Кстати, если рыбу в таком коробе положить в подпол, она могла храниться неделю.

Среди музейных экспонатов есть и детские погремушки из бересты. «Внутрь маленького кубика насыпали сухой горох – называлась такая игрушка «шарпунок», – продолжает Елена Шахова. – Ребенок и погремит, и погрызет – все на пользу будет, ведь в бересте содержатся ионы серебра, и она обладает бактерицидными свойствами – для десен это хорошее стимулирующее средство». Вся эта берестяная старина подлинная, образцы собирались в экспедициях по районам области. И прежде, чем стать музейными экспонатами, эти изделия верой и правдой послужили человеку.

Удивительные деревянные птицы распространены во всех северных губерниях

ПАЛИТРА БЕРЕСТЫ

Конечно, украшают экспозицию и работы наследников древнего берестяного ремесла. Современные мастера не уступают своим предшественникам во владении материалом. Чего здесь только нет: и братина, и квасник, и кружки, и самовар, кстати, самый настоящий,

из которого вполне можно пить чай, только разжигать нельзя. Есть даже берестяная скатерть, которую за время летних каникул сплела девочка. Сделана скатерть из отдельных элементов, каждый из которых потом собран на тоненькую лесочку. А элементов в этой скатерти 3,5 тысячи... Так что нынешние наследники берестяного дела не менее терпеливые, чем их искусные предки.

Поражают сказочные персонажи, сплетенные из бересты. В книге, которую держит в руках крохотный Буратино, перелистывается каждая страничка, миниатюрные лапоточки снимаются и надеваются. А роза в руках у Мальвины сплетена с помощью специального ювелирного инструмента. Есть игрушки-берестушки, выполненные руками хозяйки музея, Натальи Забавиной, – персонажи известных сказок и басен из этого материала смотрятся очень необычно. Рассматриваешь и удивляешься, как можно сотворить такое из бересты, ведь из нее не слепишь, как из глины, надо рассчитать все изгибы, повороты, переплетения... Но те, кто предан этому материалу, знают его харак-

Мастера берестяных дел могут сотворить из любимого материала все, что угодно

тер и могут творить настоящие шедевры.

Глядя на изделия мастеров, понимаешь, что возможности бересты огромны. Да и оттенков у этого, казалось бы, простого материала великое множество. «Каждая тоненькая пленочка-слой имеет свой цвет, – говорит Елена Шахова. – У бересты

множество оттенков – от снежно-белого вглубь к бежевому, розовому, лиловому, песочному, вплоть до темно-коричневого – самого глубокого слоя в коре. И всю эту богатую палитру мастера используют в своих работах».

И лён, и береста – материалы, которые хранят тепло рук ма-

Когда-то лён был не просто частью истории Костромы, а его гордостью и эксклюзивом

стеров. Наверное, потому и Музей льна и бересты получился таким теплым. «Я уже много лет работаю в музее, у нас есть постоянные посетители – люди приезжают каждый год в Кострому и ежегодно приходят к нам на протяжении нескольких лет, – рассказывает Галина Черная. – Мы хоть и меняем экскурсию, но основа все равно одна. И люди приходят, говорят, что интересно. Приходят сами, приводят детей, внуков – можно сказать, у нас уже есть поколения посетителей. А нам приятно, что мы можем людям рассказать так много об истории Костромы». И хотя сегодня костромичи не плетут на всю семью десятки пар лаптей, а от берегов Костромки не отправляются в разные части света суда с рулонами льняных тканей, это все равно часть Костромы. Часть ее истории, которую костромичи чтут и берегут.

Искусные мастера могут сплести кружева даже из бересты

ОЧАРОВАННЫЕ КАИРОМ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

«ЗДЕСЬ НЕДАРОМ СТРАНА СОТВОРИЛА // ПОГОВОРКУ,
ПРОШЕДШУЮ МИР: // – КТО ИСПРОБОВАЛ ВОДУ ИЗ
НИЛА, // БУДЕТ ВЕЧНО СТРЕМИТЬСЯ В КАИР», – ПИСАЛ
В СТИХОТВОРЕНИИ «ЕГИПЕТ» НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ.
ОПАСНАЯ, НАДО СКАЗАТЬ, ПОГОВОРКА. ДАЖЕ ДЛЯ
КАИРА СТОЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ. СКОРЕЕ ВСЕГО,
ПОЭТ САМ ЕЕ ПРИДУМАЛ, РИСУЯ ПОЭТИЧЕСКИЙ
ОБРАЗ ЕГИПТА. ВЕДЬ КАИР ОЧАРОВАЛ ГУМИЛЕВА,
КАК МНОГИХ ПЕРВЫХ РУССКИХ КАИРЦЕВ.

СЕЙЧАС САМОЕ ОПАС-
ное в Каире – перейти
дорогу. Надземные и
подземные пешеходные
переходы здесь встречаются ред-
ко. Светофоры тоже не особенно
помогают: каирские водители
до сих пор едут на красный свет.
Люди переходят магистральные
улицы где удобно. И если пере-
секать запруженные машинами
улицы еще как-то можно при-
норовиться, то на широких про-
спектах, где автомобили несутся со
скоростью под 100 километров в час,
стоишь по десять минут, чтобы
поймать «окно» и перебежать
дорогу. Египет занимает одно из
первых мест в мире по количеству
ДТП с тяжелыми последствиями.

За несколько дней, проведенных в Каире, мы стали свидетелями того, как автомобиль сбил человека, и сами попали в аварию, когда ехали в маршрутке...

ПОДНЯЛИ ВСЕМ МИРОМ

Не без труда преодолев очередной проспект в районе Зейтун, мы добрались до русской церкви во имя святого Димитрия Солунского в Зейтуне. В 1999 году русскоязычное православное сообщество египетской столицы решило больше не ходить по греческим церквям, а обзавестись собственным храмом. Средств, чтобы построить новое здание, не было. Александрийский патриархат предложил обветшалую и давно не используемую церковь в Зейтуне. В обмен просил предоставить аналогичное здание в Москве для православных греков. Предложение было принято. Церковь

Димитриевская церковь как подворье РПЦ была заново освящена и торжественно открыта 10 ноября 2000 года

подняли «всем миром», как выражались участники проекта. Ключевую помощь окказал один из сыновей первых русских эмигрантов – руководитель крупной строительной компании. Вот такая получилась связь прошлой и нынешней диаспор.

Церковь стоит в тихом жилом квартале, с дороги здание хорошо видно – нашли сразу. Мы явились утром в предпраздничный день, ожидая увидеть богослужение или, во всяком случае, встретить священника. На полицейском посту у храма (в Египте церкви охраняет полиция. – Прим. авт.) нас пропускать не хотели. Вызвали смотрителя. Египтянин, разговаривающий исключительно на арабском, полицию урезонил, пообещав, что покажет нам храм и скоро вышлют. Выяснили у смотрителя, что восстановленный храм уже не используется русскими. Хотя внутри храм не выглядел заброшенным. Все прибрано так заботливо, будто вот-вот начнется служба. Видно, что создатели храма постарались на славу: сохранили старинный вид церкви, росписи на стенах, иконостас, витражи...

В церковь Димитрия Солунского мы пришли, не только чтобы

увидеть сам храм, но и узнать адрес старой эмигрантской церкви Святого Николая в соседнем районе Гелиополис. Эта церковь и богадельня при ней были построены в 1957 году Русским благотворительным обществом. Участок земли в Гелиополисе был

Утварь
и оборудование
храма здесь
из разных эпох

Димитриевская церковь была построена в 1925 году в квартале, где проживало много греков. И осталась не у дел после оттока греков в 50-е годы

подарен русской общине еще королем Египта Фаруком I. Исследователь русской диаспоры в Египте доктор исторических наук Владимир Беляков выяснил, что именно в Никольскую церковь были переданы иконы и утварь из первого русского храма в Александрии, закрытого в 1961 году. Каирская церковь была последним духовным пристанищем эмигрантов первой волны. Адрес церкви Святого Николая указан так: улица Абу-Симбел, 12. Однако в Интернете найти информацию о церкви не удалось. Улица Абу-Симбел на современных картах отсутствует. Владимир Беляков за давностью лет указать месторасположение церкви затруднился.

Смотритель-египтянин никак не мог понять, какую Никольскую церковь мы ищем. Он рекомендовал нам обратиться в современный приход РПЦ. При этом показать на карте ничего не мог, только твердил: «тагамо эл-хамис». Не сумели помочь и полицейские, охраняющие церковь. Призвали на помощь одного прохожего, затем другого. Наконец общими усилиями выяснили, что русская церковь находится в Новом Каире, в Пятом поселении («тагамо эл-хамис»), очевидно, в дипломатическом квартале. В Интернете нашли телефон настоятеля прихода отца Алексея. Отправили ему вопрос о Никольской церкви. Священник сообщение прочитал, но ничего не ответил. Мы продолжали допрашивать смотрителя и прохожих. Но тут у полицейских лопнуло терпение, и они порекомендовали нам самостоятельно продолжить поиски.

ВКЛАД ЕГИПТОЛОГОВ

Русская диаспора в Каире появилась после 1917 года. Через Египет пролегал путь, по которому эвакуировалась часть русских беженцев. Для большинства столицы Египта стала лишь пересадочным пунктом, но около 1200 человек осело в Каире. В основном это были врачи, инженеры, ученые, деятели культуры и искусства, которые, попробовав «воду из Нила», остались в Каире если не навсегда, то надолго.

Одним из ярких представителей русской диаспоры был известный египтолог Владимир Голенищев. Он основал и возглавил кафедру египтологии в Каирском университете. По отзывам современников, ему не было равных по количеству переведенных древнеегипетских рукописей. В Каирском египетском музее он создал и систематизировал первый каталог папирусов. О вкладе русского ученого в египтологию здесь не забыли: бюст Владимира Голенищева стоит в Мемориале великих египтологов мира у входа в Египетский музей. Идентифицировать его, правда, не так просто. Мемориал представляет собой мраморный полукруг, обрамляющий памятник основателю Египетского музея Огюсту Мариету. Всего в полукуружии 24 разномастных бюста, установленных в разное время. Голенищев попал туда одним из последних, в 2006 году: бюст ученого находится в верхнем ряду, второй справа.

Голенищев – единственный русский ученый, удостоенный такой чести. Хотя Каир помнит и дру-

Владимир Голенищев в Египте. Начало XX века. До эмиграции египтолог побывал на Ниле около шести-десети раз

Египетский музей был открыт в 1902 году. Для здания музея предлагалось более 100 проектов

гих замечательных русских египтологов. Таких как Владимир Викентьев и Александр Пьянков. Первый прожил в египетской столице 38 лет, работал профессором Каирского университета, написал десятки работ по истории и филологии Древнего Египта. Александр Пьянков с 1942 года являлся главой Французского института восточной археологии в Каире. Ученый прославился блестящими переводами текстов из гробницы Тутанхамона и других древнеегипетских захоронений. По существу, Пьянков был первым, кто предложил при переводах опираться не только на филологию, но и на древнеегипетскую религию. Сокурсник Голенищева по Петербургскому университету профессор Григорий Лукьянов в Египетском

музее занимался коллекциями древностей, благодаря ему многие музеи мира пополнились прекрасными экспонатами... В самом Египетском музее никаких упоминаний о работе русских египтологов мы не нашли. Зато перенеслись во времена их работы – в 1940–1960-е годы. Просто диву даешься «старинным» запыленным витринам, пожелтевшим табличкам, текст на которых напечатан на машинке. Хорошо еще, если есть такие таблички – многие экспонаты выставлены совершенно без всяких подписей. Найти что-либо без гида или заранее припасенной схемы музея непросто. Исключения составляют залы Тутанхамона и некоего верховного жреца, устроенные по последнему слову музейного дела.

Мемориал великих египтологов мира создавался многие годы. Началось все в 1902 году с перенесения останков Огюста Мариета на место нынешнего памятника ему

ЦЕРКОВЬ-МУЗЕЙ

В поисках Никольской церкви мы решили пройтись по Гелиополису пешком, поспрашивать в других церквях района. А храмов – католических и православных – здесь предостаточно. Гелиополис непохож на остальную Каир. Этот островок оригинальной «гелиопольской» архитектуры появился в начале XX века благодаря бельгийскому промышленнику Эдуарду Эмпену. Магнат создал на пустынном участке современный город с водопроводом, канализацией, электричеством. В архитектуре смешиваются восточные и европейские стили. А самое оригинальное здание – дворец самого Эмпена, построенный в виде... южноиндийского храма.

Мы продолжили поиски Никольской церкви. И нам снова пришлось побеспокоить Владимира Белякова с помощью Интернета. Историк давал ориентиры по памяти: надо найти самый большой парк района,

в конце парка отыскать пересечение улиц Бейрут и Халяб. Улицы мы нашли, но выяснилось, что они не пересекаются. Угол улицы Бейрут – под суповой «реконструкцией». На углу Халяба – многоквартирный дом. Станный, симпатичный. Мы решили порасспрашивать старожилов, должны же они помнить хоть что-то о русской церкви! Не тут-то было. Жители дома о русской

Базилика Пресвятой Богородицы в Гелиополисе была построена в 1913 году в стиле константинопольской Святой Софии

или греческой церкви никогда не слышали. Мы расстроились и уже решили бросить поиски, когда нам взялась помочь энергичная бизнес-леди. Для начала она привлекла к консультациям уличных торговцев. Затем по телефону выяснила у кого-то, как сейчас называется улица Абу-Симбел, и отвезла меня туда на машине. Однако и здесь никаких церквей не оказалось. И тут я случайно заметил на карте название соседней улицы – Abou Sombel... Не знаю уж, кто научил с транскрипцией – на арабском языке улица именуется именно как знаменитый древнеегипетский памятник (Абу-Симбел – скала на западном берегу Нила, в которой во время правления Рамсеса II высечены два древнеегипетских храма. – Прим. ред.). А дойдя до дома

Дворец Эдуарда Эмпена, или, как говорят в Каире, барона Эмпена, архитектурно почти полностью соответствует южноиндийскому храму

№12, я увидел христианские символы на входе.

На церковь здание никак не похоже – обычный трехэтажный дом. Вошел через главное крыльцо. И сразу попал в столовую, где сидели старики: большую часть здания по-прежнему занимает дом престарелых. В богадельне живут греки, арабы-католики, копты – здесь принимают любых христиан независимо от конфессиональной принадлежности. Порадовало, что работники приюта хорошо знают о русском прошлом этого здания и с радостью согласились показать церковь.

Храм представляет собой низенькое прямоугольное здание во дворе дома. Вошли мы почему-то через алтарь. В отличие от церкви в Зейтуне здесь много русских икон, старинных лампад с гербом Российской империи, хоругвей... Целое собрание предметов из жизни первой русской общины Египта. Самое большое, надо думать, собрание – настоящий музей. Греческий и тем более

комплекс монастыря Святого Георгия стоит на месте Вавилона Египетского – крепости, построенной персами в VI веке до н.э. Остатки «Вавилона», перестроенного римлянами, громоздятся прямо возле храма

Барельеф Георгия Победоносца был создан Фредманом-Клюзелем в победном, 1945 году

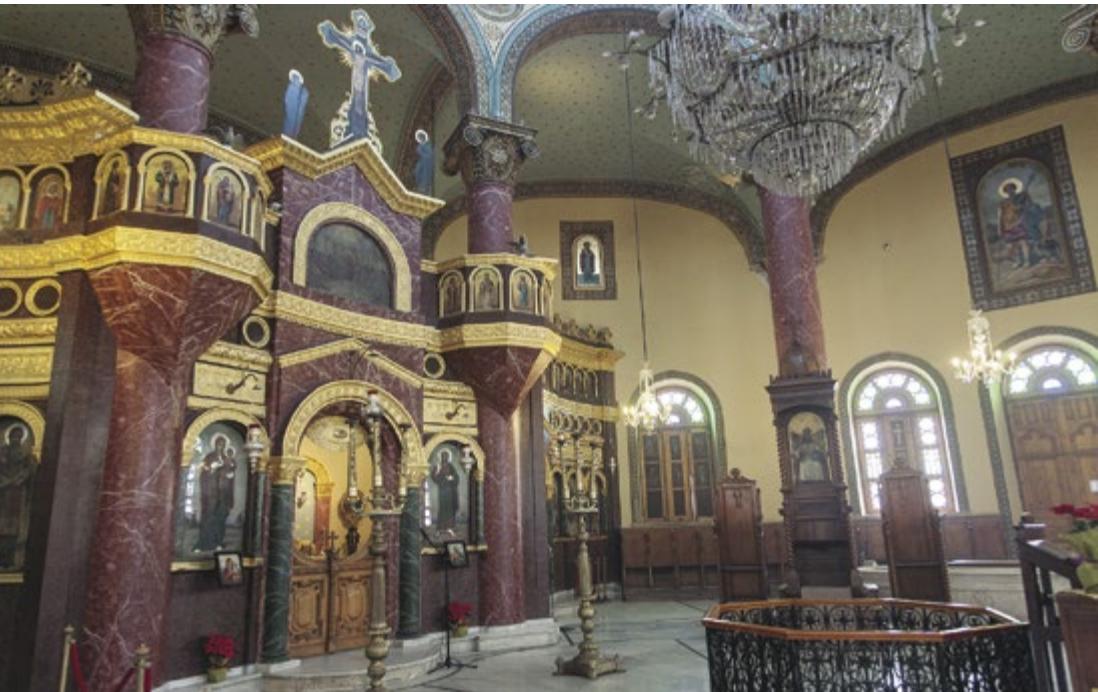
русский язык здесь давно не звучат: на стеллаже лежат молитвенники и акафист святителю Николаю на арабском языке. Служат здесь каждое воскресенье, на арабском. Приходят в основном жители богадельни. Красивый парадный вход имеется, так что через алтарь не обязательно заходить. Но через алтарь, говорят работники, «быстрее»...

ПОСЛЕДНИЙ «БЕЛОЭМИГРАНТ»

Так уж сложилось, что время постройки Никольской церкви совпало с массовым оттоком русских эмигрантов из Каира. Это случилось после принятия законов, ущемлявших права иностранцев в Египте.

К началу 1980-х годов старая русская диаспора почти исчезла.

В 1981 году была продана квартира, в которой почти шестьдесят лет находился Русский клуб с библиотекой. Чуть позже Никольская церковь с богадельней перешла к грекам. Инициатором передачи был Олег Волков – последний «белоэмигрант» Каира. Волков многие годы работал во Французском институте восточной археологии в Каире, написал несколько крупных работ по истории и культуре Египта. В те годы он был единственным, кто мог отвечать за церковь, которая относилась к Русской православной церкви за рубежом. Когда встал вопрос о невозможности прихода содержать церковные

здания, представитель РПЦ предлагал Волкову передать все в ведение Московского патриархата. «Белоэмигрант» отказался, заявив, что присланный священник «большевик».

Олег Волков умер в 1987 году. Похоронен он, как и большинство представителей той диаспоры, на греческом православном кладбище при монастыре Святого Георгия. В отличие от Александрии (см.: «Русский мир.ru» №3 за 2022 год, статья «Русия Искандария». – Прим. ред.) здесь вход свободный и найти русские захоронения довольно просто по восьмиконечным крестам. В ряду массивных греческих склепов

Русский путешественник Василий Позняков, побывавший в храме в 1559 году, писал о чудотворном образе Святого Георгия «за решоткою медяною»

В православном некрополе стоит в ряд целая «улица» старых греческих склепов, в конце которой выделяется часовня в традиционном русском стиле

Остается только гадать, кто и зачем приставил табличку Гедеонова к греческой могиле

выделяется русская часовня. Неожиданно обнаружили табличку от надгробия Алексея Александровича Гедеонова, приставленную к греческой могиле. Довольно далеко от этого места отыскали могильную плиту Гедеонова. Вернули табличку на место...

Здесь же сохранилось самое значительное изваяние, выполненное руками русского мастера. На лестнице, поднимающейся к собору Святого Георгия, стоит внушительный барельеф Георгия Победоносца. Мало кто знает даже среди русских паломников, что это работа скульптора Бориса Оскаровича Фредмана-Клюзеля. Воспитанник Петербургской академии художеств поселился в Каире в 1927 году. Четверть века работал профессором в Каирском университете, заведовал кафедрой скульптуры, основал Высшую школу скульптуры, открыл галерею современных изящных искусств. Создал немало скульптур. «Ближе к природе, ближе к Богу» – таков был его принцип. «Вот уже три года, как я в Египте, – писал скульптор в письме другу, – но мне все еще трудно взяться за лепку верблюда». Неизвестно, как насчет верблюдов, но, вероятно, еще несколько работ Фредмана-Клюзеля до сих пор украшают общественные места египетской столицы. Основная же масса покоится в запасниках Музея изобразительных искусств.

ИОАНН ИЗ АНТИХАНИИ

Так называл себя Иван Яковлевич Билибин – самый видный русский художник Каира, оказавшийся в египетской столице в 1920 году. Художник прошел все тяготы жизни беженца. Эвакуировался из Новороссийска на пароходе «Саратов». Беженцев отказались принимать в Константинополе и на Кипре по причине наличия больных на судне, опасались эпидемии. Судно дошло до Александрии, где пассажирам разрешили сойти на берег. Затем Билибин (см.: «Русский мир.ru» №10 за 2021 год, статья «Жил был Билибин». – Прим. ред.) усваивал уроки выживания в лагере русских беженцев Тель-эль-Кебире, разбитом в пустыне между Исмаилией и Каиром. Из лагеря ему удалось выбраться в египетскую столицу.

«После долгих мытарств я обосновался в Каире, – писал Билибин другу. – Работу я нашел,

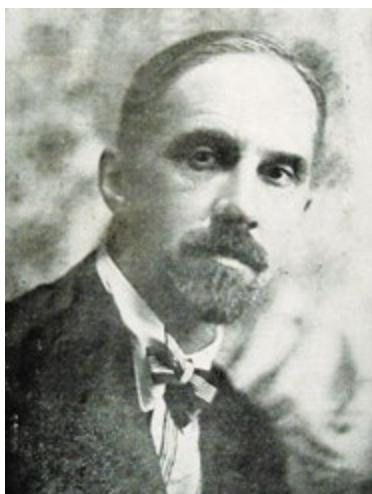
Дворец
Тахрир, ныне
использующийся
египетским
МИДом.
Здесь
неподалеку
располагалась
билибинская
«Антихания»

но денег дают ужасно мало, так что живу я на старости лет совсем студентом, словно мне двадцать лет». «Мусульманские кварталы в Каире очень специфичны, – продолжал художник, – архитектура великолепная, старины очень много, и тут же кругом базары, лавочки, торговцы, нищие, бедуины, негры, верблюды, разукрашен-

ные ослики, ковры, сладости, фрукты – словом, садись и рисуй восточную сказку».

Вскоре Ивану Яковлевичу подвезло. Состотельный грек заказал для своей виллы «византийское» панно размером 5,5 на 2,5 метра. На аванс Билибин снял дом на улице Антихана в районе нынешней Центральной площади Тахрир. Свой дом-мастерскую прозвал «Антиханией», себя – «Иоанном из Антихании».

На том «студенческая» жизнь закончилась. Утром и вечером Билибин работал в мастерской, днем гулял по городу, всматривался в окружающую жизнь, постигал египетское искусство. Открыл нечто родное. «Очень близко моему сердцу – это так называемое коптское, а помоему, просто довизантийское искусство египетского производства, но совершенно без прежних древнеегипетских традиций. Это предок (и пря-

Иван Яковлевич
Билибин.
1920-е годы

Анна Павлова на экскурсии у пирамид Гизы. 1923 год

мой, а не боковой) и нашего русского искусства».

А вот в работе «кооптское искусство» Билибину не пригодилось. Занимался он в основном росписью богатых домов в «византийском стиле». И горевал по своему призванию – книжным иллюстрациям. «Моей любимой работы – книжной – нет вовсе», – писал он.

Все это время у Билибина был бурный роман со своей 20-летней ученицей Людмилой Чириковой. Познакомились они еще в Крыму перед эвакуацией; вместе были на пароходе «Саратов», в лагере Тель-эль-Кебир. В конце концов он сделал ей предложение, более походившее на ультиматум. Писал, что, если она откажет, он женится на другой своей ученице – недавно овдовевшей Александре Васильевне Щекатихиной-Потоцкой. Людмила, как художник называл возлюбленную, отказалась. В конце 1922 года Чирикова уехала в Европу, а к Билибину из Петрограда приехала Александра Васильевна с маленьким сыном. Они поженились в феврале 1923 года. Александра стала спутницей жизни Билибина до конца дней: с ней он уехал в Париж в 1925 году, откуда в 1936-м вернулся в Ленинград.

«РОМАН МУМИИ»

В 1923 году в Каир на гастроли приехала балетная труппа во главе с Анной Павловой. «У нас только что кончились «дни о Павловой», – писал Иван Яковлевич. – Здесь она провела недели две. Танцевала со своей труппой в Курзале. Было сменять пять программ. Некоторые номера были великолепны. Я стал совсем балетоманом на эти дни. Вообще наше болото (если только этот термин может быть применен к знойной Африке) на несколько дней всколыхнулось».

Художник и балерина подружились: проводили вечера в «Античании», гуляли по улочкам Старого города, ездили в пустыню к древнеегипетским храмам и пирамидам. Павлова заказала Билибину эскизы декораций и костюмов для своих новых постановок. Для балета «Русская сказка» Иван Яковлевич не только нарисовал эскизы

здания бывшей русской багадельни и церкви. Последние русские старики первой волны эмиграции осуждали Волкова за то, что он не передал здание РПЦ

Добродушные и гостеприимные работники багадельни

костюмов и декораций, но и написал либретто. «Несколько вечеров я был литератором и сочинял сценарий, – писал художник другу. – Накатал штук семь-восемь балетов на отдаленно-приблизительные темы из русских сказок».

В репертуаре Анны Павловой было три балета на египетскую тематику. В одном из номеров отважная Павлова решилась танцевать с живой змеей. Но рептилия во время танца ни разу не пошевелилась, что очень разочаровало балерину.

Сама Павлова прониклась духом Древнего Египта и была неотразима. «Зрители говорили, – вспоминал партнер Павловой Альгеранов, – что танцовщицы оживили фрески. Это действительно было так. На Павловой был облегающий костюм синего цвета с золотом, на голове – парик с золотыми украшениями. Она танцевала на пунтах, делая руками характерные для древних египтян движения. Было такое впечатление, что вы наблюдаете за жрицей, танцующей перед богом Амоном-Ра».

На волне успеха Павлова решила расширить египетскую тему. Новая постановка была названа «Роман мумии». Эскизы «египетских костюмов» для балета были также созданы Билибиным.

В 1929 году труппа Павловой снова оказалась в Каире. Известно, что в тот приезд балерина увлекалась походами в Египетский музей, где впервые были выставлены экспонаты из гробницы Тутанхамона. Но без своего друга-художника – Билибин тогда уже уехал из Каира.

ПО СЛЕДАМ БИЛИБИНА

«Антихания» давно снесена: на ее месте сейчас – автомобильная развязка возле площади Тахрир. А вот старый мусульманский Каир, которым так восхищался Билибин, существует поныне. Самая известная его часть – район базара Хан эль-Халили. А если вы хотите увидеть Каир без туристического лоска, то нужно отправиться, например, к мечети Ибн Тулуна. Мы прошли через пролом в огромном акведуке и стали спускаться к Ибн Туруну.

Улочки становились все уже, дома все ниже, стены обшарпанные, деревянные двери казались совсем древними. В переулки здесь втискиваются только «тук-туки» и повозки, запряженные ослами или лошадьми. Хотя народ на европейцев здесь косится, но относится в целом дружелюбно. В одном из домов мы познакомились с семьей, промышляющей изготавлением вееров. Нам показали, как из кучи гусиных и утиных перьев рождается элегантное опахало. Показали и эксклюзивные варианты из перьев страуса.

Мы продолжили путь. Когда проходили мимо школы, попали в окружение ребятишек. Поначалу было весело: мы отвечали на вопросы о том, кто мы, откуда мы, зачем пришли, куда идем. Наконец мы, объяснив, что нам пора идти, попрощались. В ответ в нас полетели камни. Точнее, камешки, но по затылку прилетело весьма ощутимо...

Нас интересовало, сохранились ли «византийские» панно Билибина. Особняков тех времен в Каире осталось довольно много, может быть, и работы русского мастера там имеются. Проверить же это крайне затруднительно. Единственные общедоступные творения Билибина – иконостас небольшой церкви в Греческом госпитале. Туда мы и отправились напоследок.

Иван Яковлевич не раз получал заказы расписывать храмы. Но до наших дней сохранились

Церковь Святого Пантелеймона на территории Греческого госпиталя – единственная сохранившаяся в Египте церковь с росписями Ивана Билибина

только иконы в госпитальной церкви в Каире.

Греческий госпиталь находится недалеко от станции метро «Аббасия». Вопреки прогнозу Владимира Белякова, бывавшего в храме двадцать лет назад, на территорию госпиталя мы вошли беспрепятственно. Сейчас госпиталь – вполне современное открытое заведение, дела у которого, судя по обстановке, идут неплохо. Небольшую церковь в южном углу территории мы нашли без посторонней помощи. А вот внутрь попасть не смогли. Потратили на это два дня. В последний момент администратор госпиталя для открытия храма вдруг затребовал

ла персональное разрешение от директора госпиталя. При этом знала, что мы в тот день уезжали из Каира, и созвониться с директором отказалась. Чувствовались какие-то страхи. Может быть, обусловленные состоянием иконостаса? По внешнему виду этого не скажешь. Церковь, выполненная в греческих архитектурных традициях, в хорошем состоянии, территория вокруг ухоженная; наличие кондиционера говорит о том, что и о внутреннем пространстве храма госпиталь заботится. Для нас так и осталось загадкой, что там – за мутными окнами кубической крестообразной церкви. Разгадаем в следующий раз. ☺

Колокол госпитальной церкви готов к благовесту. Но когда и по каким случаям в храме бывают службы, выяснить не удалось

Подписывайтесь на журнал

РусскийМир.RU

Во всех почтовых отделениях России:

по каталогу агентства
«Книга-Сервис» – «Объединенный
каталог. Прессы России.
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

В почтовых отделениях стран СНГ:

по каталогам «Российская Пресса»
ОАО «Агентство по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:

электронный каталог
«Прессы по подписке» от агентства
«Книга-Сервис» на сайте www.akc.ru

За рубежом:

электронный каталог
международного агентства
«Соотечественник» на сайте
<http://www.sootechestvennik.agency>

электронный каталог
ООО «Коммуникационное
Агентство Криэйтив Сервис Бэнд»
на сайте <https://periodicals.ru>

Корпоративная подписка по Москве (доставка курьером):

электронный каталог
«Прессы по подписке» от агентства
«Книга-Сервис» на сайте
www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@russkiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru